„Пров 49“

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Всеобщій Евр. Раб. Союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

П. АНМАНЪ.

Какъ происходили революціи въ Западной Европѣ.

съ приложеніемъ
плана Парижа и схемы баррикадъ.

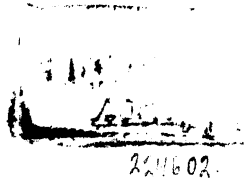
Изданіе Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

ЖЕНЕВА
Imprimerie israélite, Rue de Carouge 81. Genève, Suisse.
Іюнь 1905.

c)

„Пров 49“

224602



Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

КАКЪ ПРОИСХОДИЛИ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

I.

ОТКУДА БРАЛЪ НАРОДЪ ОРУЖІЕ И БОЕВЫЕ ПРИПАСЫ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦІИ?

Революціи рѣдко совершались безъ пролитія крови. Правительства обыкновенно цѣпко держатся за свои „божественныя" права и вырвать у нихъ политическую свободу и добиться участія народа въ правленіи удавалось только силой оружія, послѣ кровавыхъ сраженій. Но тутъ у каждаго изъ насъ возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ можетъ народъ побѣдить правительство? Народъ неорганизованъ, мало сознателенъ, лишенъ оружія, боевыхъ запасовъ, боевой опытности, военныхъ руководителей. Правительство же, наоборотъ, держитъ въ своихъ рукахъ всѣ организованныя и матеріальныя силы страны — войско, арсеналы, желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, и проч. и проч. У него опытные генералы, кавалерія, артиллерія, саперы и т. д., оно имѣетъ возможность быстро концентрировать свои рессурсы. Условія борьбы настолько неравны, что побѣда революціи кажется совершенно непонятной; представляется непостижимымъ, что правительства не только сдавались и удовлетворяли выставленныя требованія, но иногда обращались въ паническое бѣгство и скрывались, подобно французскимъ королямъ Карлу X (въ 1830 г.) и Луи Филиппу (въ 1848 г.), изъ проклятой, мятежной страны. Итакъ, прежде всего займемся вопросомъ, откуда инсургенты доставали оружіе.

1. Домашнее оружіе

Много вѣковъ тому назадъ населеніе Европы постоянно имѣло при себѣ оружіе. Во-первыхъ, въ случаѣ войны взрослые мужчины должны были по первому призыву немедленно собираться подъ знамена съ оружіемъ, конемъ и всякимъ другимъ снаряженіемъ, какъ это дѣлаютъ, примѣрно, наши казаки. Во-вторыхъ, много разбойниковъ и грабителей безчинствовали тогда по лѣсамъ и большимъ дорогамъ, государство же представляло отъ нихъ защиту крайне ненадежную; по неволѣ приходилось постоянно дер-

жать у себя наготовѣ ружье и пули, подобно тому, какъ это происходитъ у насъ теперь на Кавказѣ. Наконецъ, лѣсовъ и дичи въ нихъ раньше было несравненно больше, чѣмъ нынѣче, и охота составляла очень видный промыслъ; поэтому ружье составляло необходимое средство пропитанія, какъ и теперь у нашихъ сибиряковъ.

Но чѣмъ больше развивается въ странѣ промышленность, тѣмъ болѣе отходятъ въ область преданій и общенародныя ополченія, и разбойничество, и охота. Правительства не только не заинтересованы въ томъ, чтобы населеніе обладало оружіемъ, но, наоборотъ, предпочитаютъ видѣть его невооруженнымъ, и вотъ они начинаютъ всячески ограничивать права его въ этомъ отношеніи, издаютъ распоряженія о необходимости имѣть спеціальныя разрѣшенія на обладаніе огнестрѣльнымъ оружіемъ, тщательно контролируютъ продажу его въ оружейныхъ лавкахъ и нерѣдко производятъ обыски и отбираютъ все, кажущееся имъ опаснымъ.

Вотъ почему плохо бы пришлось всякой революціи, если бы она разсчитывала только на то оружіе, которое найдутъ у себя или смогутъ пріобрѣсти инсургенты. Конечно, все, что возможно было выискать у себя, у своихъ знакомыхъ, родныхъ — ружья, пистолеты, револьверы, сабли, пики и т. д. — все забиралось и пускалось въ ходъ, равно какъ пули, порохъ и патроны. Боевые снаряды можно и самому готовить у себя на квартирахъ, и рабочіе въ обширныхъ размѣрахъ пользовались этой возможностью, какъ поется въ пѣсенкѣ:

Сами набьемъ мы патроны,
Къ ружьямъ привинтимъ штыки!

Для пуль необходимъ свинецъ, и рабочіе добывали его, гдѣ только возможно, въ лавкахъ, на улицахъ, срывая водосточныя трубы, подоконники. Нерѣдко литьемъ пуль занимались женщины и дѣти (напр., въ іюльскую и февральскую революцію). Также сами готовили порохъ изъ угля, сѣры и селитры и заставляли приготовлять его аптекарей.

2. Разгромъ желѣзныхъ и оружейныхъ лавокъ.

Несмотря на всѣ такія ухищренія, на собственномъ оружіи далеко не уѣдешь. Конечно, если возстаніе организовано и руководители собрали большія средства, то можно заблаговременно закупить большіе запасы оружія и снарядовъ заграницей, но обыкновенно революціи возникали стихійно, неожиданно, безъ подготовки. И вотъ первымъ мѣстомъ, куда всегда инстинктивно устремлялся возставшій народъ, были оружейныя и желѣзныя лавки. Хотя вообще говоря по отношенію къ чужому имуществу инсургенты проявляли постоянно изумительную честность, но на ору-

жейныя лавки такая щекотливость не распространялась.

Разскажемъ здѣсь для примѣра, какъ происходило разграбленіе оружейныхъ лавокъ въ февральскую революцію 1848 года въ Парижѣ.

22 февраля, т. е. въ первый день революціи (она длилась три дня), въ часъ дня была сдѣлана первая попытка захватить оружіе въ одной лавкѣ на набережной рѣки Сены. Затѣмъ черезъ $1^1/_2$ часа толпа народу, вооруженная желѣзными прутьями, вырванными изъ рѣшетки морского министерства, явилась къ дому № 5 улицы Сэнтъ-Оноре. Испуганный хозяинъ послалъ за полицейскимъ комиссаромъ, но прежде чѣмъ онъ явился, все было уже расхищено. Тутъ же, на этой же улицѣ, разграбили еще мастерскую Прела. Въ $3^1/_2$ часа пополудни покушались разнести магазинъ оружейника Брека на улицѣ Руль, но неудачно. Но въ 7 часовъ вечера толпа, разграбивъ успѣшно лавку мастера Андре на улицѣ Сэнъ-Мартэнъ, снова вернулась сюда. Хозяинъ побѣжалъ за полиціей, а когда онъ вернулся, магазинъ уже былъ пустъ. У оружейника Девима инсургенты потерпѣли неудачу, такъ какъ онъ успѣлъ припрятать всѣ ружья. За то большую добычу они нашли у придворнаго оружейнаго мастера Лепажа на улицѣ Ришелье. Хозяинъ, ожидая нашествіе непріятныхъ гостей, заперъ свой магазинъ. Крѣпкія двери и ставни, обитыя желѣзными полосами, представляли, казалось, надежную защиту. Въ три часа дня толпа, вооруженная желѣзными прутьями, саблями и палками, явилась сюда и потребовала открыть магазинъ. Отвѣта не было. Толпа устремилась на дверь, но она не подавалась. Потерявъ терпѣніе, она остановила первый проѣзжавшій омнибусъ, выпрягла изъ него лошадей, вытащила дышло и принялась такъ усердно таранить дверь и ставни, что желѣзныя полосы наконецъ уступили. Магазинъ былъ дочиста разграбленъ.

Оружія захвачено было такимъ путемъ довольно много, но пороху досталось очень мало. Сезонъ былъ тогда не охотничій, и запасы пороху были истощены. А сверхъ того правительство короля Луи Филиппа, въ виду происходившаго броженія, позаботилось заблаговременно отобрать у продавцевъ всѣ остатки пороха.

Оружейныя лавки, какъ источники оружія для инсургентовъ, представляютъ значительныя неудобства. Во-первыхъ, правительство можетъ заблаговременно конфисковать весь имѣющійся въ нихъ товаръ или сдѣлать его негоднымъ, убравъ замки или другія важныя части. Во-вторыхъ, оружіе въ нихъ весьма разнокалиберное, разношерстное, и можетъ легко случиться, что подходящихъ патроновъ или другихъ снарядовъ не окажется для нѣкоторой части на лицо. Съ этимъ надо непремѣнно считаться, чтобы не обмануться въ разсчетахъ и не очутиться въ опасномъ положеніи.

3. Захватъ оружія частныхъ лицъ.

У многихъ частныхъ лицъ, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго желанія участвовать въ революціи, находится однако оружіе. Инсургентамъ необходимо раздобыть его. Для этого имъ надо обходить квартиры и просить оружія. Отказа ожидать трудно. Особенно практиковали этотъ способъ инсургенты по отношенію къ національнымъ гвардейцамъ, о которыхъ мы будемъ ниже спеціально говорить. Въ февральскую революцію 1848 года инсургенты обходили всѣ дома, гдѣ жили національные грардейцы, и требовали у нихъ оружія. Получивъ его, они писали на дверяхъ мѣломъ: „оружіе взято“, и отправлялись дальше, пока не обошли всѣ квартиры національной гвардіи въ рабочихъ кварталахъ. Тоже самое они дѣлали у частныхъ лицъ.

4. Случайное оружіе.

Въ борьбѣ съ полиціей, жандармеріей и войсками, рабочимъ нерѣдко оказывали большія услуги различные случайные предметы, оказывавшіеся въ ихъ сильныхъ рукахъ нерѣдко опаснымъ оружіемъ. На первомъ планѣ стоятъ, конечно, камни, которые градомъ летѣли въ войска съ улицъ, баррикадъ, крышъ и оконъ. Для этого втаскивали камни въ верхніе этажи, нерѣдко это дѣлали женщины и дѣти. Съ крышъ бросали внизъ также черепицы (въ мартовскую революцію 1848 г. въ Берлинѣ), а изъ оконъ всевозможную рухлядь, мебель, посуду и т. п. Все это — метательное оружіе. Еще большее значеніе имѣютъ, не столько для защиты, сколько для сооруженія баррикадъ, различные рабочіе инструменты, ломы, топоры, желѣзныя полосы и т. п. 23 февраля 1848 г. толпа осаждала домъ ненавистнаго министра Гизо. Домъ былъ обнесенъ съ улицы желѣзной рѣшеткой. Въ одно мгновеніе, съ силой, свойственной рабочимъ, эти рѣшетки были сломаны, разобраны, и толпа моментально вооружилась желѣзными прутьями, которые оказались въ ихъ рукахъ одновременно и оружіемъ и орудіемъ. Пользуясь ими, какъ рычагами, рабочіе поспѣшно взрывали *мостовыя* и вытаскивали камни для сооруженія баррикадъ и для бросанія въ солдатъ.

5. Захватъ казеннаго оружія.

Разъ часть инсургентовъ такъ или иначе вооружилась, то открывается уже возможность, путемъ прямыхъ нападеній на полицейскіе и солдатскіе посты, на казармы, арсеналы, цейхгаузы и другіе правительственные склады, захватывать большія количества оружія и снарядовъ и притомъ высшаго качества. Вооруженная толпа окружаетъ постъ, требуя сдачи, отбираетъ оружіе и отпускаетъ сол-

датъ на всѣ четыре стороны; такъ происходило сплошь и рядомъ во многихъ революціяхъ. Въ іюньскіе парижскіе дни (24 іюня 1848 г.) рабочимъ сдался цѣлый отрядъ въ 350 челов.; ихъ разоружили и отпустили на свободу.

10 августа 1792 года, народъ, придя въ ярость отъ измѣнническихъ дѣйствій короля Людовика XVI, призвавшаго иноземныя войска противъ Франціи, разграбилъ арсеналъ, подѣлилъ между собой оружіе и послѣ этого взялъ приступомъ королевскій дворецъ Тюльери, захватилъ въ плѣнъ короля и засадилъ его въ тюрьму.

Во время революцій въ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ въ 1848 году народъ неоднократно нападалъ на *цейхгаузы* и растаскивалъ оружіе. Такъ было, напр., 3-го марта въ Мюнхенѣ (столицѣ Баваріи), въ Нассау и т. п. Въ маѣ 1849 года инсургенты разграбили арсеналъ въ Рейнской провинціи и въ Вестфаліи.

Передъ взятіемъ Бастиліи, которое произошло 14-го іюля 1789 года, народъ напалъ на казенное зданіе „Домъ инвалидовъ“ и въ подвалахъ его нашелъ и вытащилъ на свѣтъ 30,000 ружей, множество сабель, шпагъ и даже нѣсколько *пушекъ*

6. Артиллерія у инсургентовъ.

Не трудно сообразить, какое огромное значеніе для успѣха революціи имѣетъ захватъ артиллеріи. Но, конечно, это удается весьма рѣдко, обыкновенно тогда, когда на сторонѣ инсургентовъ находится часть войскъ или національной гвардіи. Приведемъ здѣсь два такихъ случая.

Во время Ліонскаго возстанія 1831 года, рабочіе захватили *двѣ пушки*. Хорошо вооруженные, имѣя передъ собой свою артиллерію, неся черныя знамена съ надписью „Жить работая или умереть сражаясь“, они двинулись изъ рабочихъ предмѣстій въ городъ. Навстрѣчу имъ выступилъ батальонъ національной гвардіи изъ зажиточной буржуазіи. Произошло сраженіе и рабочіе одержали побѣду. Часть національной гвардіи изъ болѣе бѣдныхъ слоевъ перешла тогда на сторону рабочихъ, и къ вечеру весь городъ Ліонъ очутился въ ихъ рукахъ.

Такъ же успѣшны были дѣйствіи инсургентовъ во время революціи въ *Римѣ*, 16-го ноября 1848 года. Народъ, страшно недовольный правленіемъ поповъ и іезуитовъ, изъ которыхъ состояло правительство папы, отправился огромной процессіей къ папскому двору. Въ шествіи принимали участіе и національная гвардія, и линейныя войска. Папѣ были предъявлены народныя требованія: созывъ учредительнаго собранія, политическая свобода, участіе въ борьбѣ за объединеніе Италіи и проч. Папа Пій IX отказался наотрѣзъ исполнить эти требованія и прибавилъ, что никакими способами не удастся исторгнуть у него какія бы то

ни было уступки. Услышавъ такой отвѣтъ, толпа мгновенно разсыпалась по всему городу съ криками: „Къ оружію!“. Скоро она вернулась обратно съ ружьями и нѣсколькими пушками. Когда швейцарская стража дворца дала по народу залпъ, возбужденіе толпы дошло до высшей степени. Народъ открылъ съ своей стороны огонь, причемъ однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ убитъ кардиналъ Пальма. Еще короткое время—и весь папскій дворецъ, со всѣми обитателями, былъ бы разрушенъ до основанія, если бы на-смерть перепуганный папа не поспѣшилъ немедленно согласиться на всѣ требованія.

7. Какіе изъ перечисленныхъ способовъ добыванія оружія примѣнимы теперь?

Конечно, пользоваться надо всѣми способами: и собственнымъ оружіемъ, и частнымъ, и оружейниковъ и т. д. Но центръ вниманія долженъ лежать на добываніи *казеннаго оружія*, и вотъ почему. Въ эпоху европейскихъ революцій оружейное дѣло стояло на очень низкой степени развитія. *Кремневыя* ружья заряжались не съ *казенной части*, не патронами, а съ дула, крайне медленно и хлопотливо. Домашнія охотничьи и солдатскія ружья очень мало, поэтому, разнились другъ отъ друга. Преимущество вооруженія войска надъ вооруженіемъ инсургентовъ (если не считать артиллеріи) было *количественное*, а не *качественное*. Совсѣмъ иное дѣло теперь. Солдатскія трехъ-линейныя магазинныя винтовки чрезвычайно дальнобойны и скорострѣльны, и потому если пролетаріатъ вооружится даже берданками (т. е. солдатскими ружьями старого образца), то и тогда опасность потерпѣть страшное пораженіе чрезвычайно велика. Насъ будутъ разстрѣливать съ дальняго разстоянія, безъ того, чтобы мы могли даже отвѣчать съ успѣхомъ на выстрѣлы *). И только располагая рав-

*) Для примѣра мы можемъ указать на Якутскихъ ссыльныхъ, забаррикадировавшихся въ Якутскѣ въ домѣ Романова. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, у нихъ было сравнительно довольно много огнестрѣльнаго оружія: 12 ружей и 15 револьверовъ (2 двухстволыныхъ дробовыхъ ружья 12 калибра, 2 берданки, 5 одноствольныхъ дробовиковъ съ бердановскимъ затворомъ 16 и 12 калибра, 1 одноствольный пистонный дробовикъ, 1 дробовикъ центральнаго боя съ особымъ затворомъ, 1 дробовикъ Кольта шестизарядный; итого 12 ружей. Револьверы были слѣдующіе: 6 Броунинговъ, 1 Лефаше 10-ти зарядный, 2 бульдога, остальные Смита-Вессона разныхъ калибровъ). Мы нарочно сдѣлали здѣсь подробный перечень оружія Романовцевъ, чтобы показать всю *пестроту* его, неизбѣжную при случайныхъ способахъ его пріобрѣтенія. Отвѣчать на безпо-

нымъ по качеству оружіемъ, можно питать какія-нибудь надежды на успѣхъ. Вотъ и чему нападенія на солдатскіе посты, казармы, арсеналы, оружейные и патронные заводы должны сосредоточить на себѣ главное вниманіе въ предстоящей кровавой революціи.

По этой причинѣ домашнее приготовленіе *пороха*, литье пуль и т. п. кустарная работа не можетъ въ настоящее время имѣть того значенія, какое это имѣло въ польскую, французскую и др. революціи. За то *ручныя гранаты* могутъ сыграть въ извѣстные моменты большую роль. Какъ извѣстно, онѣ широко примѣнялись даже въ нынѣшнюю войну, особенно подъ Портъ-Артуромъ. Гдѣ войска, жандармы, полиція, дворники нападаютъ колоннами, тамъ мѣтко брошенная бомба произведетъ страшное опустошеніе и наведетъ панику.

II

БАРРИКАДЫ

Баррикады — вотъ слово, которое неразрывными нитями связано съ понятіемъ *революція*, слово, заставляющее кровь быстро разливаться по жиламъ и сердце усиленно биться. Въ нашемъ представленіи не можетъ быть революціи безъ баррикадъ. Все это вполнѣ естественно. Не можетъ быть ни одной войны безъ окоповъ, безъ траншей, безъ блиндажей, т. е. безъ *оборонительныхъ* сооруженій, имѣющихъ цѣлью задержать *наступательныя* дѣйствія враговъ, ихъ аттаки и бомбардировку. И если въ такихъ сооруженіяхъ нуждается сильная, могучая армія, то тѣмъ болѣе они необходимы для неорганизованныхъ, плохо вооруженныхъ возставшихъ народныхъ массъ.

Баррикада есть спеціально уличное сооруженіе и притомъ продуктъ спѣшной, лихорадочно-быстрой работы. Матеріалами для нея служитъ все то, что находится подъ рукой, за чѣмъ не нужно далеко ходить и что не требуетъ долгихъ, кропотливыхъ трудовъ. Тѣмъ не менѣе тутъ слѣдуетъ различать 2 типа: одинъ — легкій, моментально создаваемый, имѣющій главной цѣлью задержать натискъ *конницы*. Другой типъ, болѣе солидный, представляетъ прочный блиндажъ, защищающій отъ пуль и ядеръ, и прикрытіе для отстрѣливающихся инсургентовъ.

Задержкой для аттакъ конницы служили *проволоки*, протянутыя поперекъ улицы, *бревна и доски*, раскинутыя по мостовой, наконецъ *рвы*, выкопанные поперекъ улицы, какъ это было, напр., въ мартовскую революцію въ Берлинѣ (1848 г.). Но это не баррикады. Для послѣднихъ требу-

---

щадные обстрѣлы солдатской команды они совершенно *не могли*, такъ какъ та держалась на дальней дистанціи.

ется матеріалъ болѣе массивный, сплошной, а, главнымъ образомъ, хорошо связанный.

Когда появились первыя баррикады? Во время Великой Французской Революціи 1789 года ихъ не приходилось строить. Впервые сооружены онѣ были въ Парижѣ въ 1827 году, во время одного неудачнаго возстанія, впрочемъ въ скудномъ количествѣ. Но три года спустя во время іюльской революціи (1830 г.) баррикады сыграли крупную роль, выростая съ невѣроятной быстротой въ огромныхъ количествахъ, какъ это будетъ нами показано далѣе въ спеціальной главѣ „Іюльская революція". Съ тѣхъ поръ онѣ стали неизбѣжнымъ аттрибутомъ народныхъ возстаній. Съ быстротой молніи разносится по городу зловѣщій крикъ: „Къ оружію, на баррикады!" и, какъ грибы послѣ обильнаго дождя, выростаютъ баррикады и сѣтью покрываютъ городъ.

Внѣшній видъ баррикадъ, ихъ строеніе, матеріалъ, обиліе — могутъ служить хорошимъ показателемъ интенсивности революціоннаго жара и степени сознательности народныхъ массъ. Когда нѣтъ въ народѣ истиннаго энтузіазма, или онъ является достояніемъ небольшихъ только слоевъ, то баррикады рѣдки, легковѣсны, эфемерны, и серьезной защитой служить не могутъ.

Напр., на слѣдующій день послѣ государственнаго переворота, произведеннаго въ Парижѣ Людовикомъ Наполеономъ (2 декабря 1851 года; онъ сдѣлался императоромъ подъ именемъ Наполеона III), часть рабочихъ возстала для защиты республики и на улицахъ сооружены были баррикады; но ихъ было мало, состояли онѣ почти исключительно изъ опрокинутыхъ *фургоновъ, дилижансовъ и мебели.* У рабочихъ, свѣжо помнившихъ страшный ударъ, который они получили отъ буржуазнаго „республиканскаго" правительства въ іюнѣ 1848 года *), было очень мало рвенія проливать свою кровь для его спасенія.

Точно также въ первый день февральской революціи (22 февр. 1848 г.), когда врядъ ли кто могъ предвидѣть тотъ грозный, бурный характеръ, который приметъ народное недовольство, дѣло ограничивалось слабыми попытками строить баррикады изъ *стульевъ и мачтъ*, съ помощью которыхъ удалось на аристократической улицѣ „Елисейскія поля" задержать натискъ лошадей муниципальныхъ гвардейцевъ (т. е. жандармеріи) и осыпать ихъ градомъ камней, за неимѣніемъ другого оружія.

Петербургскія баррикады 9 января изъ *телеграфныхъ столбовъ, проволокъ и досокъ* относятся къ той же категоріи легкихъ баррикадъ.

Солидныя баррикады сооружались изъ менѣе легковѣсныхъ матеріаловъ. Вотъ типичный способъ ихъ устройства. Останавливаютъ проѣзжающіе дилижансы, подводы,

*) Объ этомъ см. гл. „Іюньское возстаніе 1848 г."

вагоны конки и т. п. экипажи, удаляютъ публику, подвозятъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагается устроить баррикаду, и опрокидываютъ ихъ. Это составитъ остовъ баррикады. Затѣмъ тащатъ всевозможные предметы для ея укрѣпленія. На первомъ планѣ мебель, ящики, бревна, доски— все, что можно легко достать по близости изъ сосѣднихъ домовъ и дворовъ. Далѣе слѣдуютъ камни мостовой. Улицы Парижа въ первой половинѣ XIX вѣка были вымощены большимъ массивнымъ булыжникомъ. При помощи ломовъ, кирокъ, желѣзныхъ полосъ, случайныхъ орудій, въ родѣ прутьевъ отъ рѣшетки, о которыхъ мы упоминали выше, крѣпкіе и ловкіе рабочіе быстро выворачивали камни мостовой и нагромождали ихъ на баррикаду. Для этого же шла въ дѣло и *земля*, какъ изъ-подъ камней, такъ и изъ глубокихъ *рвовъ*, которые вырывались поперекъ нѣкоторыхъ улицъ. Большую пользу оказывали также *деревья*, которыми во многихъ городахъ обсажены нѣкоторыя улицы. Ихъ буквально срубаютъ и валятъ на баррикаду. Въ одну ночь съ 23 на 24 февраля 1848 года въ рабочихъ кварталахъ было истреблено для этой цѣли до 4000 деревьевъ!

Извѣстный французскій писатель Прудонъ въ письмѣ къ пріятелю отъ 25 го февраля 1848 года сообщаетъ ему, между прочимъ, что онъ самъ былъ занятъ наканунѣ „вырываніемъ дерева на Биржевой площади, срываніемъ перилъ на одномъ изъ бульваровъ и вытаскиваніемъ камней для постройки баррикадъ". Это письмо пользу показываетъ, между прочимъ, какъ революціонный потокъ увлекаетъ и захватываетъ даже такихъ людей, какъ Прудонъ, которые не придавали значенія политическимъ движеніямъ, называя ихъ „пустяковинами".

Изъ такихъ-то матеріаловъ сооружались баррикады внушительной прочности и нерѣдко огромной вышины и толщины. Не только солдатскія пули, но даже снаряды тогдашней артиллеріи, къ которой правительство не стѣснялось прибѣгать, не могли причинить этимъ укрѣпленіямъ большого вреда.

Описаніе двухъ баррикадъ въ Парижѣ въ іюнѣ 1848 г.

1. Баррикада предмѣстья Сэнтъ-Антуанъ.

Чтобы дать читателю болѣе наглядное представленіе о внѣшнемъ видѣ баррикадъ, приведемъ здѣсь описаніе двухъ баррикадъ, сдѣланное знаменитымъ французскимъ писателемъ Викторомъ Гюго въ романѣ „Отверженные".

„Да разрѣшитъ мнѣ читатель остановить его вниманіе на двухъ баррикадахъ. Одна замыкала въѣздъ въ предмѣстье Сэнтъ-Антуанъ, другая запирала входъ въ предмѣстье Тампль. Первая была огромныхъ размѣровъ, высотой въ трехэтажный домъ и длиною въ 700 футовъ и, перерѣ-

зывая устья трехъ расходящихся въ разныя стороны улицъ, такимъ образомъ совершенно заграждала доступъ въ Сэнт-Антуанское предмѣстье. Снабженная зубцами и бойницами, упираясь въ земляные холмы, служившіе бастіонами, прилегая непосредственно къ обоимъ мысамъ, образуемымъ домами трехъ улицъ, протягивая тамъ и сямъ мощные выступы, воздымалась она, какъ циклопическая постройка, составляя задній фонъ страшной площади Бастиліи, видѣвшей 14-ое іюля*). Девятнадцать баррикадъ, одна позади другой, высились уступами на главной улицѣ Сэнтъ-Антуанскаго предмѣстья, за этой основной баррикадой. Четыре дня выдерживала она натискъ многочисленныхъ враговъ. Она осталась послѣднимъ оплотомъ возстанія, тогда, когда оно было вытѣснено уже изъ всѣхъ кварталовъ. Въ послѣдніе часы, когда окончательная катастрофа была неизбѣжна, инсургенты, за недостаткомъ пуль, заряжали свои карабины кусочками фаянса, косточками, пуговицами и т. п. Казалось, всѣ здѣсь сошли съ ума. Не слышно было обычныхъ насмѣшливыхъ, юмористическихъ восклицаній, на которыя такъ падки парижане, но зато воздухъ оглашался криками ярости и вызова. Время отъ времени надъ баррикадой высовывались головы борцовъ съ горящими глазами. Надъ ними выросталъ колючій рядъ карабиновъ, сабель, ломовъ, пикъ, топоровъ и штыковъ. Надъ баррикадой развѣвалось огромное красное знамя. Слова команды, одушевленныя боевыя пѣсни, звуки трубъ, крики женщинъ стояли въ воздухѣ... Хрустъ и трескъ исходили оттуда, какъ изъ электрическаго чудовища, и въ щеляхъ баррикады вспыхивали огоньки разряжаемыхъ ружей. Духъ революціи носился надъ ея вершиной. Какъ скала, высилась она передъ генералами африканской школы, и о нее должна была разбиться вся ихъ стратегія... Картечь была здѣсь безсильна, ядра могли производить только дыры. Какой же смыслъ было стрѣлять въ этотъ хаосъ. Войска, привыкшія ко всевозможнымъ военнымъ картинамъ, теряли бодрость, глядя на это неприступное укрѣпленіе“...

Три дня (23, 24 и 25 іюня) баррикада эта стойко держалась противъ всѣхъ нападеній, но 26 іюня, послѣ подавленія возстанія во всѣхъ кварталахъ Парижа, три генерала со своими колоннами со всѣхъ сторонъ обложили Сэнтъ-Антуанское предмѣстье. Подобно тиграмъ, бросились генералы Ламорисьеръ и Перро съ двухъ сторонъ на баррикаду. Она была вся окутана удушливымъ пороховымъ дымомъ и пылью, вздымаемой пушечными ядрами. Инсургенты защищались геройски, но нервы ихъ были ослаблены; сознаніе, что ихъ аттакуютъ со всѣхъ сторонъ, что каждую минуту имъ могутъ отрѣзать всякое отступленіе, сознаніе полной безнадежности ихъ борьбы а, главное,

*) 1789 г., день взятія Бастиліи.

недостатокъ аммуниціи, побудили ихъ очистить свою твердыню и скрыться на нѣкоторое время за тыловыми баррикадами, которыя они тоже очищали одну за другой.

2. Баррикада предмѣстья Тампль.

„На разстояніи четверти мили отъ первой описанной баррикады, въ концѣ старой улицы Тампль, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя, къ востоку отъ площади Шато д'О, упирается въ Тамплькій бульваръ, находилось небывалое каменное сооруженіе, высотою достигающее второго этажа домовъ. Это была стѣна изъ камней мостовой, безукоризненно вертикальная, словно возведенная по отвѣсу. По ея высотѣ можно было заключить о ея толщинѣ. На сѣрой поверхности ея, на правильныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, находились мелкія, почти незамѣтныя бойницы. Улица, насколько можно было охватить глазомъ, была безлюдна, всѣ окна и двери были на запорѣ. Не было ни души, не слышно было ни крика, ни шороха, ни дыханія. Царила гробовая тишина. Но время отъ времени, когда какой нибудь смѣльчакъ солдатъ, офицеръ или депутатъ рѣшался показаться на пустынной улицѣ, воздухъ со свистомъ прорѣзывала пуля, и тотъ падалъ на землю раненый или убитый... Зря не тратили пороха, почти каждый выстрѣлъ попадалъ въ цѣль. Отрядъ солдатъ, спрятавшіяся за аркой висячаго моста, серьезно и хмуро глядѣлъ на страшное укрѣпленіе, на эту неподвижную каменную громаду, изрыгавшую смерть и гибель. Баррикада эта, имѣвшая всего 80 защитниковъ, тоже держалась всѣ три дня противъ 10 тысячъ нападающихъ. Но на 4-ый день (26 іюня, около 8 час. утра) аттакующимъ удалось пробить себѣ путь къ ней сзади, разрушивъ топорами стѣны прилегающихъ домовъ; перебравшись по крышамъ, солдаты очутились въ тылу у защитниковъ. Дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно. Ни одинъ изъ нихъ и не подумалъ о бѣгствѣ. Всѣ полегли здѣсь костьми, за исключеніемъ только предводителя Бартелеми, спасшагося бѣгствомъ".

Взятіе этой баррикады генераломъ Ламорисьеромъ отдало въ его руки все предмѣстье Тампль и дало ему возможность устремиться немедленно во флангъ Сэнтъ-Антуанскому предмѣстью: пробилъ смертный часъ и для первой изъ описанныхъ выше баррикадъ.

Какимъ образомъ удавалось возводить многочисленныя и крѣпкія баррикады?

Общее число баррикадъ въ время революціи часто достигало внушительной величины. Въ іюньскіе дни ихъ было воздвинуто 414, а въ февральскую революцію въ

одну ночь съ 23 на 24 февраля было ихъ построено свыше полуторы тысячъ!

При видѣ такихъ цифръ, читая описаніе грандіозныхъ баррикадъ длиною въ 100 сажень и вышиною въ 3 этажа, читатель невольно будетъ охваченъ чувствомъ изумленія и недоумѣнія. Конечно, энтузіазмъ десятковъ тысячъ мускулистыхъ рукъ можетъ создать и не такія чудеса, но какимъ образомъ удавалось произвести такія колоссальныя работы *безпрепятственно*? Чего смотрѣло правительство? Гдѣ была полиція и жандармерія? Почему они не подавляли попытокъ сооруженія баррикадъ въ зародышѣ? Не пресѣкали зло въ корнѣ? Русскому человѣку, воспитанному въ нашей полицейско жандармско-казацкой обстановкѣ, это должно показаться непостижимымъ. $1^1/_2$ тысячи баррикадъ въ одну ночь 23 февраля 1848 года, и это въ то время, какъ наканунѣ появилось расклеенное на парижскихъ улицахъ оффиціальное объявленіе:

„Ст. 12. Согласно статьѣ 471 уголовнаго кодекса воспрещается засаривать проѣзжія дороги оставленіемъ на нихъ разныхъ матеріаловъ и другихъ какихъ бы то ни было вещей, затрудняющихъ свободный проѣздъ".

Итакъ, король предвидѣлъ возможность появленія баррикадъ и въ то же время $1^1/_2$ тысячи ихъ появилось въ одну ночь!

Мы укажемъ здѣсь на нѣсколько обстоятельствъ, которыя разъяснятъ намъ до извѣстной степени этотъ загадочный фактъ.

Прежде всего мы должны отмѣтить, что прежніе города не были похожи на нынѣшніе. Парижъ, напр., въ эпоху 30-50 годовъ представлялъ изъ себя, въ особенности въ *восточныхъ* кварталахъ, гдѣ главнымъ образомъ гнѣздилось возстаніе, лабиринтъ узкихъ и кривыхъ переулковъ, переплетающихся между собою, пересѣкающихся, окаймленныхъ высокими домами. Это Наполеонъ III, преслѣдовавшій главнымъ образомъ цѣль сдѣлать невозможнымъ въ будущемъ баррикадныя возстанія, перестроилъ въ шестидесятыхъ годахъ значительную часть стараго Парижа.

Вымощены онѣ были широкими и тяжелыми камнями, представлявшими, какъ мы уже говорили, превосходный матеріалъ для баррикадъ.

Помимо того, что при достаточной энергіи можно возводить баррикады съ чрезвычайной быстротой, инсургенты прибѣгали къ цѣлому ряду средствъ, для того, чтобы ускорить и облегчить свою работу. Огромное значеніе имѣлъ *набатъ*. Громкіе, тревожные удары колокола извлекали на улицы изъ домовъ, фабрикъ, мастерскихъ многотысячныя толпы народу и доводили возбужденіе до высокой степени. Въ меньшихъ городахъ на звуки набата стекались изъ окрестныхъ деревень крестьяне и нерѣдко примыкали къ инсургентамъ. Затѣмъ, съ наступленіемъ вечера, первымъ

дѣломъ старались тушить *уличные фонари*, перерѣзывали газовыя трубы, благодаря чему городъ погружался въ темноту. Подъ ея покровомъ легче шла работа по разносу оружейныхъ лавокъ и сооруженію баррикадъ.

Затѣмъ, не надо забывать, что полицейско-наблюдательная часть въ тѣ эпохи была организована несравненно хуже, чѣмъ нынѣ. Не было нынѣшней централизаціи, спеціализаціи, телефоновъ, телеграфовъ, электрическихъ трамваевъ, сѣти тайныхъ агентовъ и т. п. Весьма часто не хватало у правительствъ еще одного важнаго элемента — рѣшительности и пониманія истиннаго положенія дѣлъ. Они либо не дооцѣнивали серьезность момента, либо переоцѣнивали силы революціонеровъ. Въ первомъ случаѣ событія заставали ихъ врасплохъ, во второмъ — теряя подъ собою почву, довѣріе къ войску, не зная на кого можно съ увѣренностью опереться, они спѣшили уступить народнымъ требованіямъ, или если рѣчь шла о самой коронѣ, обращались въ бѣгство. Слабость, тупая беззаботность, слѣпая самоувѣренность или нерѣшительность правительствъ были на руку революціи.

Были однако случаи, когда отсутствіе помѣхъ для возведенія цѣлой сѣти мощныхъ баррикадъ объяснялось совсѣмъ другими причинами. Иногда безсовѣстныя правительства, заранѣе предвидя неизбѣжность борьбы съ революціонными элементами и увѣренныя въ своихъ силахъ, нарочно давали возстанію возможность разрастись, для того, чтобы побѣду надъ нимъ сдѣлать болѣе кровавой и грандіозной, для того, чтобы задать внутренному врагу такой урокъ, который надолго остался бы ему памятенъ и отвадилъ бы отъ новыхъ попытокъ. При этомъ они не останавливались передъ прямой провокаціей, совершая такія дѣйствія, которыя явно имѣли цѣлью переполнить чашу терпѣнія рабочихъ и вызвать ихъ на возстаніе. Приведемъ здѣсь два такихъ случая.

22 іюня 1848 года буржуазное республиканское правительство закрыло національныя мастерскія, гдѣ находили работу болѣе 100.000 рабочихъ, и такимъ образомъ сознательно, умышленно толкнуло парижскій пролетаріатъ на возстаніе. Оно дѣйствительно немедленно же вспыхнуло. Но военный министръ, и затѣмъ диктаторъ, Кавеньякъ не торопился съ репрессіями, далъ ему разрастись и только на 3-й и 4-й день подавилъ его съ невѣроятной жестокостью и свирѣпостью.

Такую же тактику примѣнилъ Людовикъ Наполеонъ послѣ государственнаго переворота, совершеннаго имъ 2-го декабря 1851 года. Ему хотѣлось нанести своимъ врагамъ — республиканцамъ такой ударъ, который отдался бы эхомъ по всей странѣ и сразу парализовалъ бы возможность возстанія въ провинціи. Его свѣже испеченный министръ Морни снабдилъ главныхъ начальниковъ парижскихъ войскъ

такой инструкціей: „*Дайте инсургентамъ время собраться съ силами и соорудить серьезныя баррикады, и тогда однимъ ударомъ сокрушите врага. Остерегайтесь утомить войска мелкими, несерьезными схватками, для того, чтобы въ рѣшительный моментъ вполнѣ ими располагать*".

Морни имѣлъ тутъ въ виду двѣ предыдущія французскія революціи (1830 и 1848), когда войска были деморализованы вслѣдствіе изнуренія отъ долгой сторожевой службы и ряда безплодныхъ маршевъ и контръ-маршевъ. Совѣтъ этого рыцаря государственнаго переворота не пропалъ даромъ. Въ теченіе всей ночи съ 3-го на 4-ое декабря и всей первой половины послѣдняго дня инсургентамъ не препятствовали возводить баррикады. 30 тысячъ стоявшихъ на готовѣ, испытанныхъ, хорошо дисциплинированныхъ, напрактиковавшихся въ уличной борьбѣ солдатъ, упоенныхъ щедрыми подачками деньгами, мясомъ, виномъ и водкой, легко расправились съ плохо вооруженными и немногочисленными баррикадными борцами. Провинція послѣ этого и не пикнула. Наполеонъ сталъ императоромъ...

Была ли планомѣрность въ сооруженіи баррикадъ?

Баррикады строились всегда стихійно, однако опытъ и традиція вносили сюда извѣстную закономѣрность. Опредѣленной, ясной системы и плана при ихъ сооруженіи не было, такъ какъ во время революціи, какъ мы увидимъ ниже, большею частью совершенно отсутствовало общее руководство возстаніемъ. Баррикады воздвигались при устьяхъ улицъ, на мѣстѣ схожденія двухъ или болѣе улицъ и переулковъ. Однѣ выростали въ тылу другихъ, такъ что, по взятіи врагомъ передовыхъ укрѣпленій, защитники спасались къ тыловымъ. Имѣя защищенный баррикадами районъ, инсургенты старались о безпрерывномъ расширеніи арены дѣйствій: они переходили въ наступленіе и завоеванную территорію спѣшили забаррикадировать. Въ случаѣ, если войскамъ удавалось захватить баррикады, инсургенты напрягали всѣ силы, чтобы съ наступленіемъ темноты вернуть потерянныя позиціи и снова ихъ укрѣпить. Это имъ часто удавалось.

Въ Парижѣ баррикады обыкновенно концентрически тѣснились вокругъ *ратуши*, т. е. городской думы, которая въ исторіи французскихъ революцій играла огромную роль. Захвативъ ратушу, народъ имѣлъ возможность облечь свои побѣды въ правовыя формы, выбирая временное правительство, назначая своихъ людей на различныя должности, издавая декреты и т. д.

Между баррикадами поддерживалась обыкновенно живая связь при посредствѣ, главнымъ образомъ, женъ, сестеръ и дочерей рабочихъ, которыя разносили проголодавшимся

борцамъ пищу, также оружіе и боевые припасы. При этомъ для того, чтобы на большихъ разстояніяхъ избѣжать ареста со стороны войскъ, рабочіе придумывали рядъ остроумныхъ способовъ, имѣвшихъ цѣлью обмануть ихъ бдительность. Устраивали мнимыя похороны и въ гробахъ подвозили къ сражающимся оружіе. Въ посудѣ съ молокомъ, въ хлѣбахъ прятали патроны. Женщины притворялись для той же цѣли беременными.

Бойцы занимали позиціи не только за баррикадами. Они забирались и въ сосѣдніе дома и стрѣляли изъ оконъ, сбрасывали различные предметы съ крышъ, съ балконовъ, такъ что аттакующіе отряды часто обращались въ дикое бѣгство, не выдержавъ перекрестнаго огня. Нѣкоторые изъ ближайшихъ домовъ превращались въ импровизированные перевязочные пункты, гдѣ женщины ухаживали за ранеными, другіе дома обращались въ покойницкія, въ караулки.

Понятно, что предательскіе дома, откуда осыпали фланговымъ огнемъ аттакующихъ солдатъ, привлекали на себя ихъ усиленное вниманіе. Они употребляли всѣ усилія, чтобы овладѣть ими, выгнать оттуда инсургентовъ и черезъ проломы въ стѣнахъ, по крышамъ пробраться въ тылъ баррикаднымъ защитникамъ. Для этого пускалась нерѣдко въ ходъ артиллерія, которая производила въ домахъ страшныя опустошенія, даже пожары. Результаты, вообще говоря, обыкновенно мало соотвѣтствовали такимъ варварскимъ методамъ борьбы, но все таки *попытки пробраться въ тылъ составляютъ самую страшную опасность для борцовъ и противъ нихъ необходимо направить все вниманіе и бдительность.*

Наученныя опытомъ, европейскія правительства принимали разнаго рода профилактическія мѣры, чтобы защитить себя отъ баррикаднаго возстанія. Мы уже говорили, что Наполеонъ III для этой именно цѣли перестраивалъ въ Парижѣ старинные кварталы, воздвигая широкіе бульвары на мѣстѣ густой сѣти узкихъ переулковъ.

Король Луи-Филиппъ, возведенный на тронъ іюльской революціей, въ которой баррикады играли большую роль вполнѣ основательно опасаясь, какъ бы новыя баррикады не сверглиего съ шаткаго престола, заблаговременно выработалъ подробную и детальную инструкцію на случай возстанія въ Парижѣ. Надъ ней работала цѣлая коммиссія изъ генераловъ. Съ чрезвычайной точностью были распредѣлены мѣстопахожденія различныхъ войсковыхъ частей, пункты, которые должны быть прежде всего заняты солдатами, казармы и кордегардіи, которыя они должны будутъ защищать, способы сообщенія между отдѣльными колоннами, способъ ихъ сосредоточенія, и *стратегическіе пункты,* гдѣ надлежало располагаться второстепеннымъ командамъ. Городъ былъ весь усѣянъ казармами, зубчатыми стѣнами и внутренними фортами.

Эта предусмотрительность не спасла Луи Филиппа, равно какъ не помогла и Наполеону III перестройка Парижа. Обоихъ смели съ трона революціи.

Примѣнимы ли, и въ какой степени, въ предстоящей у насъ революціи баррикады?

Безъ насильственной кровавой революціи сломить русское самодержавіе врядъ ли удастся, а разъ неизбѣжно вооруженное возстаніе, то безъ баррикадъ мы не обойдемся, какъ нельзя обойтись на войнѣ безъ окоповъ и редутовъ. Это показали, между прочимъ, и событія 9 января въ Петербургѣ, гдѣ инстинктивно прибѣгли къ баррикадамъ изъ телеграфныхъ столбовъ и проволокъ. Итакъ, рѣчь можетъ итти не о томъ, понадобятся ли намъ баррикады вообще, а о томъ, насколько широко можетъ быть ихъ примѣненіе и насколько велика та польза, которую онѣ могутъ принести.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько своихъ соображеній.

1) Благопріятны ли современныя улицы для сооруженія баррикадъ? Вообще говоря, нѣтъ. Старинныхъ городовъ съ преобладаніемъ лабиринтовъ узкихъ и кривыхъ переулковъ осталось немного, и не они сыграютъ рѣшающую роль во время революціи. Петербургъ же*) и большіе города заключаютъ въ себѣ почти исключительно широкія и прямыя, какъ стрѣла, улицы. Это обстоятельство, дѣйствительно, чрезвычайно затрудняетъ устройство баррикадъ, какъ писалъ объ этомъ въ 1895 году Энгельсъ**); но *невозможными его не дѣлаетъ*.

2) Другимъ невыгоднымъ обстоятельствомъ является характеръ замощенія многихъ улицъ въ большихъ городахъ. Тамъ имѣются торцовыя и асфальтовыя мостовыя, которыя менѣе удобны для нашей цѣли, чѣмъ каменныя мостовыя. Но, во первыхъ, не на всякой улицѣ необходимо строить баррикады, а во вторыхъ, и торцовыхъ и асфальтовыхъ мостовыхъ немного, и ихъ нетрудно разобрать на большомъ разстояніи и добытые матеріалы вмѣстѣ съ землей сложить въ груды.

3) При сооруженіи баррикадъ необходимо считаться съ силой современнаго оружія. Противъ солдатскихъ пуль не требуется толстыхъ баррикадъ, слой *дерева* въ $1^1/_2$ аршина толщиной уже вполнѣ задерживаетъ пулю трехлинейной винтовки. Еще меньшей толщины долженъ быть слой *земли* или *песку* — достаточно $^3/_4$ аршина. Хорошо защищаютъ также *кирпичи* и *булыжники*, хотя они крошатся отъ пуль. Но совсѣмъ иной масштабъ нуженъ для *артил-*

*) Москва болѣе благопріятна для устройства баррикадъ.

**) Въ предисловіи къ книгѣ Маркса „Классовая борьба во Франціи въ 1848-50 гг.“. См. начало слѣд. главы.

леріи. Для защиты отъ нея потребовались бы саженные окопы. Главная задача защитниковъ должна заключаться поэтому въ томъ, чтобы не давать подвозить артиллеріи, выбивая изъ строя прислугу и лошадей. Для этого должны быть заняты рабочими дома и позади и впереди баррикадъ, а въ послѣднихъ устроены многочисленныя бойницы. Ночью баррикады должны быть окутаны мракомъ, но пространство, впереди находящееся, должно быть такъ или иначе освѣщено, посредствомъ ли фонарей, костровъ, свѣчей въ окнахъ нижнихъ этажей и т. п., для того, чтобы возможно было слѣдить за дѣйствіями врага. Въ баррикадѣ должна быть оставлена щель для пролѣзанія одному человѣку, чтобы легче поддерживать связи между ними.

4) Скажемъ нѣсколько словъ о системѣ, по которой должны строиться баррикады. Конечно, можно говорить объ ней только въ общихъ чертахъ, примѣрно, такъ какъ условія мѣстности и времени могутъ быть весьма разнообразны. Основная цѣль баррикадной сѣти — окружить непроходимыми препятствіями цѣлый районъ, часть города, содержащую въ себѣ множество улицъ. переулковъ, площадей, прямыхъ, кривыхъ, ломаныхъ, взаимно перпендикулярныхъ, расходящихся и сходящихся. Однако, возьмемъ весьма частый и въ тоже время наиболѣе трудный въ баррикадномъ отношеніи типъ городовъ, заключающихъ весьма правильную сѣть взаимно перпендикулярныхъ прямыхъ улицъ. Цѣлый рядъ параллельныхъ улицъ тянется, напр., съ востока на западъ, а другой рядъ тоже параллельныхъ между собою улицъ простирается съ сѣвера на югъ, пересѣкая всѣ улицы перваго ряда подъ прямымъ угломъ. На *прилагаемой схемѣ* первыя пронумерованы римскими цыфрами № I—XIII, вторыя арабскими № 1—13. Какой системы надо держаться при возведеніи баррикадъ въ такомъ типичномъ городѣ? Если намъ необходимо не терять ни минуты и поскорѣе приготовить для себя укрѣпленное убѣжище, то мы начнемъ съ укрѣпленія *одного перекрестка* двухъ улицъ, напр, № 7 и № VII. Для этого намъ нужно соорудить 4 баррикады и наше укрѣпленное уличное пространство приметъ видъ креста +, съ прилегающими же домами это будетъ квадратная цитадель. У насъ будетъ, такимъ образомъ, *базисъ*, опираясь на который мы можемъ дѣлать дальнѣйшія завоеванія во всѣ 4 стороны. Мы двигаемся, напр., по улицѣ № 7 до встрѣчи съ ул. VI. Этотъ новый крестъ улицы мы тоже укрѣпляемъ, для чего потребуется три баррикады. Если же подвинемся по этой же улицѣ № 7 внизъ до ул. № VIII, то опять придется построить 3 новыхъ баррикады для укрѣпленія этого перекрестка. Продѣлавъ ту же операцію по обѣимъ сторонамъ улицы VII до встрѣчи съ улицами № 6 и № 8, мы получимъ новый укрѣпленный районъ, значительно больше перваго, представляющій квадратъ 2-ой степени, заключающій въ себѣ

6 улицъ и защищенный четырьмя первоначальными и 12 добавочными, а всего 16 баррикадами. Расширяя постепенно наши владѣнія, мы, построивъ еще 20 баррикадъ, оказываемся въ обладаніи квадратомъ 3-ей степени, охватывающимъ 10 улицъ и защищеннымъ 36 баррикадами. Число улицъ возростаетъ всякій разъ на 4, число *добавочныхъ* баррикадъ на 8. Дальнѣйшій ростъ укрѣпленнаго района показываетъ слѣдующая табличка:

Районъ.	Число улицъ.	Число добавочныхъ баррикадъ.	Общ. число баррикадъ.
Квадратъ 1 степени.	2	—	4
„ 2 „	6	12	16
„ 3 „	10	20 (12+8)	36
„ 4 „	14	28 (20+8)	64
„ 5 „	18	36 (28+8)	100
„ 6 „	22	44 (36+8)	144
„ 7 „	26	52 (44+8)	196

и т. д.

При такой системѣ взятіе одной баррикады заставляетъ очистить только *двѣ* ближайшія. Нѣтъ необходимости начинать возведеніе баррикадъ только изъ одного мѣста. Разныя группы рабочихъ могутъ одновременно начинать постройку баррикадъ, исходя изъ нѣсколькихъ базисовъ, напр. на прилагаемой схемѣ, изъ перекреста № 3 и № Ш или № 11 и № XII. Но всегда нужно считаться съ тѣмъ соображеніемъ, чтобы базисъ былъ укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ.

5) Въ дѣйствительности, ни одинъ городъ не состоитъ исключительно изъ такихъ правильныхъ кварталовъ. Встрѣчаются улицы кривыя, загибающіяся, извивающіяся, ломанныя, пересѣкающіяся въ видѣ буквы Т, расходящіяся въ видѣ радіусовъ и т. п. Имѣются площади, сады, набережныя, мосты. Почти всѣ эти обстоятельства не затрудняютъ, а облегчаютъ дѣло возведенія и защиты баррикадной сѣти, въ сравненіи съ той простой схемой, которую мы выше изложили. Прямыя улицы опасны тѣмъ, что они даютъ легко обстрѣливать баррикады съ дальней дистанціи *артиллерійскимъ* огнемъ, противъ котораго въ такомъ случаѣ не будетъ никакой защиты, никакого спасенія. Улицы кривыя, загибающіяся препятствуютъ такой бомбардировкѣ, такъ какъ для обстрѣла баррикадъ въ такихъ случаяхъ нужно подвести пушки весьма близко къ баррикадамъ или втаскивать ихъ въ комнаты и на крыши домовъ. Послѣдняя операція довольно затруднительна, а противъ первой можно бороться, разстрѣливая лошадей и прислугу. Если улицы вливаются одна въ другую на подобіе буквы Т или Ш, то баррикаду надо строить настолько близко къ поперечной улицѣ, чтобы инсургентамъ возможно было попадать своими пулями въ солдатъ, если они заберутся на крыши домовъ, расположенныхъ прямо противъ баррикады, такъ какъ овладѣ-

ніе этой позиціей составляетъ самую страшную опасность для защитниковъ баррикады. Въ случаѣ если отъ укрѣпленнаго базиса расходятся радіусами нѣсколько улицъ, то построить одну общую баррикаду для всѣхъ этихъ улицъ можетъ оказаться выгоднѣе, чѣмъ преграждать каждую изъ нихъ въ отдѣльности, такъ какъ взятіе одной изъ послѣднихъ баррикадъ неминуемо заставитъ очистить всѣ остальныя баррикады на расходящихся улицахъ.

6) Можетъ далѣе возникнуть вопросъ: гдѣ лучше возводить баррикады, въ серединѣ ли квартала, т. е. такъ, какъ это показано на нашей схемѣ, или у самаго перекрестка, т. е. въ томъ мѣстѣ улицы, гдѣ она пересѣкается поперечной (см. на схемѣ базисъ на скрещеніи ул. № 3 и № XI). Послѣднее, по нашему мнѣнію, опаснѣе, такъ какъ противъ такой краевой баррикады, черезъ улицу, находятся два угловыхъ дома, туда могутъ забраться на верхній этажъ или на чердакъ солдаты и безпрепятственно обстрѣливать пространство за баррикадой. Легко разсчитать, что при ширинѣ улицы въ 10 саженъ, высотѣ дома въ 5 саженъ и высотѣ баррикады въ 1 сажень, пули съ чердака, даже принимая во вниманіе косое ихъ направленіе, будутъ ударять въ землю на разстояніи всего 7-8 аршинъ отъ задняго края баррикады. При такихъ условіяхъ, это, само собою разумѣется, плохая защита. Если же баррикаду строить посерединѣ между двумя поперечными улицами, то необходимо занять дома, лежащіе не только позади, но и впереди нея, и оттуда поражать нападающихъ всѣмъ, что только возможно, въ томъ числѣ, динамитными бомбами.

Достоинъ вниманія также вопросъ о томъ, какое мѣсто выбрать первоначальнымъ базисомъ. Конечно, обыкновенно въ революціи баррикады выростали сразу массами, сотнями, и возводили ихъ повсюду, гдѣ только находились народныя массы. Но все же не мѣшаетъ обратить вниманіе, что нѣкоторыя зданія могутъ оказаться весьма удобными для такихъ базисовъ, напр., монастыри, гостиные дворы.

7) На однихъ улицахъ высокіе каменные дома тянутся сплошными стѣнами по обѣ стороны улицы. Это наиболѣе выгодный случай для устройства баррикадъ. На другихъ улицахъ каменные дома перемежаются низкими одноэтажными, деревянными, пустошами, заборами и т. д. Такія улицы города опаснѣе для инсургентовъ, такъ какъ врагамъ легко прорваться сбоку въ тылъ. Всякія пустоши, заборы, низкіе дома слѣдуетъ приравнивать къ устью поперечной улицы и тщательно забаррикадировать.

8) Высота баррикады должна находиться въ зависимости отъ характера мѣстности, лежащей *впереди* ея. Она можетъ быть ниже (но толще), если передъ нею тянется открытая, прямая, широкая улица безъ высокихъ домовъ. Если же впереди баррикады, а тѣмъ болѣе прямо противъ нея, имѣются высокіе дома, благодаря чему для солдатъ возможенъ

обстрѣлъ сверху, то высота должна быть значительно увеличена.

9) Большое вниманіе должно быть обращено на *проходные дворы* и вообще существующіе побочные проходы между кварталами. Покуда они находятся въ распоряженіи инсургентовъ внутри забаррикадированныхъ районовъ, они очень полезны, облегчая междубаррикадныя связи, которыя всегда должны быть предметомъ самыхъ тщательныхъ заботъ и правильно поддерживаться. Но они скрываютъ въ себѣ ту опасность, что въ случаѣ захвата войсками улицы, откуда начинается проходной дворъ, они черезъ него могутъ ворваться въ тылъ защитникамъ. Поэтому выходы изъ проходныхъ домовъ необходимо забаррикадировать.

Необходимо также опасаться появленія солдатъ въ тылу черезъ чердаки сосѣднихъ домовъ. При помощи пироксилиновыхъ шашекъ они могутъ съ чрезвычайной быстротой устраивать бреши въ брандмауэрахъ.

10) Интенсивное вниманіе должно быть обращено поэтому на правильное функціонированіе *строевой* службы. Повсюду, въ важныхъ мѣстахъ, должны быть поставлены часовые, которыхъ нужно смѣнять черезъ опредѣленные промежутки времени для того, чтобы не ослаблялась ихъ бдительность. Условные знаки, сигнализація, пароли слѣдуетъ примѣнять въ широкихъ размѣрахъ для быстрой передачи извѣстій.

11) Организація снабженія борцовъ съѣстными припасами должна быть предметомъ серьезныхъ заботъ.

12) Обыкновенную и колючую проволоку, если хотятъ ею остановить патискъ конницы, надо протягивать поперекъ улицы нѣсколькими рядами до достаточной вышины, иначе не трудно черезъ нее перескочить.

13) Излишне, конечно, напоминать о необходимости перерѣзыванія телефоновъ и телеграфовъ.

III.

РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ И СОЛДАТЫ.

Въ упомянутомъ выше предисловіи къ сочиненію Маркса Энгельсъ затрагиваетъ вопросъ о возможности въ настоящее время вооруженнаго возстанія въ Германіи и приходитъ къ очень пессимистическимъ выводамъ.

Условія борьбы, говоритъ онъ, совершенно измѣнились въ этой области. Возстаніе стараго типа (уличная борьба и баррикады) съ 1848 года значительно устарѣло. „Не будемъ питаться иллюзіями: дѣйствительная побѣда возстанія надъ войскомъ въ уличной борьбѣ, побѣда въ борьбѣ какъ бы между двумя арміями.—величайшая рѣдкость“. Въ возстаніяхъ обыкновенно дѣло не въ такой побѣдѣ; дѣло обыкновенно въ томъ, чтобы утомить войска нравственнымъ

вліяніемъ, котораго при борьбѣ въ открытомъ полѣ не существуетъ. Если это удается, возстаніе побѣждаетъ; если нѣтъ, оно погибло. Такъ бывало въ большинствѣ случаевъ, такъ какъ войско, даже если оно будетъ въ меньшинствѣ, лучше вооружено, находится подъ лучшимъ и единымъ руководствомъ, его силы лучше бываютъ использованы. Оно также выше по своей дисциплинѣ. Инсургенты въ самомъ лучшемъ случаѣ могутъ хорошо построить баррикады и хорошо защитить ихъ. Организація боевыхъ силъ обыкновенно не удается инсургентамъ; имъ недостаетъ единаго плана, о концентрированіи боевыхъ силъ въ одномъ пунктѣ для рѣшительной битвы не можетъ быть и рѣчи. Поэтому обычна только пассивная защита; нападеніе возможно только въ рѣдкихъ случаяхъ, обыкновенно инсургенты занимаютъ только мѣста, оставленныя войсками. Кромѣ того, у войска есть артилл рія и обученные корпуса; неудивительно, что борьба на баррикадахъ даже тогда, когда она ведется съ геройскимъ мужествомъ, заканчивается пораженіемъ возставшихъ, ибо начальникъ войска, не смущаемый политическими соображеніями, можетъ дѣйствовать исключительно на основаніи правилъ военной тактики.

По словамъ Энгельса, частая удача возстаній до 1848 г. объясняется особыми причинами. Въ Парижѣ, въ іюлѣ 1830 г. и въ февралѣ 1848 г., такъ же, какъ въ большинствѣ возстаній въ Испаніи, между инсургентами и войсками стояла *національная гвардія*; она или прямо становилась на сторону инсургентовъ, выдавая имъ оружіе, или своимъ поведеніемъ заставляла войско колебаться. Когда эта національная гвардія была *противъ* возстанія, инсургентовъ постигала неудача (что и случилось въ іюнѣ 1848 года въ Парижѣ). Въ другихъ случаяхъ начальники войскъ необладали достаточной энергіей и т. д. Даже въ классическую эпоху уличной борьбы баррикады дѣйствовали болѣе морально, чѣмъ матеріально; онѣ были только средствомъ, чтобы поколебать вѣрность войска — разъ этого не достигали, возстаніе терпѣло пораженіе.

Уже въ 1849 году инсуррекція не имѣла никакихъ надеждъ на успѣхъ. Буржуазія вездѣ становится на сторону правительства и войска; баррикады утратили свое очарованіе; солдатъ видитъ за ними не народъ, а отбросы общества; офицеръ научился бороться противъ уличныхъ нападеній. А съ того времени отношенія еще больше измѣнились — и все въ пользу войска.

Если выросли города, то увеличились и арміи. Гарнизоны при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ могутъ въ теченіе 24 часовъ превратиться въ громадную армію. У войска скорострѣльныя орудія — и наоборотъ для инсургентовъ всѣ условія ухудшились, пролетаріату не удается сгруппировать вокругъ себя всѣ средніе слои, „народъ“, стало быть, сотается разрозненнымъ. И если бы среди инсургентовъ

было относительно много опытныхъ солдатъ — у нихъ нѣтъ оружія; предположимъ, что они захватятъ оружіе въ оружейныхъ лавкахъ (а полиція можетъ заранѣе сдѣлать это оружіе непригоднымъ, снявъ съ него казенники) — все это оружіе принесетъ мало пользы, такъ какъ оно разнаго калибра. Да, наконецъ, современныя прямыя и широкія улицы какъ будто нарочно приспособлены для обстрѣливанія. „Революціонеръ долженъ быть сумасшедшимъ, рекомендуя для баррикадной борьбы новые рабочіе округа на сѣверѣ и востокѣ Берлина“. ..

Во всей этой критикѣ Энгельса, подробнымъ разборомъ которой мы здѣсь не будемъ заниматься, чрезвычайно много вѣрнаго. И хотя онъ писалъ здѣсь о *соціалистической* революціи *нѣмецкихъ* рабочихъ, но *почти* всѣ его соображенія примѣнимы и для предстоящей россійской *буржуазной* революціи, основной задачей которой является завоеваніе демократическаго строя. Да, если правительственныя войска сражаются съ готовностью, слѣпо подчиняясь военной дисциплинѣ, то побѣда революціи болѣе чѣмъ проблематична. Но совсѣмъ другой оборотъ принимаетъ дѣло, если войска проявляютъ колебаніе. Даже нѣтъ необходимости, чтобы отряды солдатъ прямо переходили на сторону народа — достаточно, чтобы они проявляли вялость и нерѣшительность. Это дѣйствуетъ одновременно на обѣ борющіяся стороны — прямо въ противоположномъ направленіи — къ сугубой выгодѣ революціи: энергія и бодрость инсургентовъ сразу возрастаютъ, а правительство охватываетъ паника. Такъ какъ солдаты берутся изъ народа, и они связаны съ нимъ тысячью нитей, такъ какъ отдѣльныхъ личностей изъ ихъ среды еще до поступленія на службу не могла не коснуться революціонная агитація, да и въ казармахъ многіе не остаются чужды вѣяніямъ времени, то случаевъ перехода на сторону революціонеровъ отдѣльныхъ солдатъ, офицеровъ и даже отдѣльныхъ полковъ можно насчитать немало. Громадное значеніе имѣетъ тутъ *тактичное, разумное* поведеніе по отношенію къ войску со стороны инсургентовъ.

Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ исторіи различныхъ революцій.

Случай изъ великой французской революціи 1789 года.

Въ 1789 году въ іюлѣ, незадолго до взятія Бастиліи, парижскій народъ двинулся спеціально къ тюрьмѣ Аббатства, ворвался туда, освободилъ гренадеровъ французской гвардіи, арестованныхъ королемъ за то, что они незадолго передъ тѣмъ отказались стрѣлять въ народъ, и съ тріумфомъ вывелъ ихъ изъ заключенія. За этотъ „бунтъ“ не послѣдовало никакой кары: въ Учредительное Собраніе явилась депутація отъ народа съ просьбой принять освобожденныхъ гренадеровъ подъ свое покровительство, и Собра-

ніе испросило у короля ихъ помилованіе. Гренадеры для проформы вернулись добровольно обратно въ тюрьму и получили прощеніе. Этотъ полкъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и развитыхъ, сталъ съ того времени относиться съ большимъ сочувствіемъ къ народному дѣлу. Это проявилось уже черезъ нѣсколько дней. 12 іюля король Людовикъ XVI, крайне тяготившійся возростающимъ вліяніемъ и властью Учредительнаго Собранія, уволилъ либеральнаго министра Неккера и немедленно выслалъ его изъ Франціи. Парижане возмутились и огромными массами стали высыпать на улицы. Произошла кровавая стычка войскъ съ народомъ, но спасеніе пришло къ нему со стороны гренадеровъ. Ихъ, по королевскому приказу, держали въ тотъ день взаперти въ казармахъ, какъ не внушающихъ къ себѣ довѣрія. Мало того, правительство отрядило 60 драгунъ къ складу оружія этого полка для охраны его отъ расхищенія. Гренадеры, и безъ того недовольные своимъ плѣномъ, пришли въ раздраженіе. Они схватились за оружіе, однако офицерамъ удалось угрозами и просьбами удержать ихъ въ повиновеніи. Но когда нѣкоторые изъ ихъ товарищей вернулись въ казармы и разсказали о нападеніи на народъ, о смерти одного гренадера, солдаты не стали больше ничего слушать, выскочили съ оружіемъ въ рукахъ, разбили рѣшетки и выстроились въ боевомъ порядкѣ у воротъ казармы противъ драгунъ.

— Кто идетъ? — спросили ихъ тѣ.

— Вы за третье сословіе? — спросили ихъ въ свою очередь гренадеры.

— Мы за тѣхъ, кто нами командуетъ...

Гренадеры сдѣлали по нимъ залпъ, двухъ убили, трехъ ранили, остальные бросились бѣжать. Тогда они двинулись къ королевскому дворцу, стали между Тюльери и Елисейскими полями, между народомъ и войсками, и занимали этотъ постъ въ теченіе всей ночи. Противъ мятежныхъ солдатъ правительство двинуло войска, стоявшія на Марсовомъ полѣ. Гренадеры встрѣтили ихъ ружейнымъ огнемъ. Прибывшимъ войскамъ приказано было аттаковать гренадеровъ, но они отказались. Первый примѣръ неповиновенія подалъ одинъ изъ швейцарскихъ полковъ, остальные послѣдовали его примѣру. Такимъ образомъ, измѣна гренадеровъ разрушила планы двора. Возстаніе стало разростаться все больше и больше, и 14 іюля грозная, вооруженная толпа устремилась на Бастилію и взяла ее приступомъ, причемъ и здѣсь рѣшительную роль сыграли гренадеры франц. гвардіи, во время подоспѣвшіе на помощь со своими пушками.

Случай изъ іюльской революціи 1830 г.

На третій день іюльской революціи, 29 іюля, два линейныхъ полка, 5-ый и 58-ой, стоявшихъ на Вандомской

площади, отказались повиноваться своему начальнику маршалу Мармону и рѣшили перейти подъ начальство оппозиціоннаго генерала Жерара. Они выставили только 2 условія: 1) чтобы ихъ не обезоруживали, и 2) чтобы ихъ не заставляли стрѣлять въ войска. Условія были, разумѣется, приняты. Извѣстіе объ этомъ отпаденіи двухъ полковъ оказало громадное вліяніе не только на инсургентовъ, но даже на трусливую оппозицію, которая до того момента все пряталась, а теперь отбросила свой страхъ и рѣшила проявить активность*). Испуганный король поспѣшно бѣжалъ со всей семьей изъ дворца въ Рамбулье, но сынъ его, наслѣдникъ престола, не хотѣлъ еще сдаваться и рѣшилъ защищать свой тронъ съ помощью оставшихся у него войскъ. 31 іюля онъ двинулся съ своими полками изъ Сэнъ-Клу на Парижъ. Онъ дошелъ до Севрскаго моста и скомандовалъ войску аттаковать толпу инсургентовъ, стоявшую на противоположномъ берегу Сены. Войска *отказались повиноваться*... Внѣ себя отъ отчаянья, наслѣдникъ принужденъ былъ вернуться во дворецъ и бѣжать вслѣдъ за отцомъ.

Случай изъ февральской революціи 1848 г.

Наканунѣ февральской революціи главнокомандующій войсками, генералъ Себастьянъ, созвалъ къ себѣ высшихъ офицеровъ и сказалъ имъ: „я не справляюсь у васъ о состояніи духа арміи: армія, подобно женѣ Цезаря, не можетъ быть даже заподозрѣна.“ Но всѣ полковники молчали, и это молчаніе, эта видимая холодность ясно указывали, что если армія и была вѣрна дисциплинѣ, то она далеко не пылала воодушевленіемъ и что особеннаго усердія въ борьбѣ съ народомъ она выказывать не будетъ.

22 февраля демонстрирующая толпа собралась передъ палатой депутатовъ. Скоро явились драгуны изъ сосѣднихъ казармъ, чтобы очистить площадь. Безъ сомнѣнія, произошла бы бойня демонстрантовъ, но командующій офицеръ, увидя безоружную толпу, вложилъ свою шпагу обратно въ ножны. Обрадованные демонстранты разразились громкими криками „ура“ по адресу драгунъ и, очистивъ площадь передъ палатой, въ которой не было ни единаго депутата, двинулись дальше. На слѣдующій день, когда возстаніе разгоралось все сильнѣе, солдаты во многихъ мѣстахъ вели себя еще болѣе пассивно. Большая часть ихъ провела ночь

---

*) Знаменитый кардиналъ Талейранъ, хитрый дипломатъ, всегда державшій носъ по вѣтру, узнавъ объ отпаденіи этихъ двухъ полковъ, вынулъ часы изъ кармана и произнесъ: „Отмѣтьте, что 29 іюля 1830 года, въ 12 часовъ 5 минутъ пополудни, старшая линія Бурбоновъ перестала царствовать во Франціи.“

подъ дождемъ, безъ пищи, при сильномъ, насквозь пронизывающемъ вѣтрѣ, и не проявляла никакого особеннаго энтузіазма проливать свою кровь за правительство, которое такъ мало о нихъ заботилось и которое вообще было очень мало популярно въ войскѣ. Къ тому же радикальныя газеты, вышедшія въ этотъ день, 23 февраля, избѣгали всякихъ нападокъ на армію и высказывались только противъ жестокостей, совершаемыхъ муниципальной гвардіей*). Лишь только инсургенты замѣтили, какое настроеніе господствуетъ въ войскѣ, они стали чисто инстинктивно примѣнять такую тактику, которая была чрезвычайно цѣлесообразна въ данный моментъ. Осыпая постоянно насмѣшками ненавистную муниципальную гвардію, они зато при всякой встрѣчѣ съ регулярными войсками привѣтствовали ихъ криками: „Да здравствуютъ линейныя войска!“ Солдаты не могли оставаться равнодушными при такихъ проявленіяхъ симпатіи и, въ результатѣ, не очень торопились примѣнять оружіе противъ народа, встрѣчавшаго ихъ такъ дружелюбно, и предоставляли вести бой, главнымъ образомъ, муниципальной гвардіи.

Въ тотъ же самый день на одной изъ улицъ (Bourg l'Abbé), на которой не переставали сражаться со вчерашняго дня, произошла такая сценка. Прибѣжало нѣсколько молодыхъ людей и, махая платками, объявили объ отставкѣ министерства Гизо и о прекращеніи возстанія. Въ одно мгновеніе битва остановилась, взаимное раздраженіе сразу улеглось. Народъ почувствовалъ вдругъ сожалѣніе къ изнуреннымъ солдатамъ, которые со вчерашняго дня дрались безъ пищи и отдыха. Побѣжали за виномъ и провизіей и усердно стали угощать тѣхъ, которыхъ только что готовы были растерзать. Это, конечно, не могло не повліять на солдатъ и не ослабить ихъ боевого жара, когда на слѣдующій день возобновилась борьба.

И въ страшные іюньскіе дни, когда отношенія солдатъ къ возставшимъ рабочимъ, благодаря усереднымъ стараніямъ правительства и буржуазіи, были совсѣмъ иныя, когда солдаты усмиряли возстаніе не только за страхъ, но и за совѣсть, — инсургенты старались, главнымъ образомъ, поражать изъ-за баррикадъ начальниковъ (генераловъ, офицеровъ), а не простыхъ солдатъ, которыхъ они считали лишь слѣпыми орудіями. Этимъ объясняется громадный процентъ выбывшихъ изъ строя офицеровъ. Однихъ *генераловъ* было застрѣлено тогда 6 человѣкъ и еще шестеро получили болѣе или менѣе тяжкія раны!

---

*) Муниципальная гвардія была предметомъ старинной ненависти парижанъ. Такъ называлась при Луи Филиппѣ жандармерія, отличавшаяся всегда своей звѣрской жестокостью и наглостью. Не надо ее смѣшивать съ національной гвардіей, о которой рѣчь будетъ ниже.

Въ Германіи въ 1848 году во многихъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ, какъ напр., въ Ганноверѣ, въ Нассау, офицеры и солдаты нисколько не скрывали своего нежеланія драться съ народомъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ встрѣчали свистками и враждебными криками. Въ слѣдующемъ году во время возстанія въ южной Германіи много солдатъ переходили на сторону повстанцевъ, а въ Баденѣ они первые стали въ ряды возстанія.

Объ Италіи, Испаніи нечего и говорить: тамъ случаевъ перехода войскъ на сторону народа было великое множество.

Мѣры, принимаемыя правительствомъ для предупрежденія отпаденія войскъ.

Правительства страшно боятся измѣны своихъ войскъ, ибо въ нихъ вся сила, безъ нихъ они, въ случаѣ возстанія, погибли бы. Поэтому они измышляютъ всевозможныя мѣропріятія, чтобы обезпечить себѣ ихъ вѣрность. Этой цѣли служитъ *вся система воинскаго воспитанія*, присяга, „словесность“, дисциплина, суровыя наказанія и т. п.; объ этомъ здѣсь не мѣсто распространяться. Неблагонадежныя части они спѣшатъ расформировать, перевести куда-нибудь въ глушь, подальше отъ революціонныхъ очаговъ. Всѣми силами стремятся они разжечь въ войскахъ ненависть къ народу, къ „внутреннему врагу“, напирая на струнку патріотизма, вѣрности присягѣ, преданности престолу и отечеству.

Мы видѣли уже выше, какъ 12 іюля 1789 г. держали взаперти въ казармахъ ненадежныхъ гренадеровъ. Черезъ полвѣка французскій король Луи-Филиппъ, наученный опытомъ предшественниковъ, принималъ болѣе дѣйствительныя мѣры предосторожности: подозрительныя воинскія части переводились изъ Парижа въ Африку—въ Алжиръ, гдѣ они таяли въ борьбѣ съ бедуинами. Парижъ взамѣнъ наводняли алжирскими войсками, привыкшими свирѣпствовать въ Африкѣ. Къ этому же средству прибѣгло и французское буржуазное республиканское правительство передъ іюньскимъ возстаніемъ 1848 г. Оно было еще болѣе богато опытомъ, чѣмъ Луи-Филиппъ, и, желая нанести рабочимъ рѣшительный ударъ, пустило въ ходъ всѣ средства, чтобы разжечь въ солдатахъ ненависть къ инсургентамъ и довести ихъ ярость до бѣлаго каленія. Реакціонныя газеты старались изо всѣхъ силъ внушить солдатамъ убѣжденіе, что въ февралѣ имъ былъ нанесенъ позоръ, который они должны во что бы то ни стало смыть потоками крови рабочихъ.

А чего не дѣлали онѣ во время самаго возстанія, во время кровавыхъ іюньскихъ дней! По городу распространялись всевозможные, нелѣпѣйшіе слухи. Въ правитель

ственныхъ органахъ печати писалось, что на нѣкоторыхъ баррикадахъ видѣли цѣлые ряды воткнутыхъ на шесты человѣческихъ головъ, что инсургенты погружали свои пули въ ядовитыя жидкости, а жены ихъ и дочери продавали солдатамъ отравленную водку, что плѣнниковъ обливали смолой и зажигали въ качествѣ факеловъ, или распиливали живьемъ между двумя досками, что изъ солдатскихъ череповъ дѣлали иллюминаціонныя лампочки и т. д. и т. д. Всѣ эти слухи, носившіе самый низкій, клеветническій характеръ, распускались нарочно съ цѣлью представить инсургентовъ въ глазахъ солдатъ извергами рода человѣческаго, отребьемъ, не заслуживающимъ никакой пощады. Опьянѣвшіе отъ водки и порохового дыма солдаты вѣрили всему, сражались и безчинствовали съ остервенѣніемъ. Такъ же вели они себя въ 1871 году при усмиреніи Парижской Коммуны.

Инсургенты и національная гвардія.

Все, что говорилось нами о регулярныхъ войскахъ, въ еще большей степени относится къ особому роду милиціи, носящему названіе „національной гвардіи“. Происхожденіе ея чисто революціонное. Во время великой французской революціи, наканунѣ взятія Бастиліи, у революціонно настроеннаго парижскаго Городского Совѣта явилась мысль, въ противовѣсъ правительственнымъ войскамъ, устроить гражданскую милицію изъ 48 тысячъ человѣкъ, иными словами, вооружить часть гражданъ для того, чтобы они защищали свободу и права „народа“ отъ посягательствъ со стороны королей и тирановъ. Главнымъ начальникомъ ея былъ избранъ генералъ Лафайетъ, „герой стараго и новаго свѣта“, какъ называли его пышно поклонники, „простякъ“, какъ звалъ его впослѣдствіи насмѣшливо и болѣе резонно Наполеонъ. Во всѣхъ городахъ Франціи образовались мѣстные отряды національной гвардіи по образцу парижской, и Лафайетъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ всей французской національной гвардіи. Милиціонеры должны были на свой счетъ обзавестись мундиромъ и оружіемъ и, по извѣстнымъ сигналамъ, обязаны были бросить свои текущія занятія и сбѣгаться немедленно въ сборные пункты для смотровъ или военныхъ дѣйствій, точь въ точь, какъ наши вольные пожарные, обязанные по тревожному гудку являться на пожарище.

Каждая изъ послѣдующихъ революцій обязательно вызывала, какъ одинъ изъ неминуемыхъ своихъ аттрибутовъ, возникновеніе національной гвардіи. Такъ было и въ Германіи, и въ Австріи, и въ Испаніи, и въ Бельгіи, и въ Италіи и т. д. Оффиціальнымъ назначеніемъ ея была защита пріобрѣтеній революціи, конституціи, свободы и правъ народа. Легко понять поэтому, что во всѣхъ послѣду-

ющихъ *политическихъ* революціяхъ, гдѣ „народъ“, т. е. часть буржуазіи и рабочіе, возставалъ противъ абсолютистскихъ попытокъ королей, національная гвардія должна была въ значительной своей части становиться на сторону революціи. Но такъ какъ, съ другой стороны, эта національная гвардія въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ состояла изъ буржуазіи, то при тѣхъ возстаніяхъ, которыя начинали принимать пролетарскій характеръ, когда буржуазія начинала дрожать за сохранность своей „собственности“, національная гвардія дѣлалась самой прочной опорой „порядка“ и яростно поддерживала реакцію. Здѣсь мы остановимся подробно только на роли національной гвардіи въ февральской революціи, гдѣ она, безъ всякаго сомнѣнья, легла тяжеловѣсной гирей на ту чашку вѣсовъ, на которой была написана „революція“, и рѣшила ея побѣду.

„Несмотря на геройскій духъ инсургентовъ, — пишетъ швейцарскій писатель Heritier въ своей „Исторіи французской революціи 1848 г.“,—этотъ неравный бой не могъ бы продолжаться долго и несомнѣнно кончился бы пораженіемъ народа, если бы одно важное обстоятельство не увеличило въ высшей степени силы революціонеровъ. Національная гвардія, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ представителей средней буржуазіи, была призвана къ оружію. Она весьма неохотно и далеко не въ полномъ составѣ явилась на сборный пунктъ. *Крупная* буржуазія предпочла остаться дома, она вообще бываетъ недовольна, когда ее отрываютъ отъ ея обычныхъ удовольствій, особенно, когда дѣло пахнетъ порохомъ. Большая часть собравшихся батальоновъ національной гвардіи, состоявшихъ изъ *средней* буржуазіи, единогласно рѣшила, что имъ незачѣмъ защищать политику правительства. Они разошлись съ криками, ставшими въ эти дни лозунгомъ народа: „Да здравствуетъ реформа! Долой Гизо!“

Съ такими возгласами ходила національная гвардія по всему Парижу и, хотя сама не принимала активнаго участія въ сраженіяхъ, но своимъ вмѣшательствомъ она смягчала борьбу, принимавшую подчасъ весьма острый характеръ. Около 2 часовъ пополудни 23 февраля 4-ый легіонъ національной гвардіи направился въ палату депутатовъ съ петиціей, въ которой онъ требовалъ отставки Гизо. На площади Побѣды 3-ій легіонъ преградилъ дорогу карассирамъ, которые готовились аттаковать инсургентовъ. Въ предмѣстьѣ Сэнъ-Мартэнъ 5-ый легіонъ помѣшалъ муниципальной гвардіи (жандармеріи) арестовать группу инсургентовъ и заставилъ ее (жандармерію) отступить въ свою казарму.

Такое поведеніе національной гвардіи приводило въ изумленіе регулярныя войска, которыя въ теченіе всѣхъ 18 лѣтъ царствованія Луи-Филиппа привыкли сражаться бокъ о бокъ съ ней противъ многочисленныхъ революціон-

ныхъ возстаній, которыми особенно богата была первая половина этого царствованія. Войска заражались оппозиціоннымъ настроеніемъ національной гвардіи, и обычная слѣпая готовность ихъ защищать тронъ значительно остывала. Вотъ для характеристики разговоръ между начальникомъ одного отряда 11 легіона національной гвардіи и армейскимъ батальоннымъ командиромъ.

— Какъ вы себя будете держать,—спрашиваетъ первый,—когда встрѣтитесь съ народной массой?

— Я буду дѣлать то же, что и вы — отвѣтилъ армейскій офицеръ.

— Я на нее не буду нападать...

Я буду дѣлать то же, что и вы — вторично отвѣчаетъ линейный офицеръ.

Король, все время считавшій вспыхнувшее возстаніе пустякомъ, съ которымъ онъ справится такъ же легко, какъ со всѣми предыдущими заговорами, возстаніями и безпорядками, потерялъ, однако, всю свою увѣренность, когда узналъ о такомъ поведеніи національной гвардіи. Всѣмъ дворомъ также овладѣла паника. Король, скрѣпя сердце, согласился на первую уступку — отставку Гизо; за этой сейчасъ же послѣдовали и дальнѣйшія уступки — но было уже поздно. Волны революціи поднялись слишкомъ высоко и потопили безслѣдно Орлеанскую династію. Король спасся бѣгствомъ, и на мѣстѣ конституціонной монархіи провозглашена была республика.

* * *

Возможно ли разсчитывать на то, чтобы войска перехо дили на нашу сторону? До сихъ поръ такихъ примѣровъ у насъ не было. До сихъ поръ, во время многочисленныхъ кровавыхъ столкновеній съ мирными демонстрантами и забастовщиками, наши солдаты не отказывались стрѣлять въ нихъ, и не перечесть уже тысячи жертвъ, павшихъ отъ солдатскихъ пуль за время десятилѣтняго царствованія царя-послѣдыша. Но отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ дѣлать пессимистическихъ выводовъ. Въ настоящее время, когда на Дальнемъ Востокѣ безцѣльно, безсмысленно проливается кровь сотенъ тысячъ русскихъ солдатъ, когда вся Россія, включая и буржуазные слои, охвачена неслыханнымъ революціоннымъ воодушевленіемъ, когда надъ головами солдатъ-братоубійцъ виситъ проклятіе не только пролетаріата, но и всего образованнаго общества, — шансы на то, что солдаты откажутся въ насъ стрѣлять, чрезвычайно велики. Вѣдь и раньше уже были случаи, когда правительство дѣлало секретные тревожные запросы, почему число жертвъ отъ солдатскихъ залповъ пропорціонально мало въ сравненіи съ количествомъ выпущенныхъ патроновъ: не стрѣляютъ ли солдаты въ воздухъ, не таится ли среди нихъ измѣна? Намъ нужно всю свою

энергію направить на агитацію среди солдатъ и офицеровъ, намъ нужно ее удесятерить, увеличить во стократъ, довести ее до колоссальныхъ размѣровъ. Намъ нужно безпрерывно, безпрестанно выпускать листки къ призывнымъ, къ запаснымъ, къ солдатамъ и офицерамъ. Намъ нужно наводнить, засыпать казармы прокламаціями. Отъ этой нашей работы зависитъ въ значительной степени удача революціи. Армія должна быть и будетъ на сторонѣ революціи — мы въ этомъ глубоко убѣждены. Армія будетъ за насъ, ибо ненависть къ самодержавію до такой степени охватила вся и всѣхъ, что и солдаты не могутъ ею не проникнуться.

IV.

НАСТУПАТЕЛЬНАЯ И ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА.

Во всякой войнѣ каждая изъ сражающихся сторонъ должна прежде всего рѣшить основной тактическій вопросъ: какой системы борьбы держаться — наступательной или оборонительной. Обыкновенно болѣе сильный, болѣе подготовленный или болѣе смѣлый противникъ нападаетъ, а другой сторонѣ остается въ такомъ случаѣ защищаться. Есть и смѣшанная тактика — оборонительно-наступательная. Она заключается въ томъ, чтобы, защищаясь въ одномъ мѣстѣ, нападать въ другомъ или, отразивъ успѣшно аттаку въ первый періодъ времени, — перейти затѣмъ въ наступленіе. Инсургентамъ, какъ и всякой другой воюющей сторонѣ, необходимо заранѣе рѣшить этотъ основной вопросъ тактики: что имъ дѣлать — нападать или защищаться? Мы разсмотрѣли выше тѣ боевые рессурсы, которые доступны или которыми могутъ располагать инсургенты: *оружіе, баррикады*, наконецъ средства сдѣлать индифферентной или даже привлечь на свою сторону часть *войска*. Что же надлежитъ имъ предпринимать, чтобы добиться побѣды?

Вотъ взглядъ Карла Маркса по этому чрезвычайно важному вопросу, высказанный имъ въ статьяхъ о „революціи и контръ-революціи въ Германіи“: „Возстаніе такое же искусство, какъ война и всякія другія искусства, и такъ же, какъ они, подчиняется извѣстнымъ правиламъ, несоблюденіе которыхъ приводитъ возставшихъ къ гибели. Правила эти, логически вытекающія изъ сущности партіи и изъ соотношеній, съ которыми она имѣетъ дѣло, очень ясны и просты; короткаго опыта 48 года было достаточно для ознакомленія съ ними. Прежде всего *не играть въ возстаніе*, если нѣтъ рѣшимости противостоять всѣмъ послѣдствіямъ; возстаніе — это вычисленіе съ очень неопредѣленными величинами, значеніе которыхъ каждый день можетъ измѣниться. Противникъ, съ которымъ борется возстаніе, имѣетъ превосходство, благодаря своей организаціи, дисциплинѣ и издавна пріобрѣтенному авторитету

если не противопоставить ему могучихъ силъ, *надо ожидать страшнаго пораженія*. Когда, однако, возстаніе началось, слѣдуетъ наступать съ величайшей рѣшительностью и *нападать первымъ*. *Оборонительная война — смерть для вооруженнаго возстанія*; его участь въ такомъ случаѣ предрѣшена, когда оно еще не столкнулось съ непріятелемъ. Надо захватить противника врасплохъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ собрать силы. Надо стараться одерживать ежедневныя, хотя бы и небольшія, побѣды и воспользоваться нравственнымъ превосходствомъ, которое даетъ побѣдоносное начало возстанія; надо, далѣе, привлечь на свою сторону всѣ нерѣшительные элементы, которые слѣдуютъ всегда за болѣе сильнымъ толчкомъ; надо, наконецъ, заставить врага отступить раньше, чѣмъ онъ еще успѣетъ собрать свои силы; однимъ словомъ, повторяя выраженіе Дантона, величайшаго до сихъ поръ мастера въ революціонной тактикѣ, требуется *смѣлость, смѣлость* и опять-таки *смѣлость*!“*)

„Въ войнѣ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ той же книги — и въ особенности въ революціонной борьбѣ, первое правило — быстрота дѣйствій во все время, покуда не будетъ нанесенъ послѣдній рѣшительный ударъ; мы это утверждаемъ смѣло, исходя изъ чисто военныхъ посылокъ...“

Особенно богата была смѣлыми нападеніями, грандіозными неожиданными и своевременными массовыми аттаками Великая Французская Революція. Начиная съ 1789 года она на каждую попытку попятнаго движенія, реакціи и контрреволюціи отвѣчала быстрымъ, стремительнымъ и рѣшительнымъ ударомъ, почти неизмѣнно сопровождавшимся удачею.

11 іюля 1789 года король уволилъ либеральнаго министра Неккера — народъ отвѣтилъ на это 14 іюля штурмомъ и взятіемъ сильной внутренней крѣпости—Бастиліи, состоявшей изъ 8 крѣпкихъ башенъ со стѣной въ 9 футовъ толщины, со рвомъ въ 25 футовъ глубины, съ подъ-

---

*) Слова эти произнесъ Дантонъ въ Законодательномъ Собраніи 1 сентября 1792 года, черезъ 3 недѣли послѣ разгрома королевскаго дворца и заключенія Людовика XVI въ тюрьму и наканунѣ сентябрскихъ убійствъ роялистовъ въ тюрьмахъ, въ то время, какъ иностранныя войска извнѣ и возстаніе сторонниковъ стараго режима внутри страны грозили полной гибелью революціи. „Набатъ, который раздается теперь — гремѣлъ могучій голосъ Дантона — не есть сигналъ тревоги, это призывъ къ нападенію на враговъ отечества. Чтобы побѣдить ихъ, господа, намъ нужны только смѣлость, смѣлость и опять-таки смѣлость: тогда Франція будетъ спасена!“

емлыми мостами. Черезъ 2 дня крѣпость эта была совершенно стерта съ лица земли.

Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого грознаго предупрежденія, и королевскій дворъ, напуганный и возмущенный прогрессивнымъ развитіемъ революціи, началъ явно готовить ей ударъ. Король стянулъ въ свой Версальскій дворецъ, находящійся недалеко отъ Парижа, много войскъ, драгуновъ и Фландрскій полкъ и удвоилъ караулы. Чтобы внушить имъ преданность двору, были устроены 1 и 3 октября пиршества, на которыхъ участвовали всѣ офицера, и гдѣ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и обворожительныхъ улыбокъ придворныхъ дамъ, языки развязались и открыто произносились самыя неосторожныя угрозы по адресу народа и Учредительнаго Собранія.

На это парижане отвѣтили 5 октября маршемъ въ Версаль, ворвались въ дворецъ и заставили королевское семейство переѣхать въ Парижъ, гдѣ за дѣйствіями его было легче слѣдить.

Въ концѣ іюля 1792 года непріятельская армія изъ австрійцевъ и пруссаковъ, призванная французскими эмигрантами-дворянами противъ собственной родины, двинулась на Францію, и главнокомандующій герцогъ Брауншвейгскій выпустилъ манифестъ къ французамъ, полный самыхъ свирѣпыхъ угрозъ за дурное обращеніе съ королемъ. На это парижане отвѣтили 10 августа массовымъ нападеніемъ на королевскій дворецъ Тюльери, причемъ съ обѣихъ сторонъ погибло около 3-4 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ до 700 швейцарскихъ солдатъ-тѣлохранителей; королевская семья была захвачена и заключена въ тюрьму; короля судили и казнили.

Не останавливаясь дольше на другихъ многочисленныхъ движеніяхъ народныхъ массъ въ эту великую революцію, направленныхъ противъ перѣшительныхъ или реакціонныхъ дѣйствій парламента (конвента), приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ другихъ революцій. Революція 1848 года въ Римѣ, о которой намъ уже случилось упомянуть выше, была результатомъ массоваго вооруженнаго нападенія на папскій дворецъ. Слишкомъ черезъ годъ она была задавлена французскими войсками, посланными подъ начальствомъ генерала Удино президентомъ французской республики Людовикомъ-Наполеономъ. Римская республика пробовала обороняться, но потерпѣла пораженіе и погибла.

Равнымъ образомъ Вѣнская революція 14 марта, свергшая самодержавіе австрійскаго императора, началась массовымъ движеніемъ на императорскій дворецъ, а въ дальнѣйшемъ выразилась въ рядѣ побѣдоносныхъ вооруженныхъ нападеній на правительство *15 мая* (когда правительство хотѣло распустить Центральный Комитетъ, составленный изъ представителей національной гвардіи и студенческой организаціи — „академическаго легіона“), *26 мая* (когда

правительство хотѣло распустить академическій легіонъ), *6 октября* (когда правительство рѣшило отправить австрійскія войска для подавленія венгерскаго возстанія). Всѣ эти движенія имѣли полный успѣхъ. — Когда же Вѣнѣ пришлось сейчасъ же послѣ этого перейти въ оборонительное положеніе противъ двинувшихся на нее 3 императорскихъ армій, то дни революціи были сочтены. 30 октября Вѣна сдалась, и скоро все вернулось въ перв бытное дореволюціонное состояніе.

Чаще всего низверженіе существующаго политическаго строя производилось посредствомъ военныхъ дѣйствій, носившихъ *смѣшанный оборонительно-наступательный характеръ*. Іюльская и февральская революціи въ Парижѣ, мартовская въ Берлинѣ, многія итальянскія сопровождались постройкой многочисленныхъ баррикадъ. Скрываясь за ними, инсургенты защищались отъ нападенія правительственныхъ войскъ, а опираясь на нихъ, какъ на базисы, они производили нападеніе на дворецъ, ратушу и другіе важные пункты, забирали одну правительственную позицію за другой.

Въ слѣдующихъ главахъ мы дадимъ описаніе іюльской революціи, какъ типичный образчикъ побѣдоносной оборонительно-наступательной борьбы, а затѣмъ хода іюньскаго возстанія 1848 г., какъ примѣръ чисто оборонительной борьбы, кончившейся полнымъ пораженіемъ. Въ обоихъ описаніяхъ мы преслѣдуемъ, главнымъ образомъ, техническія задачи, обращая преимущественное вниманіе на военно-тактическую сторону дѣла.

V.

ІЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ 1830 ГОДА.

(Оборонительно-наступательная борьба).

Съ 1815 г., послѣ вторичнаго изгнанія императора Наполеона Бонапарта союзными вражескими арміями и ссылки его на островъ св. Елены, Франціей въ теченіе 15 лѣтъ правили Бурбоны — одинъ за другимъ два брата гильотинированнаго въ 1793 году Людовика XVI. Когда въ 1824 г. умеръ первый братъ, царствовавшій подъ именемъ Людовика XVIII, то на престолъ вступилъ младшій братъ подъ именемъ Карла X. Все послѣднее 15 лѣтнее правленіе Бурбоновъ носитъ названіе „реставраціи“, т. е. *возстановленія*. Возстановленные Бурбоны стремились къ тому, чтобы возвратить и всѣ тѣ порядки, которые существовали до 1789 г. Конечно, весьма многаго вернуть не было никакой возможности, вѣдь прошло послѣ этого 30-40 лѣтъ, но попытки

дѣлались ими неоднократно. Нельзя было отдать обратно конфискованныхъ у дворянъ и духовенства земель, потому что онѣ давно были распроданы въ качествѣ „національныхъ имуществъ“ и перешли черезъ много рукъ. За то въ качествѣ вознагражденія за потери имъ былъ отданъ цѣлый милліардъ франковъ, добытый путемъ займа. Не было ни прежняго дѣленія на сословія, ни господства католической религіи, ни прежнихъ судовъ и т. п. Но цѣлымъ рядомъ свѣжеиспеченныхъ законовъ правительство старалось вернуть духовенству его прежнее огромное вліяніе на совѣсть, образованіе, браки и вообще всю внутреннюю жизнь. Не было больше *абсолютизма*, потому что Людовикъ XVIII обязался признать конституцію, по которой власть его ограничивалась палатой депутатовъ. Но правомъ голоса при выборахъ въ эту палату пользовались только плательщики прямыхъ налоговъ не ниже 300 франковъ въ годъ, и такихъ избирателей во всей Франціи имѣлось только около 100.000 (на 25 милліоновъ населенія!). Такимъ образомъ, участіе въ законодательствѣ имѣли исключительно самые богатые люди Франціи. Однако, и такая палата была не по вкусу Бурбонамъ. Какъ ставленники *дворянства* и *клерикаловъ*, они хотѣли направлять государственный корабль на пользу именно этимъ классамъ, а между тѣмъ въ палату депутатовъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ попадало все болѣе представителей крупной *буржуазіи*, которая была недовольна дѣйствіями правительства и оппозиціонна. Въ палатѣ депутатовъ, избранной въ 1827 году и состоявшей изъ 430 депутатовъ, — оказалось принадлежащихъ къ оппозиціи 190 человѣкъ. Въ 1830 году число ихъ возросло до 221. Король Карлъ X, страшно недовольный такой палатой, распустилъ ее. Лѣтомъ состоялись новые выборы, и что же? — число оппозиціонныхъ депутатовъ оказалось уже 270! Тогда Карлъ X задумалъ государственный переворотъ. 26 іюля, какъ громъ съ яснаго неба, появились въ оффиціальномъ правительственномъ органѣ *четыре указа* (ордонансы), которые производили серьезныя измѣненія въ *избирательномъ законѣ* и положеніи *прессы*. Главнѣйшія новшества заключались въ томъ, что избирательное право будетъ принадлежать отнынѣ плательщикамъ 300-франковаго *поземельнаго* налога, т. е. исключительно помѣщикамъ. Газеты могли выходить со слѣдующаго дня только съ предварительной цензурой. Палата, только что избранная и не успѣвшая еще съѣхаться, объявлялась распущенной.

Можно легко понять, какой взрывъ негодованія должны были вызвать эти указы среди буржуазіи и интеллигенціи. Если бы ордонансы вступили въ силу, то буржуазія потеряла бы всякое вліяніе на управленіе, которое цѣликомъ перешло бы въ руки дворянства и духовенства. Пресса же, и безъ того страдавшая отъ огромныхъ залоговъ, налоговъ

и судебныхъ преслѣдованій, теряла послѣдніе остатки свободы.

Примириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ было невозможно, но буржуазная оппозиція была чрезвычайно труслива; затѣвать революцію она боялась *вдвойнѣ*: во первыхъ, какъ бы не быть жестоко наказанной правительствомъ въ случаѣ неуспѣха возстанія, а во вторыхъ, какъ бы не „раздразнить звѣря“, т. е. народъ, и не вызвать повторенія достопамятныхъ событій Великой Французской Революціи. Такъ и метались безпомощно члены оппозиціи между планами „легальной“ борьбы и фактами все наростающаго народнаго возбужденія.

Къ плану г. Парижа.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію кровавыхъ событій трехдневной іюльской революціи, мы считаемъ необходимымъ предпослать ему въ самыхъ общихъ чертахъ краткое описаніе театра военныхъ дѣйствій, т. е. города Парижа, тѣмъ болѣе, что іюньское возстаніе, которому посвящена слѣдующая глава, происходила на той же аренѣ. Кругомъ всего Парижа тянется таможенная граница, для взиманія пошлины на товары, ввозимые въ городъ. Рѣкой *Сеной*, которая течетъ здѣсь съ востока на западъ крутой дугой, обращенной своей выпуклостью на сѣверъ, Парижъ дѣлится на двѣ части: сѣверную (на правомъ берегу Сены) и южную (на лѣвомъ берегу). Почти въ центрѣ города рѣка образуетъ довольно большой островъ *Сите*, на которомъ находится Соборъ Парижской Богоматери. Рядомъ, восточнѣе, другой островъ поменьше. Черезъ рѣку, черезъ острова перекинуто множество мостовъ, носящихъ различныя названія. Отмѣтимъ здѣсь мостъ *Согласія*, ведущій на площадь того же названія (на французскомъ языкѣ—*конкордіи*).

Въ классовомъ отношеніи Парижъ распадается на западную половину—аристократическую, богатую и восточную — рабочую, бѣдную.

Въ *Западной* части отмѣтимъ на правомъ берегу Сены королевскія зданія: *Тюльери, Лувръ, Королевскій Дворецъ* (Palais-Royal), роскошный бульваръ „Елисейскія поля“, ведущій въ Булонскій лѣсъ, и Сэнъ-Клу. На лѣвомъ берегу Сены — *Бурбонскій* дворецъ, *Люксембургскій* дворецъ, *Сенатъ*, *Домъ Инвалидовъ*, *Военную школу*.

Восточная половина заключала въ себѣ на правомъ берегу Сены слѣдующія рабочія *предмѣстья*, начиная съ сѣвера: Сэнъ-Дени, Сэнъ-Мартэнъ, Лявиллэтъ, Тампль, Сэнтъ-Антуанъ. Отмѣтимъ еще площади: Бастиліи, Шато Д'о, впослѣдствіи названную площадью Республики, Лафайета, Вогезовъ. Въ центрѣ города противъ острова Сите помѣщается Ратуша (городская Дума) на Гревской площади.

На лѣвомъ берегу Сены важно отмѣтить Пантеонъ, Одеонъ, Ботаническій садъ, Политехническую школу, Медицинскую школу, рабочее предмѣстье святого Якова (Сэнъ-Жакъ).

Первый день революціи (27 іюля).

Утромъ 27 іюля, т. е. на слѣдующій день послѣ опубликованія ордонансовъ, въ Парижѣ вышли только 5 газетъ, но изъ нихъ двѣ подчинились требованію предварительной цензуры. За то три газеты: „Globe“, „National“, „Temps“, несмотря на полицейское запрещеніе, все таки были выпущены въ свѣтъ и разошлись въ большомъ количествѣ. Всѣ остальныя типографіи расположили свой персоналъ и закрыли свои бюро и конторы. Типографскіе рабочіе, выброшенные такимъ образомъ на улицу, были первыми изъ народа, которые примкнули къ тому требованію, которое въ этотъ день было лозунгомъ оппозиціи и заключалось въ сохраненіи прежней конституціи („хартіи“). „Да здравствуетъ хартія!“ — кричали они вслѣдъ за буржуазіей, хотя рабочимъ эта хартія ничего не давала. Ихъ примѣру послѣдовали и другіе рабочіе, которые даже не всѣ понимали, что этотъ кличъ означалъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорили: „мы ничего не понимаемъ въ этихъ ордонансахъ, и они насъ не интересуютъ, но мы ненавидимъ правительство, явившееся къ намъ въ фургонахъ непріятелей. Смерть измѣнникамъ!“

Такъ начался революціонный союзъ буржуазіи съ народомъ.

Наканунѣ, представители 11 оппозиціонныхъ газетъ, собравшись на совѣщаніе, составили письменный протестъ такого содержанія:

„Правительство нарушило законъ, — мы избавлены отъ обязанности повиноваться. Мы попробуемъ издавать наши газеты, не испрашивая разрѣшенія... Правительство потеряло характеръ легальности, обязывающей повиноваться. Мы будемъ сопротивляться ему въ томъ, что касается насъ. Пусть Франція судитъ сама, до какого предѣла должно дойти ея собственное сопротивленіе.“

Но этотъ протестъ дерзнули напечатать у себя только 2 газеты: „National“ и „Temps“. Такъ много было у остальныхъ редакцій гражданскаго мужества!

Обоихъ смѣльчаковъ ждала неминуемая кара. Полицейскій префектъ приказалъ, во 1-хъ, арестовать всѣхъ подписавшихъ протестъ, во 2-хъ, закрыть типографіи обѣихъ провинившихся газетъ. Первый приказъ оказалось невозможнымъ выполнить вслѣдствіе быстраго теченія событій, а второй удалось привести въ исполненіе лишь съ большимъ трудомъ, и то на половину.

Передъ домомъ, гдѣ помѣщалась редакція и типографія

газеты „National,“ около полудня появился и выстроился на улицѣ отрядъ конной жандармеріи. Редакторъ Банжъ распорядился запереть двери типографіи, находившейся въ глубинѣ двора, и раскрыть настежъ парадныя двери съ улицы. Тутъ онъ со всѣмъ своимъ персоналомъ служащихъ выстроился въ два ряда. Полицейскій комиссаръ вѣжливо изложилъ ему цѣль своего неожиданнаго прихода.

—Сударь, возразилъ ему Банжъ, вы являетесь именемъ *ордонансовъ*, я же именемъ *закона* требую отъ васъ не прикасаться къ моимъ станкамъ.

Комиссаръ пожимаетъ плечами и посылаетъ за слесаремъ, чтобы взломать дверные замки типографіи. Банжъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу слесарю, беретъ въ руки уголовный кодексъ и громкимъ голосомъ прочитываетъ статью, по которой насильственный взломъ наказуется каторжными работами. Пока происходитъ эта любопытная сцена, на улицѣ собирается большая толпа народу, возростающая съ каждой минутой; ропотъ негодованія и угрозы становятся все громче и настойчивѣе. Испуганный слесарь отказывается наотрѣзъ отъ навязываемой ему работы, на смѣну ему приводятъ еще нѣсколькихъ, но съ тѣмъ же успѣхомъ. Только черезъ нѣсколько часовъ, когда привезли прямо изъ тюрьмы уголовнаго слесаря въ кандалахъ, комиссаръ оказался въ состояніи выполнить возложенное на него порученіе: дверь была сломана и типографскіе станки разрушены.

Что касается газеты „Temps“, то редакторы встрѣтили явившихся съ той же цѣлью полицейскихъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, заговорили съ ними такимъ выразительнымъ языкомъ, что тѣ въ невольномъ смущеніи удалились.

Въ это время во многихъ пунктахъ Парижа происходили собранія. Нѣсколько десятковъ оппозиціонныхъ депутатовъ уже въ третій разъ собираются на квартирѣ Казимира Перье и переливаютъ изъ пустого въ порожнее, являя собою жалкую картину полнѣйшей безпомощности и нерѣшительности. Они чувствовали свое собственное безсиліе, поднять же народъ они боялись, съ одной стороны не вѣря въ его боевую готовность, съ другой, опасаясь, что онъ станетъ господиномъ положенія. Тщетно рѣшительная и готовая къ борьбѣ группа бывшихъ членовъ тайнаго общества карбонаріевъ посылаетъ къ нимъ двухъ своихъ, съ цѣлью поднять ихъ энергію.

И на другихъ собраніяхъ, гдѣ участвовали журналисты, сплотившіеся вокругъ пресловутаго Тьера, говорилось только о „легальномъ“ сопротивленіи, а самъ Тьеръ усиленно и многократно напоминалъ и упрашивалъ „не вмѣшивать ради бога имя его величества короля въ эти ожесточенные споры“.

И дѣйствительно, что можно было ожидать рѣшитель-

наго отъ этихъ болтливыхъ и трусливыхъ пѣнкоснимателей, которые дрожали, съ одной стороны, за свою шкуру въ случаѣ пораженія, а съ другой, за свою „собственность“ при успѣхѣ революціи.

До 7 часовъ вечера не происходило еще никакого серьезнаго столкновенія между войскомъ и народомъ. Карлъ X такъ мало предвидѣлъ имѣющія разыграться событія, что въ Парижѣ находилось не болѣе 14 тысячъ войскъ, а самъ король преспокойно игралъ въ карты въ Сэнъ-Клу, своемъ загородномъ дворцѣ. Но уже днемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появились баррикады, и разграблена была часть оружейныхъ лавокъ. Многочисленная толпа народу, охваченная любопытствомъ, возбужденно двигалась по улицамъ, и при встрѣчѣ съ войсками, изъ среды ея раздавались нерѣдко возгласы: „Да здравствуютъ линейныя войска!“. Солдаты, слыша такія лестныя привѣтствія, теряли значительную дозу своей воинственности и дружелюбно поталкивали передъ собою скопища, которыя немедленно вновь смыкались за ихъ спинами. Зато ненавистныхъ жандармовъ на Биржевой площади толпа выгнала камнями изъ ихъ караулки и сожгла ее. Къ вечеру, съ наступленіемъ сумерекъ, на улицахъ водворилась такая тишина, что только что назначенный главнокомандующій парижскихъ войскъ, маршалъ Мармонъ, нашелъ своевременнымъ отозвать войска въ казармы.

Кромѣ срыванія въ нѣсколькихъ мѣстахъ вывѣсокъ придворныхъ поставщиковъ и бросанія ихъ въ грязь, кромѣ возбужденія среди воспитанниковъ Политехнической школы, стоитъ отмѣтить за этотъ день лишь одинъ инцидентъ.

При послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца на площади Политехнической школы появился человѣкъ, держа въ рукахъ трехцвѣтное сине-бѣло красное знамя, которое уже 15 лѣтъ, т. е. со времени паденія 2-ой имперіи, тщательно преслѣдовалось и изгонялось изъ Франціи. Ни одного возгласа не раздалось при неожиданномъ появленіи знамени, ни малѣйшаго движенія не обнаружилось среди толпы, тянувшейся по набережной Сены, но всѣ провожали развѣвавшееся знамя глазами, и старыя полузабытыя воспоминанія опять ожили. Нѣсколько стариковъ обнажили головы, другіе проронили невольныя слезинки. Къ утру слѣдующаго дня на всѣхъ выросшихъ за ночь баррикадахъ развѣвалось трехцвѣтное знамя, началось настоящее возстаніе.

Нѣсколько словъ о революціонныхъ эмблемахъ.

Прежде чѣмъ перейти къ событіямъ слѣдующаго дня, скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи, исторіи и смыслѣ трехцвѣтнаго знамени, а заодно ужъ и нѣсколькихъ другихъ революціонныхъ символовъ. Трехцвѣтное французское знамя ведетъ свое начало съ 16-го іюля 1789 года,

сейчасъ послѣ взятія и разрушенія Бастиліи. Въ этотъ день генералъ Лафайетъ, ставшій начальникомъ парижской національной гвардіи, далъ ей военную организацію и снабдилъ красно-бѣло-синими кокардами. Съ этого момента указанное сочетаніе цвѣтовъ стало эмблемой революціи. Красный и синій цвѣтъ были цвѣтами города Парижа, бѣлый — былъ цвѣтомъ Бурбоновъ. Соединеніе всѣхъ трехъ должно было означать единство всѣхъ трехъ сословій.

Любопытно, что всего за нѣсколько дней предъ тѣмъ — цвѣтомъ революціи чуть не сталъ *зеленый*. Передъ нападеніемъ на Бастилію знаменитый ораторъ Камиллъ Демуленъ сорвалъ съ ближайшаго дерева листъ и прикрѣпилъ къ своей шляпѣ. Вся толпа послѣдовала его примѣру. Зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, сталъ такимъ образомъ символомъ патріотовъ-революціонеровъ, но сейчасъ же спохватились, что онъ же былъ цвѣтомъ графовъ Артуа (графъ Артуа былъ братъ короля).

Трехцвѣтное французское знамя держалось во Франціи вплоть до паденія Наполеона. Съ его побѣдоносными батальонами оно обошло всю Европу, вплоть до Москвы. Реставрація возстановила бѣлый цвѣтъ Бурбоновъ. Іюльская революція снова вернула во Францію трехцвѣтное знамя, которое существуетъ въ ней и по сію пору и ужъ, конечно, никакой идеи революціи собою не изображаетъ.

Но уже въ 1832 году на демонстраціи республиканцевъ-революціонеровъ при похоронахъ генерала Ламарка появилось на сцену въ качествѣ эмблемы революціи *красное* знамя. Этотъ цвѣтъ имѣлъ странную исторію. Во время Великой Французской Революціи, съ конца 1791 года, т. е. скоро послѣ выборовъ въ Законодательное Собраніе, въ моду вошла у стариковъ революціи *красная*, такъ называемая фригійская шапка. Случилось это вотъ какимъ образомъ. Возставшіе въ городѣ Нанси солдаты Шатовьескаго полка были приговорены къ работамъ на галерахъ и впослѣдствіи помилованы. Брестскіе якобинцы, желая оказать имъ особенную честь, взяли у нихъ *красныя шапки галерныхъ каторжниковъ* и надѣли на свои головы. Съ того времени этотъ головной уборъ сталъ общераспространеннымъ, главнымъ образомъ у жирондистовъ, т. е. у умѣренной, буржуазной, революціонной партіи. И въ то же самое время *красное знамя* было знакомъ реакціи, военнаго положенія. 17 іюля 1791 года „простякъ“ Лафайетъ жестоко расправился съ помощью своихъ національныхъ гвардейцевъ съ народомъ на Марсовомъ полѣ, куда онъ стекся въ большомъ количествѣ съ цѣлью подписать петицію о сверженіи короля. Требуя, чтобы толпа разошлась, онъ развернулъ красное знамя въ знакъ военнаго положенія, а народъ кричалъ „Долой красное знамя!“

Однако съ 1832 года красное знамя сдѣлалось прочной эмблемой революціи. Во всѣхъ послѣднихъ возстаніяхъ, на-

примѣръ, въ февральскую революцію 1848 г., красное знамя развѣвалось на всѣхъ баррикадахъ. И когда февральская революція имѣла полный успѣхъ и закончилась учрежденіемъ республики, то на слѣдующій же день 25 февраля, огромная толпа народа собралась передъ ратушей, гдѣ засѣдало избранное наканунѣ временное правительство, и потребовала замѣны трехцвѣтнаго знамени, символа павшей монархіи, краснымъ знаменемъ, эмблемой новаго порядка, новыхъ чаяній и стремленій. Временному правительству это было совсѣмъ не по вкусу, и одинъ изъ членовъ его – Ламартинъ, извѣстный поэтъ и краснобай, взялся переубѣдить народъ и удачной напыщенной фразой сразу измѣнилъ настроеніе у впечатлительнаго, такъ легко поддающагося блесткамъ краснорѣчія французскаго пролетаріата. „А, ваше красное знамя, — воскликнулъ онъ, — гулявшее по Марсову полю, гдѣ его влачили въ крови народа, — развѣ его можно сравнить съ нашимъ трехцвѣтнымъ, обошедшимъ весь міръ съ именемъ, славою и свободою отечества?“ Взрывъ аплодисментовъ и многотысячное „ура“ показали, что Ламартинъ выйдетъ побѣдителемъ изъ этого столкновенія. Такъ оно и случилось. Народъ не настаивалъ болѣе, и трехцвѣтное знамя осталось за молодой республикой.

Въ іюньскіе дни красное знамя развѣвалось на всѣхъ баррикадахъ, какъ чисто *пролетарскій* символъ, какъ антитеза *буржуазной* республикѣ. Съ того времени оно окончательно становится знаменемъ соціалистическихъ партій, вытѣснивъ всѣ остальные цвѣта, какъ напр. *черный*, который фигурировалъ въ Іюпскомъ возстаніи 1831 г.

День второй, 28 іюля.

Вернемся къ описываемой революціи. За ночь, которая показалась главнокомандующему Мармону такой успокоительной, возстаніе пріобрѣло себѣ вожаковъ, бывшихъ наполеоновскихъ офицеровъ и уже упомянутыхъ выше бывшихъ карбонаріевъ*), которые, въ виду медлительности и бездѣятельности депутатовъ оппозиціи, собрались у одного изъ своихъ и тамъ приняли рядъ рѣшеній, имѣвшихъ цѣлью придать возстанію единство и опредѣленность. *Для каждаго изъ 12 городскихъ кварталовъ были организованы революціонные комитеты*, которые въ ту же ночь приступили къ своей дѣятельности. Они побуждали народъ къ постройкѣ баррикадъ, старались достать оружіе, которое до этихъ поръ почти совершенно отсутствовало, и съ особеннымъ усердіемъ принялись за приготовленіе боевыхъ снарядовъ. Толпы фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ

*) „Карбонаріи“ (угольщики) — тайное общество, возникшее въ Италіи. По образцу его образовалось въ 20-хъ годахъ такое же — во Франціи.

стекались въ центръ города и работали надъ постройкой баррикадъ. Къ утру къ инсургентамъ присоединилась учащаяся молодежь, главнымъ образомъ, воспитанники Политехнической школы, и вся ненависть и презрѣніе къ Бурбонамъ, которыя накопились за 15-лѣтнее ихъ царствованіе у рабочихъ, учащейся молодежи и другихъ отважныхъ и отзывчивыхъ элементовъ общества, вылились 28 іюля въ дружномъ чувствѣ — жаждѣ борьбы.

Крупная и средняя буржуазія, однако, и теперь въ подавляющей своей части оставалась безучастной. Когда утромъ этого дня раздался набатъ съ Собора Парижской Богоматери, жалкіе остатки когда-то существовавшей и давно распущенной національной гвардіи вытащили изъ шкафовъ свои запыленные мундиры и выбрались на улицу, но не для того, чтобы оказать поддержку народу, а для того, чтобы занять общественныя зданія и слѣдить за „порядкомъ“. Только единичные изъ нихъ принимали непосредственное участіе въ борьбѣ.

Въ полдень этого дня снова собрались на совѣщаніе оппозиціонные депутаты. Снова болтали они и вкривь и вкось, пугливо отталкивая отъ себя всякое предложеніе выступить хоть сколько-нибудь рѣшительно на аренѣ борьбы. Въ концѣ концовъ они порѣшили опубликовать „протестъ“ противъ ордонансовъ. Изъ трехъ предложенныхъ протестовъ они выбрали самый благонамѣренный, составленный профессоромъ Гизо, въ которомъ въ деревянныхъ канцелярскихъ фразахъ раньше всего подчеркивается преданность ихъ королю, „обманутому своими министрами“. Но когда дошло дѣло до подписи подъ „протестомъ“, то эти храбрые герои струсили и отказались это сдѣлать. Такъ они и послали его безъ подписей въ газету „Temps“ для напечатанія, не постыдившись поставить въ скобкахъ лживое украшеніе: „подписи слѣдуютъ“. Кромѣ того, они пришли къ еще одной характерной для нихъ мысли отправить делегацію къ главнокомандующему Мармону и попробовать пустить въ ходъ 4 милліончика. Депутацію они немедленно выбрали изъ своей среды.

А между тѣмъ въ это время на улицахъ Парижа уже проливались потоки крови. Еще утромъ Парижъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, и Мармонъ сдѣлался такимъ образомъ всесильнымъ диктаторомъ. Была сейчасъ же назначена военно-судная коммиссія, обязанностью которой было тутъ же по свѣжимъ слѣдамъ творить судъ надъ взятыми съ оружіемъ въ рукахъ инсургентами и подвергать ихъ разстрѣлу. Былъ также отданъ приказъ арестовать нѣкоторыхъ наиболѣе популярныхъ членовъ оппозиціи, въ томъ числѣ—банкира Лафита, стараго генерала Лафайета, генерала Жерара и нѣкоторыхъ другихъ. Но событія шли съ такой быстротой, что ни аресты не были произведены, ни военный судъ не успѣлъ приступить къ своей работѣ.

Военныя дѣйствія маршала Мармона въ теченіе этого многострадальнаго дня борьбы заключались въ слѣдующемъ. Съ ранняго утра онъ стянулъ большую часть своихъ отрядовъ вокругъ Тюльери, Пале Ройяль и Лувра, на площадяхъ Карусель, Вандомской, Согласія и другихъ сосѣднихъ улицахъ. Эти войска онъ раздѣлилъ на двѣ колонны и въ полдень отдалъ имъ приказъ перейти въ наступленіе, добраться до опредѣленныхъ стратегическихъ пунктовъ, уничтожая по дорогѣ баррикады.

Первая колонна должна была пуститься вдоль набережной рѣки Сены къ Гревской площади и Ратушѣ и занять ее.

Второй колоннѣ надлежало описать путь, несравненно болѣе длинный и трудный, относившійся къ пути первой колонны приблизительно, какъ полуокружность къ своему діаметру. Она должна была пройти линію бульваровъ (Капуциновъ, Итальянскій и т. д.), добраться до площади Бастиліи, занять ее и оттуда по Сэнтъ-Антуанской улицѣ достичь опять-таки Ратуши. Если бы этотъ планъ удался, то возстаніе было бы стянуто въ одинъ районъ.

Для того, чтобы между этими двумя колоннами поддерживать постоянную, непрерывную связь, онъ отрядилъ *третью* вспомогательную колонну изъ двухъ гвардейскихъ батальоновъ, чтобы она заняла улицу Сэнъ-Дени, соединяющую бульвары съ Сеной недалеко отъ Ратуши, причемъ одинъ батальонъ долженъ былъ прогуливаться къ сѣверу до бульваровъ, второй къ югу до Сены.

Недостатки этого плана несомнѣнны. Войска, конечно, могли съ большими или меньшими усиліями продѣлать тотъ кровавый путь, который былъ имъ начертанъ на планѣ Парижа, но ихъ было слишкомъ мало, чтобы фактически занять все это обширное пространство. А кромѣ того, какъ вскорѣ оказалось, начальство совершенно не позаботилось о снабженіи солдатъ продовольствіемъ, что, разумѣется, не могло особенно увеличить боевую способность солдатъ.

Командовавшіе колоннами генералы скоро убѣдились, что имъ никакъ не выполнить поставленной имъ задачи, и послѣ тяжкихъ потерь они увидѣли себя вынужденными предпринять обратный маршъ, для чего пришлось неоднократно прибѣгать къ далекимъ обходамъ. Къ вечеру 28-го іюля Ратуша была единственнымъ важнымъ пунктомъ внутри этой мѣстности, который находился въ рукахъ войска.

Движеніе второй колонны.

Опишемъ сперва похожденія второй колонны, находившейся подъ начальствомъ генерала Шамана. Долго маршировала она, не наталкиваясь на серьезныя препятствія,

только у Сэнъ-Денисскихъ и Сэнъ-Мартенскихъ воротъ на нихъ съ ожесточеніемъ напали инсургенты. Во главѣ геройской, одѣтой въ лохмотья толпы пролетаріевъ, сражались здѣсь элегантные молодые люди изъ высшихъ слоевъ общества. Черезъ нѣкоторое время войска настолько осилили сопротивленіе, что могли бы съ трудомъ слѣдовать дальше, но въ тылу у нихъ снова накоплялась толпа; деревья бульваровъ падали подъ ударами топоровъ, и новыя грандіозныя баррикады, возникавшія съ изумительной быстротой, отнимали у солдатъ всякую надежду на возможность отступленія.

На площади Бастиліи генералъ Шаманъ натолкнулся на многочисленную безоружную толпу, въ значительной части состоявшей изъ женщинъ и дѣтей. „Работы! Хлѣба!“ — вотъ возгласы, исходившіе изъ устъ этихъ пролетаріевъ. Замѣчательная вещь! Въ то время, какъ на всѣхъ другихъ пунктахъ Парижа рабочіе сражались подъ боевымъ лозунгомъ, котораго они въ сущности не понимали, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, гдѣ пролетаріи не вступали въ бой, прозвучали дѣйствительныя, кровныя, насущныя желанія рабочихъ. Шаманъ роздалъ имъ всѣ имѣвшіяся при немъ деньги.

Отъ площади Бастиліи ему надлежало, согласно инструкціи, двинуться по Сэнтъ-Антуанской улицѣ, чтобы добраться до Ратуши. Но какъ только колонна начала свой маршъ, со всѣхъ угловъ и устьевъ многочисленныхъ, открывающихся сюда, боковыхъ улицъ и переулковъ начали ее такъ энергично обстрѣливать, что Шаманъ рѣшилъ вернуться въ Тюльери, оставивъ для очищенія Сэнтъ-Антуанской улицы часть кирассировъ и 50-ый линейный полкъ. Отрядъ этотъ продолжалъ намѣченный путь. Это была трудная, кровавая миссія, такъ какъ надлежало осилить длинный рядъ баррикадъ, невидимые стрѣлки безъ устали осыпали ихъ пулями, изъ оконъ швыряли въ нихъ бутылками, кирпичами и всевозможной домашней утварью. Слабыя женщины таскали съ мостовой камни на верхній этажъ, чтобы бросать ихъ солдатамъ на головы.

Общее число людей, которые съ ружьями въ рукахъ, сражались на баррикадахъ, было не очень значительно, но за то весьма многочисленна была категорія тѣхъ, которые иными способами принимали непосредственное участіе въ борьбѣ. Двери домовъ открывались для инсургентовъ, чтобы укрыть ихъ въ минуту опасности, и немедленно за ними закрывались; раненыхъ принимали съ живѣйшимъ участіемъ и заботливо за ними ухаживали; повсюду женщины занимались щипаньемъ корпія. Въ концѣ концовъ злополучный отрядъ вынужденъ былъ таки оставить Сентъ-Антуанскую улицу и выбраться на набережную лѣваго берега Сены. Благодаря удачной атакѣ, произведенной уланами у колоннады св. Жана и отвлекшей сража-

ющи-ся инсургентовъ въ эту сторону, колоннѣ удалось добраться до Гревской площади, занятой королевской гвардіей.

Движеніе третьей (вспомогательной) колонны.

Полную неудачу потерпѣла третья колонна, подъ начальствомъ генерала Кэнсоннэ, на обязанности которой было очистить улицу Сэнъ-Дени. Дойдя до рынка (Marche des Innocents), онъ послалъ батальонъ, согласно инструкціи, на сѣверъ. Съ неимовѣрными усиліями и большими потерями ему кой-какъ удалось достигнуть Сэнъ-Денисскихъ воротъ. Но только онъ тронулся дальше, какъ сзади его выросли новыя баррикады, такъ что онъ оказался отрѣзаннымъ со всѣхъ сторонъ; въ такомъ же отчаянномъ положеніи очутился и самъ генералъ Кэнсоннэ, оставшійся съ небольшимъ остаткомъ своей колонны у рынка. Пришлось отправить переодѣтаго адъютанта боковыми закоулками къ маршалу Мармону въ Тюльери и просить у него помощи. Тотъ немедленно отрядилъ на выручку батальонъ швейцарскихъ наемниковъ. Этому батальону удалось послѣ многихъ усилій, подъ градомъ пуль, унесшимъ массу жертвъ, осилить лежавшія на пути баррикады, соединиться съ колонной генерала Кэнсоннэ и спуститься внизъ по Сэнъ-Денисской улицѣ до набережной Сены.

Вокругъ Ратуши.

Войска, занимавшія Ратушу, принуждены были ограничиться обороной противъ нараставшей безпрерывно массы народныхъ борцовъ. Изъ оконъ Ратуши они поражали убійственнымъ огнемъ всѣ прилегающія улицы. Поэтому тутъ число выбывшихъ изъ строя инсургентовъ къ вечеру достигло очень крупной цифры, тогда какъ солдаты, находясь въ прикрытіи, пострадали сравнительно мало.

Конецъ второго дня борьбы.

Въ 10 часовъ вечера должно было состояться на квартирѣ одного депутата Одри-д-Пираво новое, по счету шестое, собраніе оппозиціи. Явилось всего 10-12 человѣкъ. Болѣе смѣлые, какъ банкиръ Лафитъ, Лафайетъ и хозяинъ квартиры, настаивали на томъ, что необходимо принять участіе въ борьбѣ, но остальные трусили неимовѣрно, и собраніе опять разошлось ни съ чѣмъ, условившись снова сойтись на слѣдующій день въ 7 часовъ утра у Лафайета.

Лафайетъ, выйдя изъ дома, былъ встрѣченъ народомъ, толпившимся на улицѣ, съ криками радости, и одинъ гражданинъ обратился къ нему съ вопросомъ, даетъ ли онъ

разрѣшеніе на назначеніе его главнокомандующимъ народныхъ силъ. — „Что вы выдумали?“ — отвѣтилъ за Лафайета съ неудовольствіемъ его спутникъ: „неужели вамъ непремѣнно хочется, чтобы генералъ былъ разстрѣлянъ?“

А въ то самое время, какъ ближайшіе друзья Лафайета боялись рисковать его именемъ, въ другомъ пунктѣ Парижа разыгралась слѣдующая характерная сцена. По одной безлюдной улицѣ шли два гражданина. На встрѣчу имъ идетъ третій.

— Завтра борьба возобновится, — обращается къ нимъ послѣдній. — Я военный, не нужно ли вамъ генерала?

— Генерала? — отвѣчаетъ одинъ изъ спрошенныхъ — во время революціи каждый сапожникъ можетъ имъ быть.

— Вы хотите быть генераломъ? — добавилъ другой — Хорошо, одѣньте мундиръ и отправьтесь въ любое мѣсто, гдѣ происходитъ борьба.

Незнакомца звали Дюбургъ. Совѣтъ ему понравился. И вотъ мы скоро увидимъ, какъ онъ на слѣдующій день на нѣсколько часовъ сдѣлался королемъ Парижа.

Къ этому времени всѣ колонны со всѣхъ сторонъ отступили и стянулись къ Тюльери. Даже тотъ отрядъ, который до сихъ поръ успѣшно защищалъ Ратушу, рѣшилъ въ полночь ее очистить, такъ какъ у него осталось всего 40 патроновъ. Забравъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, онъ отступилъ. Исполненные тревоги, чутко прислушиваясь къ каждому шороху, солдаты осторожно подвигались впередъ, ожидая за каждой баррикадой, за всякимъ угломъ засаду. Но на этотъ разъ они не встрѣтили враговъ. Только трупы лежали на дорогѣ, и въ темнотѣ они безпрерывно на нихъ наступали.

Мармонъ понималъ опасность положенія и сдѣлалъ попытку — уже вторую по счету — уговорить короля пойти на уступки. „Сейчасъ есть еще время спасти честь короны, завтра же будетъ, быть можетъ, поздно“ — такъ писалъ онъ королю въ Сэнъ-Клу. Но король не обратилъ на это вниманія и, успокоенный своимъ министромъ Полиньякомъ, которому ночью явилась во снѣ св. Дѣва и убѣждала не сдаваться, — продолжалъ беззаботно играть въ карты.

День третій, 29 іюля

Утромъ 29 іюля Мармонъ оказался въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ находился въ самомъ началѣ революціи, съ тѣмъ только различіемъ, что войска у него въ значительной степени растаяли, а духъ ихъ сильно упалъ. Еще разница заключалась въ точъ, что онъ оказался съ трехъ сторонъ основательно отрѣзаннымъ выросшими за ночь

баррикадами.

Его полки удерживали только пространство отъ Лувра до Елисейскихъ полей, благодаря чему у него еще не были прерваны сношенія съ Сэнъ-Клу черезъ Булонскій лѣсъ. Мармонъ думалъ было воздѣйствовать на инсургентовъ прокламаціей, но ее рѣшительно негдѣ было напечатать, такъ какъ въ его распоряженіи не было ни одной типографіи. Пришлось распространять ее въ рукописныхъ спискахъ, и благодаря своей безцвѣтности и бессодержательности, она прошла совершенно безслѣдно. Рабочіе и теперь, какъ наканунѣ, толпами стекались изъ предмѣстій и энергично готовились къ возобновленію борьбы.

Занятіе Ратуши.

Между 10-11 часами утра въ центрѣ Парижа разыгралась странная сцена. Неизвѣстный человѣкъ въ генеральскомъ мундирѣ шелъ въ сопровожденіи большой свиты вооруженныхъ людей къ рынку на улицу Сэнъ-Дени (Рынокъ Невинныхъ). Мундиръ купилъ ему у старьевщика редакторъ одной газеты, а эполеты доставилъ ему изъ Комической Оперы знакомый актеръ. — „Что это за генералъ?“ — спрашивали со всѣхъ сторонъ. — „Генералъ Дюбургъ.“ — „Да здравствуетъ генералъ Дюбургъ!“ — раздавались радостные крики изъ среды народа, впервые слышавшаго это имя: до такой степени была настоятельна потребность имѣть командира возстанія!

Шествіе съ импровизированнымъ генераломъ во главѣ направилось къ Ратушѣ, гдѣ Дюбургъ водворился въ качествѣ военачальника. Первымъ актомъ его управленія было распорядиться убрать трехцвѣтное знамя, развѣвавшееся надъ Ратушей, и вывѣсить *черное*. — Это черное знамя, — пояснилъ онъ, — должно развѣваться до тѣхъ поръ, пока Франція не завоюетъ себѣ обратно своихъ вольностей.

И вотъ въ Парижѣ, наряду съ королевской властью, возникла новая—революціонная. Которая изъ нихъ окажется побѣдительницей? На примиреніе не было никакихъ шансовъ, да къ тому же борьба уже разгорѣлась вновь.

Побѣдоносное наступленіе инсургентовъ на лѣвомъ берегу Сены.

Еще утромъ въ предмѣстьѣ св. Якова (Сэнъ-Жакъ), въ юго-восточной части Парижа, послышались призывы: „Политехники, выходите!“ Тѣ не заставили себя долго ждать и во главѣ большой вооруженной толпы двинулись къ казармѣ жандармовъ на улицѣ Турнонъ, овладѣли ею и подѣлили между собой оружіе. Затѣмъ, разбившись на отряды въ 30-40 человѣкъ, съ барабаннымъ боемъ, имѣя во главѣ

политехниковъ, инсургенты пустились разыскивать враговъ. Одна группа завладѣла постомъ швейцарскихъ солдатъ, другая пороховымъ магазиномъ у Ботаническаго сада, третій отрядъ изъ 250 человѣкъ *цейхгаузомъ* королевской гвардіи на площади Эстрападъ. Послѣдняя операція обошлась безъ кроваваго столкновенія, такъ какъ юному вожаку этой группы удалось добиться очищенія этого цейхгауза посредствомъ однихъ только убѣжденій. Но самымъ блестящимъ боевымъ дѣломъ этого утра на лѣвомъ берегу Сены было взятіе *казармы* на Вавилонской улицѣ (недалеко отъ дома Инвалидовъ), защищавшейся 150 швейцарскими наемниками. Это молодецкое дѣло было выполнено подъ начальствомъ предпріимчиваго и энергичнаго политехника Шарра и человѣка изъ народа Бенара. Бой продолжался $^3/_4$ часа. Часть швейцарцевъ была перебита, остальные бѣжали. Тутъ было захвачено много оружія и боевыхъ снарядовъ, и толпа окрѣпшая, сильно ободрившаяся, усилившаяся численно и хорошо вооруженная, двинулась въ боевомъ порядкѣ къ Тюльери.

Взятіе инсургентами Лувра и Тюльери.

Оказалось, однако, что судьба этого королевскаго дворца была уже рѣшена. Тюльери былъ уже въ рукахъ народа. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Маршалъ Мармонъ, видя, что прокламація его не произвела никакого эффекта, рѣшился съ мужествомъ отчаянья на послѣднее напряженіе и направился на площадь Каруселя, чтобы тамъ сдѣлать необходимыя распоряженія для рѣшительнаго боя. Тутъ онъ, однако, получилъ крайне непріятное извѣстіе, что войска, расположенныя на Вандомской площади, *братаются* съ народомъ и склонны къ отпаденію. Мармонъ сейчасъ же распорядился увести неблагонадежныя войска къ Тюльери, а Вандомскую площадь занять швейцарскими наемниками, у которыхъ среди народа не было родныхъ и близкихъ. Такъ какъ Лувръ охранялся двумя швейцарскими батальонами подъ начальствомъ полковника Сали, то онъ отправилъ ему приказъ отослать одинъ изъ своихъ батальоновъ на Вандомскую площадь.

А въ это время оба колеблющіеся полка 5-ый и 58-ой дѣйствительно порѣшили перейти на сторону народа, подъ начальствомъ оппозиціоннаго генерала Жерара, причемъ они выставили 2 условія: чтобы ихъ не заставляли стрѣлять въ своихъ товарищей и не обезоруживали. Условія эти были съ радостью приняты, и офицеръ національной гвардіи гарантировалъ имъ ихъ выполненіе. Оба полка немедленно двинулись къ дому Лафита, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, уговорились въ седьмой разъ собраться для без-

плодныхъ разговоровъ многодумные депутаты оппозиціи, въ томъ числѣ генералъ Жераръ.

Когда приказъ Мармона дошелъ до полковника Сали, защищавшаго Лувръ со своими швейцарцами, послѣдніе размѣщены были такимъ образомъ, что одинъ батальонъ находился въ самомъ зданіи, а другой стоялъ въ резервѣ во дворѣ. Первый все время отстаивалъ Лувръ отъ напора многочисленной толпы, и потому Сали, желая свѣжій батальонъ сохранить для себя, а отослать утомленный, велѣлъ послѣднему идти на Вандомскую площадь. По непостижимой оплошности, онъ не распорядился предварительно ввести въ зданіе батальонъ со двора, такъ что Лувръ вдругъ сразу очутился безъ войскъ. Народъ видитъ, что огонь внезапно стихъ, и что всѣ враги исчезли. Одинъ отважный юноша моментально вскарабкался по водосточной трубѣ и прикрѣпилъ трехцвѣтное знамя. Группа смѣльчаковъ проникаетъ черезъ оставшуюся открытой калитку въ Лувръ, внутрь корпуса, спѣшитъ къ заднимъ окнамъ, выходящимъ на дворъ, и, увидя тамъ швейцарцевъ, открываетъ по нимъ немедленно огонь. Славящихся своей неустрашимостью наемниковъ охватываетъ ужасъ. Въ ихъ памяти вспыхиваютъ яркіе разсказы, слышанные отъ стариковъ или читанные въ книгахъ про страшную ночь 10 августа 1792 г., когда парижскій народъ, взявъ приступомъ Тюльери, безжалостно истреблялъ швейцарцевъ и перебилъ ихъ болѣе 700 человѣкъ; въ полномъ безпорядкѣ покидаютъ они дворъ Лувра и черезъ площадь Карусель бѣгутъ въ Тюльери. А въ это время одна часть народа ружейными выстрѣлами, прикладами и топорами разбиваетъ замки и двери и со всѣхъ сторонъ наводняетъ залы и корридоры Лувра, тогда какъ другая часть осаждающихъ бросается въ погоню за бѣгущими швейцарцами и побѣдоносно преслѣдуетъ ихъ до Тюльерійскаго сада. Швейцарцы въ полнѣйшемъ смятеніи мечутся по саду и своей паникой заражаютъ полки, стоящіе на площади Людовика XV. Ужасъ и смятеніе достигаютъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что Мармонъ теряетъ всякую надежду на побѣду и сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на томъ, чтобы не дать войскамъ окончательно разсѣяться и превратить, насколько возможно, паническое бѣгство въ „правильное отступленіе.“ Въ часъ дня трехцвѣтное знамя развѣвалось на балконѣ Тюльери, а на королевскій тронъ посадили трупъ павшаго молодого борца, чтобы наглядно показать, что отнынѣ мѣсто свергнутаго короля занимаетъ народъ.

Со взятіемъ Лувра и Тюльери борьба въ самомъ Парижѣ была кончена. Народъ одержалъ блестящую побѣду, купленную дорогой цѣной: она стоила ему 5300 человѣкъ убитыми и ранеными. Впрочемъ, уличная борьба велась съ обѣихъ сторонъ съ рѣдкой умѣренностью и великодушіемъ.

Не было безцѣльнаго пролитія крови, съ плѣнными и ранеными, какъ инсургенты, такъ и солдаты обходились не только безъ жестокости, но вполнѣ гуманно. Равнымъ образомъ, не было произведено во время этой революціи ни грабежей, ни ненужнаго разрушенія. Дворцы, французскій банкъ съ его значительной кассовой наличностью, сокровища искусствъ въ Луврѣ не потерпѣли никакого ущерба и поврежденія.

Парижъ былъ весь въ рукахъ инсургентовъ, но недалеко стояло еще 10-12 тысячъ войска, которое могло съ минуты на минуту напасть на городъ. Инсургенты не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы самимъ двинуться на Сэнъ-Клу и Версаль и распространить по ѣду за предѣлы Парижа. Войска эти дѣйствительно повелъ наслѣдный принцъ 31 іюля на Парижъ, но до сраженія дѣло не дошло, такъ какъ солдаты отказались стрѣлять въ народъ*).

Храбрая оппозиція находитъ, что пора приступить къ загребанію каштановъ.

До полудня 29 іюля возстаніе лишено было всякаго высшаго руководительства, всякаго общепризнаннаго авторитета. Только въ Ратушѣ водворился и господствовалъ Дюбургъ въ своемъ плюмажѣ и генеральскомъ мундирѣ. Онъ провозгласилъ себя комендантомъ Ратуши и немедленно приступилъ къ выполненію функцій, связанныхъ съ этимъ званіемъ. Другія неизвѣстныя личности, тоже сами себя уполномочившія для различныхъ должностей, засѣли въ Ратушѣ въ качествѣ Временнаго Правительства: они подписывали приказы, распредѣляли должности, награждали знаками достоинства. Тутъ, въ противоположность честнымъ, неустрашимымъ, безкорыстнымъ юнымъ бойцамъ, вынырнули какіе-то честолюбивые рыцари счастья, у которыхъ не знаешь, чему больше удивляться: непомѣрному ли ихъ тщеславію, дерзости или невѣжеству. Правленіе ихъ длилось весьма недолго, но за этотъ короткій промежутокъ времени происходили сцены въ высшей степени комическія. Засѣданія происходили въ залѣ св. Іоанна. Здѣсь вполнѣ мирно и спокойно распредѣлялись разнообразныя должности по управленію Франціей. Ежеминутно являлись новые претенденты, преклоняясь передъ могуществомъ новыхъ властителей. Такимъ образомъ эта замѣчательная революція на протяженіи немногихъ дней и часовъ показала человѣческій образъ во всѣхъ его проявленіяхъ, какъ высокихъ, такъ и низменныхъ: героизмъ и мелочность, мужество и дѣтское тщеславіе, величіе и пошлость.

*) Объ этомъ у насъ было уже разсказано выше въ главѣ: „Инсургенты и солдаты“.

Но что же дѣлали въ это время наши храбрые депутаты оппозиціи? Мы уже знаемъ, что они условились собраться рано утромъ у Лафита для новаго „совѣщанія“, седьмого по счету. Къ 11 часамъ утра ихъ набралось тамъ до 25 человѣкъ. Самъ Лафитъ, раненый въ ногу, лежалъ на кушеткѣ. Въ то время, какъ они опять безполезно копировали свои предыдущія засѣданія—пришло вдругъ сообщеніе объ извѣстномъ уже намъ отпаденіи двухъ королевскихъ полковъ. Оно подѣйствовало, какъ электрическая искра. Прежняя нерѣшительность исчезла. Ночныя совы сразу сообразили, что медлить больше нечего, что надо спѣшить, если они хотятъ овладѣть движеніемъ и забрать его въ свои руки. Когда затѣмъ явился Лафайетъ и разсказалъ, что со всѣхъ сторонъ къ нему обращаются съ требованіемъ стать во главѣ національной гвардіи, и что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ взять на себя эту миссію, то *теперь* это рѣшеніе его встрѣтило общее одобреніе депутатовъ. Однако, чтобы имѣть контроль за этимъ популярнымъ „героемъ“, получающимъ свою должность изъ рукъ побѣдоноснаго народа, депутаты выбрали изъ своей среды генерала Жерара, въ качествѣ высшаго начальника всѣхъ войскъ и руководителя активными военными дѣйствіями.

Оба генерала поспѣшили оставить квартиру Лафита, чтобы вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Скоро послѣ ихъ удаленія пришли офицеры обоихъ отложившихся полковъ, чтобы отдать себя и свои полки въ распоряженіе депутатовъ. Ихъ появленіе и объясненіе подняли энтузіазмъ депутатовъ до высшихъ предѣловъ. Вдругъ за окнами на улицѣ раздалась сильная ружейная пальба. Въ испугѣ депутаты повскакали со своихъ мѣстъ и, выглянувъ въ окно, ахнули: вся улица оказалась переполненной солдатами! Какъ обрисовать ужасъ и смятеніе, которые моментально охватили домъ? — „Измѣна! Насъ хотятъ арестовать! Спасайся, кто можетъ!“ — раздавались дикіе изступленные крики со стороны депутатовъ, рѣшившихъ, что побѣда, очевидно, перешла на сторону правительства. Все въ домѣ обращается въ паническое бѣгство; происходятъ страшная давка и сумятица; какъ угорѣлые, бѣгаютъ депутаты по комнатамъ, тѣснятся въ передникъ, часть выскакиваетъ черезъ окна нижняго этажа; двоихъ послѣ находятъ въ хлѣву свернувшимися въ клубокъ. Раненый хозяинъ квартиры Лафитъ былъ въ мгновеніе ока покинутъ всѣми своими коллегами, только что окружавшими его кушетку. Только племянникъ остался при немъ; жена его упала въ обморокъ. Этотъ членъ оппозиціи, по мужеству и прямотѣ характера стоявшій головой выше своихъ жалкихъ товарищей, вполнѣ сохранилъ спокойствіе и воспользовался этимъ неожиданнымъ перерывомъ засѣданія для того, чтобы съ помощью племянника перевязать свою раненую ногу.

Но что же случилось? Что вызвало эту суматоху?

Оказалось, что многочисленные солдаты, окружившіе домъ, были оба отпавшіе полка, подошедшіе сюда, чтобы принять своего новаго генерала; выстрѣлы были произведены ими въ воздухъ, такъ какъ, желая показать народу, толпизтемуся на улицѣ, свое дружественное къ нему отношеніе, они разрядили свои ружья.

Пока происходилъ этотъ комическій эпизодъ и перетрусившіе на смерть депутаты приходили понемногу въ себя, старикъ Лафайетъ, свѣжеиспеченный начальникъ національной гвардіи, направлялся въ Ратушу. Огромная толпа сопровождала этого, пользовавшагося незаслуженной популярностью широкихъ народныхъ массъ генерала, и нѣсколько разъ подымала его на рукахъ, чтобы облегчить ему переходъ черезъ баррикады. Поддерживаемый двумя депутатами, онъ, улыбаясь, принималъ, какъ должное, овація, которыя напоминали ему годы юности — 1789 и слѣдующій годъ. Лафайетъ торжественно поднимался по широкой лѣстницѣ городского дома при радостныхъ крикахъ народа, наводнявшаго Гревскую площадь. Псевдо-генералъ Дюбургъ вышелъ навстрѣчу „истинному“ генералу и, почтительно поклонившись, вручилъ ему свое калифство на часъ. Теперь Лафайетъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбы Франціи. Но депутаты, собравшіеся у Лафита, опомнившись отъ перенесеннаго потрясенія и сообразивъ, что все обстоитъ наилучшимъ образомъ, снова собрались въ совѣщательной комнатѣ и нашли, что отнюдь не подобаетъ теперь зѣвать, надо ковать желѣзо, пока горячо. Необходимо сейчасъ же наряду съ двумя военными командирами (Лафайетомъ и Жераромъ) создать *гражданскую власть*. Ее, само собою разумѣется, надо выбрать изъ *своей среды*. Предложены были два проекта: депутатъ Могенъ предлагалъ выбрать Временное Правительство (для всей Франціи), Гизо настаивалъ, чтобы это былъ только Городской Совѣтъ (для Парижа). Послѣднее предложеніе одержало верхъ, такъ какъ больше соотвѣтствовало дряблымъ, нерѣшительнымъ, умѣреннымъ темпераментамъ депутатовъ. Выбрали 4 человѣкъ: Казимира Перье, генерала Лобау, Шонана и Одри де-Шираво. Они съ своей стороны присоединили къ себѣ Могена. Этотъ пятичленный комитетъ немедленно устроилъ свое первое засѣданіе и высидѣлъ слѣдующее воззваніе, которое имѣло цѣлью оповѣстить всѣхъ парижанъ о существованіи Комитета:

„Находящіеся въ Парижѣ депутаты сочли себя обя-
„занными собраться, чтобы устранить *серьезныя*
„*опасности, угрожающія собственности и лицамъ.*
„За отсутствіемъ всякой правильной организаціи,
„выбранъ Комитетъ для обезпеченія общихъ инте-
„ресовъ.“

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе позорное, чѣмъ этотъ документъ, которымъ дебютировалъ самозван-

ный Комитетъ. Для мужественныхъ борцовъ—рабочихъ, студентовъ и другой молодежи, проявившихъ столько же безкорыстія, сколько героизма — не нашлось у этихъ трусливыхъ буржуевъ ни одного слова удивленія и восхищенія, а зато сразу вылились у нихъ наружу затаенныя ихъ опасенія —за цѣлость своей собственности. Чувство общей опасности собрало этихъ сытыхъ крупныхъ буржуа въ салоны Лафата; въ воображеніи своемъ они видѣли уже свои дома разгромленными и разграбленными, а изумительное великодушіе, которое только что обнаружилъ пролетаріатъ, они считали, быть можетъ, только случайностью.

Народъ одержалъ побѣду надъ королевскимъ правительствомъ. Но недостатокъ сознательности, непониманія своихъ интересовъ, помѣшали ему использовать свою побѣду. Онъ не только не выставилъ соціальныхъ требованій, но даже не предъявилъ демократической программы, т. е. всеобщаго избирательнаго права, одной палаты и т. п., и вотъ буржуазія стала распоряжаться и пожинать тамъ, гдѣ она не сѣяла. Она это могла теперь дѣлать, ибо съ того момента, какъ 60.000 хорошо вооруженныхъ и организованныхъ національныхъ гвардейцевъ стали подъ начальство буржуазно-конституціоннаго монархиста Лафайета, буржуазія стала господиномъ положенія. Братство между ней и народомъ продолжалось только нѣсколько часовъ. Уже вечеромъ третьяго дня (29 іюля) вооруженная буржуазія стояла на стражѣ своей никѣмъ не угрожаемой собственности. У пѣнкоснимателей народной побѣды „братство“ съ поразительной быстротой уступило мѣсто недовѣрію, къ которому примѣшивался въ то же самое время страхъ предъ возвращеніемъ войскъ. Повсюду всѣ посты были заняты буржуазными національными гвардейцами. Ихъ патрули прорѣзывали городъ во всѣхъ направленіяхъ. Чтобы имѣть свободный проходъ по улицамъ, нужно было знать пароль. Не мало людей было при этомъ задержано и подвергнуто форменному аресту. Буржуа въ мундирахъ обезоруживали работниковъ въ блузахъ и даже свою собственную братію, не догадавшуюся или не успѣвшую облачиться въ мундиры.

Чего же хотѣла буржуазія? Какой режимъ желала она установить вмѣсто прежняго политическаго строя? Хотѣла ли она республики? Ни въ коемъ случаѣ,—она боялась ея пуще огня, ибо въ ея воображеніи сейчасъ же выплывала исторія первой французской республики съ ея конвентомъ, демократической конституціей 1793 года, терроромъ, нашествіемъ всѣхъ европейскихъ государствъ и т. д. Она хотѣла поэтому сохранить конституціонное королевство, но не съ Бурбонской династіей, которая явно ничему не научилась и ничего не позабыла и являлась выразительницей и слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ земельной аристократіи и духовенства. Поэтому она предпочитала возвести на

престолъ другую династію, къ которой она могла бы питать довѣріе. Таковой была младшая линія королевскаго дома — Орлеанская, которая уже нѣсколько десятковъ лѣтъ стояла на точкѣ зрѣнія интересовъ крупной буржуазіи. Представителемъ этой династіи былъ въ то время герцогъ Орлеанскій—Луи Филиппъ, отецъ котораго во время Великой Французской Революціи перешелъ на сторону 3-го сословія, принялъ имя Филиппъ Эгалитэ, т. е. Филиппъ-Равенство, и во время террора былъ казненъ монтаньярами. Выразить эти идеалы и желанія крупной буржуазіи взялся Тьеръ, который вмѣстѣ съ историкомъ Минье составилъ, напечаталъ и утромъ 30 іюля расклеилъ на всѣхъ перекресткахъ Парижа слѣдующую прокламацію:

„Карлъ X не можетъ больше вернуться въ Парижъ: по его винѣ пролита народная кровь.

„Республика увлекла бы насъ въ пучину бѣдствій; она разсорила бы насъ съ Европой.

„Герцогъ Орлеанскій преданъ дѣлу революціи.

„Герцогъ Орлеанскій никогда не сражался противъ насъ.

„Герцогъ Орлеанскій сражался при Жеманпѣ*).

„Герцогъ Орлеанскій — король-буржуа.

„Герцогъ Орлеанскій шелъ въ бой съ трехцвѣтной кокардой; только герцогъ Орлеанскій можетъ ее носить, мы не хотимъ никого другого.

„Герцогъ Орлеанскій не высказывается. Онъ ждетъ нашего желанія. Выскажемъ же наше желаніе, и онъ приметъ хартію такъ, какъ мы ее всегда понимали и желали. Онъ получитъ свою корону изъ рукъ французскаго народа."

Эта прокламація была составлена очень ловко. Имя герцога Орлеанскаго повторялось въ ней много, много разъ, чтобы оно легче и сильнѣе запало въ память народа. Затѣмъ здѣсь упоминалось о трехцвѣтномъ знамени, о битвѣ при Жеманпѣ, а въ заключеніе взывалось къ *суверенитету (главенству) народа* — обычная фарисейская уловка политическихъ фигляровъ.

Такъ имя герцога Орлеанскаго пошло гулять по устамъ широкихъ массъ, получившихъ, такимъ образомъ, опредѣленный, ясный лозунгъ, на которомъ концентрировались всѣ неясныя надежды и желанія, возбужденныя трехдневной борьбой и рѣшительной побѣдой.

Дальнѣйшія подробности о томъ, какъ этотъ внезапно выплывшій на поверхность кандидатъ на престолъ былъ въ тотъ же день, 30 іюля, собравшейся палатой депутатовъ объявленъ „штатгальтеромъ (управителемъ) Франціи",

*) Битва при Жеманпѣ произошла 6 ноября 1792 года. Здѣсь французскій генералъ Дюмурье разбилъ на голову австрійцевъ; молодой Луи-Филиппъ, носившій тогда титулъ герцога Шартскаго, командовалъ лѣвымъ крыломъ французской арміи.

какъ Карлъ X, поздно спохватившійся, пытался тщетно итти на уступки и вступить въ переговоры съ Луи-Филиппомъ, какъ онъ бѣжалъ въ Рамбулье, а затѣмъ со всей семьей въ Англію, какъ Луи-Филиппъ былъ объявленъ 7 августа „королемъ французовъ“ и т. д. — не входятъ въ нашу задачу.

Народъ, совершившій іюльскую революцію и получившій въ награду, вмѣсто „реставраціи“, *іюльскую монархію*, весьма скоро увидѣлъ, что онъ даромъ трудился и проливалъ свою кровь. Выиграла только крупная буржуазія, которая теперь, съ уменьшеніемъ избирательнаго ценза въ палату депутатовъ съ 300 франковъ до 200 франковъ, стала безусловно господствующимъ классомъ.

VI.

ІЮНЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ ВЪ ПАРИЖѢ 1848 ГОДА.

Въ предыдущей главѣ мы представили образчикъ побѣдоноснаго возстанія парижскаго народа, сражавшагося три дня съ королевскими войсками: то оборонявшагося за баррикадами, то переходившаго въ наступленіе при всякомъ удобномъ случаѣ, и захватывавшаго одно важное зданіе за другимъ. Такъ, мы видимъ, какъ инсургенты послѣдовательно заняли Ратушу, Лувръ, Тюльери, одновременно нападая на полицейскіе и жандармскіе посты, пороховые склады и цейхгаузы. Это была типичная оборонительная и наступательная война — *т. е. то, что въ настоящее время должна быть каждая революція, желающая побѣдить*. Теперь мы опишемъ другое возстаніе, совершившееся на томъ же мѣстѣ, на тѣхъ же улицахъ, въ то же время года (лѣтомъ) ровно 18 годами позже, но имѣвшее прямо противоположный результатъ: оно закончилось полнымъ пораженіемъ инсургентовъ. Оно тоже длилось три-четыре дня съ 23 по 26-ое іюня 1848 г., но носило характеръ почти исключительно *оборонительный:* инсургенты настроили массу баррикадъ, а правительственныя войска послѣдовательно, съ огромными усиліями выбивали ихъ изъ позицій. Впрочемъ, ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что іюньское возстаніе потому имѣло несчастный исходъ, что оно было только оборонительнымъ. Скорѣе наоборотъ, оно именно потому носило исключительно оборонительный характеръ, что было заранѣе обречено на неудачу. Это мы сейчасъ же увидимъ, если проведемъ параллель между условіями іюльскаго и іюньскаго возстаній.

Заодно уже захватимъ и февральскую революцію 1848 г., окончившуюся побѣдоносно.

	Іюльская революція 1830 г.	Февральская революція 1848 года.	Іюньское возстаніе 1848 г.
Какіе классы сражались или были заинтересованы въ побѣдѣ; противъ кого они боролись?	Пролетаріатъ, учащаяся молодежь, всѣ группы буржуазіи противъ королевской власти, опиравшейся на дворянство и духовенство.	Пролетаріатъ, учащ.молодежь, буржуазн. инт., средняя и мелкая буржуазія противъ корол. власти, опиравшейся только на крупную бурж. при равнодушіи дворянства и духовенства.	Трудящійся городск. пролет. противъ всѣхъ остальныхъ клас. общества, въ томъ числѣ и противъ люмпенпролет., при нейтралитетѣ учащейся молодежи.
На чьей сторонѣ была національная гвардія?	Остатки распущенной давно національной гвардіи сочувствовали революціи.	Сочувствовала революціи.	Рѣшительно противъ инсургентовъ, за исключен. части національ. гвардіи, принадлежащ. къ пролетаріату
Какъ вела себя регулярная армія?	Сражалась безъ энтузіазма, часть перешла на сторону народа.	Сражалась безъ энтузіазма.	Сражалась съ крайнейяростью и озлобленіемъ.
Было ли готово правительство къ борьбѣ и предвидѣло ли оно возстаніе?	Нѣтъ.	Нѣтъ.	Оно само сознательно вызвало возстаніе.
Какими силами располагало правит, не считая національ. гвардіи?	Въ самомъ Парижѣ около 14 тыс. линейныхъ войскъ.	Свыше 30 тыс. линейныхъ войскъ.	30 тысячъ линейн. войскъ и 25 тысячъ мобилей.

Достаточно ограничиться этою табличкою и не вдаваться въ дальнѣйшія детали, чтобы сразу понять, что іюньское возстаніе было дѣйствительно заранѣе обречено на неудачу. И оно дѣйствительно было возстаніемъ *отчаянія*.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію страшной іюньской трагедіи, дадимъ въ самыхъ общихъ чертахъ очеркъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя ее вызвали.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что результатомъ іюльскаго возстанія 1830 г., произведеннаго, главнымъ образомъ, руками рабочихъ и мелкой буржуазіи, была революція только въ отношеніяхъ между *крупной буржуазіей* съ одной стороны и *дворянствомъ съ духовенствомъ* съ другой, остальные классы не получили ничего. Это они скоро поняли, и поэтому *демократическая и республиканская* партія, требующая полнаго уничтоженія королевской власти и введенія всеобщаго избирательнаго права, немедленно возобновила свою борьбу. Вся исторія іюльской монархіи есть ничто иное, какъ безпрерывный, безпрестанный поединокъ между той буржуазіей, которая, захвативъ въ свои руки власть, заявила, что революція разъ навсегда окончена, и тѣми республиканскими и демократическими элементами общества, которые во имя *народнаго самодержавія* и *экономическихъ интересовъ огромной части населенія* требовали уничтоженія королевской власти, прекращенія политической монополіи крупной буржуазіи и введенія всеобщаго избирательнаго права. Эта отчаянная борьба двухъ непримиримыхъ враговъ, которая могла кончиться лишь гибелью одной стороны, длилась въ теченіе всего 18-лѣтняго царствованія Луи-Филиппа. Но по формѣ своей она дѣлится рѣзко на два равные по времени періода: первыя 9 лѣтъ были временемъ сильныхъ революціонныхъ вспышекъ, вторыя 9 лѣтъ, наоборотъ, отличались мирнымъ и глухимъ, но глубокимъ броженіемъ въ народныхъ массахъ. Много соціалистическихъ и коммунистическихъ теорій, авторами которыхъ были Сенъ-Симонъ, Фурье, Кабе, Луи-Бланъ, Пьеръ Леру и др., распространялись среди пролетаріата и пріучали его требовать отъ будущей революціи не только политической свободы и политическаго равенства, но и соціальнаго равенства, по крайней мѣрѣ, уничтоженія безработицы („права на трудъ"), государственной поддержки ассоціацій („организаціи труда") и т. п.

22-го февраля вспыхнула революція, и въ трехдневной борьбѣ, въ которой парижскій пролетаріатъ опять пролилъ потоки своей крови, іюльская монархія была сметена безъ остатка и замѣнена республикою на основѣ равнаго и всеобщаго избирательнаго права. Но рабочіе уже научились выставлять и *свои* чисто пролетарскія требованія (право на трудъ и организація труда); требованія эти, если ихъ осмыслить, означали ни болѣе, ни менѣе, какъ введеніе *соціалистическаго строя*. Буржуазное французское обще-

ство, разумѣется, не имѣло ни малѣйшаго желанія удовлетворить ихъ, и такъ какъ Парижъ еще не Франція и все сельское населеніе, состоящее изъ мелкихъ собственниковъ, невѣжественное и эгоистичное, не могло сочувствовать соціализму, а, наоборотъ, было крайне озлоблено противъ городскихъ рабочихъ, требованія которыхъ имъ растолковывались буржуазіею въ томъ смыслѣ, что они, городскіе „оборвыши“, желаютъ тунеядствовать на крестьянскія денежки, то нетрудно понять, почему Учредительное Собраніе, выбранное *всѣми* взрослыми французами, оказалось злымъ, свирѣпымъ и притомъ чуть ли не единодушнымъ противникомъ требованій рабочихъ.

По мнѣнію буржуазіи, — пишетъ Карлъ Марксъ въ своемъ сочиненіи „18-ое Брюмера“, — „за буржуазною монархіею Луи-Филиппа могла слѣдовать только буржуазная *республика*, т. е. если прежде именемъ короля господствовала ограниченная часть буржуазіи, то теперь *именемъ народа* должна царствовать *вся* буржуазія цѣликомъ. Требованія парижскаго пролетаріата — утопическій вздоръ, которому надо положить конецъ. На это заявленіе парижскій пролетаріатъ отвѣтилъ іюньскимъ возстаніемъ, самымъ колоссальнымъ событіемъ въ исторіи гражданскихъ войнъ въ Европѣ.*) Буржуазная республика побѣдила. На ея сторонѣ стояла финансовая аристократія, средній классъ, мелкая буржуазія, армія, босяцкій пролетаріатъ, организованный въ подвижную гвардію (мобили), интеллигенція, попы, сельское населеніе. На сторонѣ парижскаго пролетаріата не было никого, кромѣ него самого. Послѣ этого пораженія пролетаріатъ отступаетъ на задній планъ революціонной сцены“.

Сейчасъ послѣ побѣдоноснаго окончанія февральской революціи, выбранное тогда временное правительство вынуждено было сдѣлать рабочимъ цѣлый рядъ уступокъ: взять въ свою среду Луи-Блана, Флокона и рабочаго Альбера — любимцевъ и защитниковъ интересовъ пролетаріата, обѣщать имъ право на трудъ и устроить немедленно національныя мастерскія, въ которыхъ безработные могли бы находить работу. И вотъ Учредительное Собраніе первымъ дѣломъ убрало изъ правительства Луи-Блана, Флокона и Альбера, а затѣмъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на обѣщанное рабочимъ „право на трудъ“, рѣшило покончить съ національными мастерскими, въ которыхъ находились, между тѣмъ, 117.000 рабочихъ. Какъ предварительную мѣру, Собраніе издало 21-го іюня 1848 г. декретъ, по которому всѣмъ рабочимъ національныхъ мастерскихъ въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ представлялся выборъ — либо вступить въ армію, либо приготовиться къ отъѣзду, чтобы получить земляныя работы въ тѣхъ департаментахъ, кото-

*) Это писано въ 1852 году, т. е. до Коммуны.

рые имъ назначатъ. Этотъ безчеловѣчный декретъ вызвалъ страшное возмущеніе среди рабочихъ. „Они хотятъ насъ удалить, чтобы погубить республику! Они хотятъ и насъ погубить въ сырыхъ, болотистыхъ мѣстностяхъ! Мы не пойдемъ!“ Такіе возгласы раздавались среди рабочихъ.

Депутація рабочихъ во главѣ съ Пюжолемъ.

На слѣдующій день послѣ изданія вышеупомянутаго декрета въ Люксембургскій дворецъ, гдѣ засѣдала „Исполнительная Коммисія“, явилась депутація изъ представителей различныхъ отдѣленій Національныхъ мастерскихъ, имѣя во главѣ смѣлаго, рѣшительнаго Пюжоля. Бесѣдовать съ ними выступилъ окруженный значительною вооруженною свитою министръ финансовъ Мари.

Вотъ разговоръ, который произошелъ между ними:

— Гражданинъ, — началъ Пюжоль — передъ февральскою революціею...

— Извините, — прервалъ его Мари, — мнѣ кажется, вы начинаете слишкомъ издалека.

— Гражданинъ, — продолжалъ Пюжоль, — уважайте въ представителѣ народа свободу переговоровъ. Я буду говорить такъ, какъ я считаю себя обязаннымъ говорить, или же я ничего не скажу.

— Говорите, но помните, что у меня въ распоряженіи нѣтъ много времени.

— Ваше время принадлежитъ не вамъ, гражданинъ! Оно принадлежитъ народу, представителемъ котораго вы являетесь.

— Гражданинъ Пюжоль, — сказалъ Мари, угрожающе — мы знаемъ васъ уже давно и давно слѣдимъ за вами...

— Сколько угодно!... Да будетъ вамъ извѣстно, что съ того дня, какъ я отдался защитѣ народной свободы, я внушилъ себѣ не пугаться пичьихъ угрозъ. Поэтому ваша угроза совершенно безполезна.

Внѣ себя отъ злобы Мари обращается къ остальнымъ членамъ депутаціи:

„Я не могу видѣть представителя народа въ человѣкѣ, принимавшемъ участіе въ возстаніи 15 мая. Говорите вы, изложите ваши претензіи.“

— Никто изъ насъ не заговоритъ раньше меня — сказалъ Пюжоль, твердо выступивъ впередъ и съ протянутою рукою становясь между Мари и депутаціею.

— Нѣтъ, нѣтъ, — крикнули остальные делегаты, — мы не будемъ говорить, слово за нимъ.

— Но вѣдь вы не рабы этого человѣка — возразилъ раздраженно Мари.

— Отдавайте себѣ отчетъ въ вашихъ словахъ, гражданинъ, крикнулъ ему Пюжоль — вы оскорбляете представителей народа.

— Знайте и вы, что говорите съ членомъ Исполнительной Коммиссіи!

— Конечно, — отвѣтилъ Пюжоль, — опустивъ руку, но именно, какъ членъ Исполнительной Коммиссіи, вы обязаны оказывать мнѣ уваженіе.

— Вамъ?

— Да! Если вы членъ Исполнительной Коммиссіи, то я делегатъ народа. Если вы, гражданинъ, не хотите насъ выслушать, то мы уйдемъ.

— Нѣтъ, разъ вы уже здѣсь, то говорите.

— Гражданинъ! — началъ снова Пюжоль, — передъ февральской революціей народъ невыносимо страдалъ подъ игомъ капитала. Чтобы избавиться отъ ярма эксплуатаціи со стороны предпринимателей, онъ построилъ баррикады и только тогда положилъ оружіе, когда была провозглашена демократическая и соціальная республика, которая навсегда должна была вывести народъ изъ его рабскаго состоянія. Нынѣ рабочіе видятъ, что они жестоко обмануты. И вотъ я уполномоченъ вамъ сказать, что они готовы пожертвовать всѣмъ, въ томъ числѣ и жизнью, чтобы сохранить свою свободу...

— Я васъ понимаю, отвѣтилъ Мари, а теперь послушайте, что я вамъ скажу. Если рабочіе не хотятъ отправиться въ провинцію, мы принудимъ ихъ къ тому *силою!* Понимаете ли меня... *силой!*

— Силой! Очень хорошо! Мы знаемъ теперь то, что намъ нужно было знать.

— А что вамъ нужно было знать?

— Что Исполнительная Коммиссія никогда серьезно не желала организовать трудъ. Прощайте, гражданинъ!

Такъ кончились переговоры между рабочими и правительствомъ. Послѣднее сознательно и хладнокровно толкало рабочихъ на возстаніе, убѣжденное, что задавитъ его въ потокахъ крови и задастъ безпокойному пролетаріату такой урокъ, который онъ надолго запомнитъ. И возстаніе началось, началось немедленно, лишь только депутація вернулась и передала свирѣпый отвѣтъ Исполнительной Коммиссіи. Было это 22-го іюня вечеромъ.

Пятница 23 іюня. День первый.

Между 8 и 9 часами утра площадь Бастиліи представляла величественное зрѣлище. Тысячи и тысячи рабочихъ стекались къ подножью Іюльской колонны, сооруженной здѣсь въ память Іюльской революціи. Собравшись предварительно на площади Пантеона, они направились оттуда, сохраняя грозное безмолвіе, на площадь Бастиліи. Здѣсь къ нимъ обратился съ рѣчью Пюжоль, который былъ душою

возстанія въ этотъ первый періодъ его.*) Повторяя единодушно заключительныя слова его „Свобода или смерть!“, рабочіе разсыпались во всѣ стороны для добыванія оружія и воздвиганія баррикадъ.

Рабочіе занялись сооруженіемъ баррикадъ на различныхъ улицахъ съ такою увѣренностью и планомѣрностью, какъ будто ими кто-либо командовалъ. Въ дѣйствительности же ими руководили только инстинктъ и традиціи: они спѣшили загородить тѣ перекрестки, тѣ площади, гдѣ со старыхъ временъ обыкновенно зарождалось и гнѣздилось возстаніе. Старыя рабочія предмѣстья Сэнтъ-Антуана, Тампль, Лявилетъ въ мгновеніе ока покрылись сѣтью баррикадъ, которыя съ изумительною быстротою стали затѣмъ расти по направленію къ центру города. Страшный шумъ царилъ въ этихъ кварталахъ: „Къ оружію! На баррикады!“—раздавались ежеминутно призывные крики. Совершенно стихійно баррикады выростали концентрическими кругами по направленію къ Ратушѣ. Обладаніе этимъ парижскимъ народнымъ дворцомъ было необходимо для побѣды и для приданія побѣдоносному возстанію извѣстной законной формы. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится Ратуша, рѣка Сена образуетъ островъ, носящій названье Ситэ. Онъ весь изрѣзанъ множествомъ узкихъ кривыхъ улицъ и переулковъ, весьма удобныхъ для забаррикадированія. Только неширокій сѣверный рукавъ, черезъ который перекинуты нѣсколько мостовъ, отдѣляетъ этотъ островъ отъ Гревской площади и Ратуши. Вотъ почему тѣ рабочіе, которые занимались забаррикадированіемъ квартала Пантеона, лежащаго на лѣвомъ берегу Сены, къ югу отъ острова Ситэ, спѣшили со всѣхъ силъ перекинуть баррикадную сѣть и на тотъ островъ, что имъ и удалось.

Много часовъ инсургенты занимались своими работами совершенно безпрепятственно. А было это потому, что имъ *намѣренно* не хотѣли мѣшать. Мы уже говорили выше во главѣ „Баррикады“, что правительство, въ лицѣ военнаго министра Кавеньяка, рѣшило дать нѣкоторое время возстанію разростись, для того, чтобы тѣмъ страшнѣе былъ ударъ, который онъ ему нанесетъ, и тѣмъ крупнѣе казалась его заслуга „спасителя отечества“. Кромѣ того, значительная часть Учредительнаго Собранія, бывшая въ глубинѣ души за возстановленіе монархіи разсчитывала, что чѣмъ сильнѣе будетъ кровопусканіе, чѣмъ больше жертвъ падетъ съ обѣихъ сторонъ, тѣмъ больше ослабѣютъ обѣ стороны, тѣмъ сильнѣе будетъ скомпрометирована юная республика, и тѣмъ скорѣе совершится возвратъ къ старому режиму. Разсчеты всѣхъ этихъ господъ оправдались въ

*) Когда возстаніе разыгралось во всю, Пюжоль исчезъ со сцены, какъ *руководитель*, затерявшись на одной изъ баррикадъ въ качествѣ рядового защитника ея.

значительной степени. Пролетаріату, дѣйствительно, былъ нанесенъ сокрушительный ударъ; Кавеньякъ, дѣйствительно, на короткое время достигъ вершины могущества и сталъ диктаторомъ; республика, дѣйствительно, была страшно скомпрометирована, но плоды всего этого злого дѣла достались авантюристу Людовику Наполеону, который сейчасъ же послѣ іюньскихъ дней появился на горизонтѣ сперва въ качествѣ депутата, затѣмъ президента республики и, наконецъ, послѣ совершеннаго имъ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г., — въ качествѣ императора.

Итакъ, Кавеньякъ нѣкоторое время спокойно бездѣйствовалъ. Онъ стянулъ большіе отряды войскъ на площадь *Согласія*, на *Елисейскія Поля* и вокругъ *Бурбонскаго* дворца, гдѣ помѣщалось Національное Собраніе, словно желая прежде всего обезопасить депутатовъ, съ начала возстанія объятыхъ безумнымъ страхомъ. Затѣмъ онъ отрядилъ отсюда три сильныхъ колонны въ возставшіе кварталы.

Первая, въ составѣ одной бригады, подъ начальствомъ генерала Ламорисьера должна была пройти по большимъ бульварамъ и у Сэнъ Денисскихъ воротъ и предмѣстья Тампль напасть на инсургентовъ и, такимъ образомъ, задержать натискъ возстанія по направленію къ Ратушѣ.

Генералъ Бедо во главѣ *другой* сильной колонны получилъ распоряженіе укрѣпиться въ Ратушѣ, чтобы воспрепятствовать ея захвату и выступить затѣмъ противъ острова Ситэ.

Наконецъ, *третья* колонна подъ начальствомъ генерала Дюмениля должна была, сдѣлавши своею базою Люксембургъ, подвигаться по направленію къ *Пантеону*.

Такимъ образомъ, первый отрядъ долженъ былъ оперировать въ сѣверной части Парижа, на правомъ берегу Сены, третій въ южной части (на лѣвомъ берегу), а второй въ центрѣ: въ Ратушѣ и на островѣ.

Начало военныхъ дѣйствій при входѣ въ улицу Сэнъ-Дени.

Однако, бой начался раньше, чѣмъ всѣ эти распоряженія могли быть выполнены, благодаря тому, что въ зажиточныхъ и богатыхъ кварталахъ была созвана сигналомъ національная гвардія. Правда, она собиралась крайне медленно и неохотно, такъ какъ отлично понимала, что тутъ разыгрывается дѣло нешуточное, что одолѣніе возстанія обойдется ей самой страшно дорого, а она совсѣмъ не любила и не желала быть пушечнымъ мясомъ для Учредительнаго Собранія и Исполнительной Коммиссіи. Тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстахъ противъ баррикадъ появились отряды національной гвардіи, ярость которыхъ была пропорціональна ихъ злобѣ.

Въ дѣлѣ усмиренія іюньскаго возстанія принималъ самое дѣятельное участіе еще одинъ родъ оружія — *мобили*, или подвижная гвардія, составленная изъ парижскихъ гаменовъ, т. е. изъ части парижскаго лумпенпролетаріата. Они проявляли въ этой борьбѣ безумную смѣлость, свирѣпость и кровожадность.

„Циферблатъ солнечныхъ часовъ на бульварѣ „Bonne Nouvelle“ показывалъ половину перваго пополудни, когда въ близкомъ сосѣдствѣ завязался первый жестокій, кровавый бой. При входѣ въ улицу Сэнъ Дени высилась огромная баррикада. Руководилъ ея постройкою и защитою, какъ разсказывали очевидцы, самъ Пюжоль. Сѣть другихъ баррикадъ запирала окружныя улицы. Группы защитниковъ стояли на постахъ въ ожиданіи, не покажется ли непріятель.

Вдругъ раздаются трубные звуки и передъ Сэнъ-Денисской баррикадой появляется небольшой отрядъ національной гвардіи. Немедленно посыпался на него градъ пуль, и улица устилается трупами. На помощь спѣшитъ цѣлый батальонъ національной гвардіи. Но огонь поражаетъ его со всѣхъ сторонъ — изъ оконъ, изъ террасъ, съ крышъ сосѣднихъ домовъ. Батальонъ дрогнулъ и отступилъ. Ободренные инсургенты выходятъ изъ своего убѣжища и устремляются вслѣдъ отступающему врагу. Но тотъ скоро возвращается съ новыми подкрѣпленіями и бой разгорается съ новою силою.

Наверху на баррикадѣ, на опрокинутомъ возу, стоитъ командиръ съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ. Пораженный пулей на смерть онъ падаетъ внизъ. Тогда разыгрывается трогательная сцена. Молодая дѣвушка вскакиваетъ на мѣсто павшаго предводителя и съ пламеннымъ воодушевленіемъ въ глазахъ, съ развѣвающимися волосами, она грозитъ облаченнымъ въ мундиръ буржуа. Тѣ при этомъ зрѣлищѣ съ минуту колеблются. Они знаками предлагаютъ героинѣ сойти, но она не обращаетъ никакого вниманія на эти доброжелательные знаки. Скоро пуля національнаго гвардейца убиваетъ ее. Тотчасъ же появляется другая женщина и, обнимая одной рукой трупъ своей подруги, другой бросаетъ на нападающихъ камни. И она скоро падаетъ мертвая.

Эта баррикада держалась до тѣхъ поръ, пока не явилась колонна Ламорисьера. Соединенными силами удалось ее наконецъ взять. Генералъ устроилъ тогда свою главную квартиру на площади, именуемой нынѣ площадью Республики. Теперь бой начался почти во всѣхъ прилегающихъ кварталахъ.

Военныя дѣйствія вокругъ Пантеона.

Въ то самое время, какъ національная гвардія здѣсь

впервые открывала военныя дѣйствія, она же первая начала бой и на лѣвомъ берегу Сены, въ кварталѣ Пантеонъ, противъ баррикады улицы Суффло. Здѣсь появился XI легіонъ національной гвардіи подъ начальствомъ полковника Кинэ. Но сверхъ того руководилъ дѣйствіями 63-лѣтній ученый астрономъ Араго, членъ Исполнительной Коммиссіи. Сначала онъ попробовалъ вступить въ переговоры съ инсургентами и вотъ какой разговоръ тутъ произошелъ.

— Зачѣмъ прибѣгаете вы къ такому незаконному средству, какъ баррикады?

— Въ 1832 году мы вмѣстѣ съ вами строили баррикады, возразилъ одинъ рабочій.

— Но у правительства по отношенію къ вамъ самыя лучшія намѣренія.

— Вы не имѣете права тутъ говорить. Вы никогда не испытывали голода.

— Довольно разговоровъ — вмѣшался другой рабочій: намъ нужны дѣла.

— Но сдѣлано было все, что было возможно—возразилъ Араго.

— Это неправда.

— Вы меня оскорбляете, — обидѣлся Араго — намъ не о чемъ больше разговаривать.

И онъ вернулся къ отряду и велѣлъ ему итти на приступъ и даже самъ сталъ во главѣ его. При отрядѣ были пушки, и онѣ были пущены въ ходъ.

Во время этихъ страшныхъ іюньскихъ дней артиллерія оказала рѣшительное вліяніе на ходъ борьбы. У инсургентовъ не было въ распоряженіи ни одной пушки, такъ что была полная возможность осыпать съ дальняго, вполнѣ безопаснаго разстоянія, инсургентовъ картечью. Словно пожаръ, раздуваемый бурей, распространился страшный бой по всему Парижу. Ни какая дружественная братская рука не протягивалась между сражающимися, чтобы задержать пламя и сдѣлать попытку посредничества.

Въ Учредительномъ Собраніи.

Въ часъ дня открылось засѣданіе Національнаго Собранія. Депутаты были напуганы, блѣдны, предлагали разныя мѣры и не знали, на чемъ остановиться. Но вотъ входитъ на трибуну графъ Фаллу, настоящій іезуитъ въ сюртукѣ. Онъ былъ докладчикомъ коммиссіи, избранной раньше Собраніемъ для ознакомленія съ положеніемъ Національныхъ мастерскихъ и выработки нужныхъ мѣръ по отношенію къ нимъ. И вотъ въ этотъ день, когда изъ-за перваго декрета Національнаго Собранія по всему Парижу вспыхнула кровая междуусобная война, когда всюду на улицахъ проливались потоки крови, этотъ іезуитъ нашелъ своевременнымъ прочесть своимъ холоднымъ, жесткимъ голосомъ свой

холодный, жесткій докладъ, въ концѣ котораго значилось предложеніе — *въ теченіе трехъ дней совершенно распустить Національныя мастерскія, какъ очагъ всякой смуты.* Это былъ по отношенію къ парижскимъ пролетаріямъ наглый вызовъ, объявленіе войны не на жизнь, а на смерть, до полнаго истребленія. И Національное Собраніе апплодировало этому докладу! Понятно, что рабочіе должны были окончательно убѣдиться, что имъ не остается никакого другого исхода, кромѣ борьбы.

Ничто не могло подѣйствовать на этихъ парламентскихъ ограниченныхъ буржуа и измѣнить ихъ провокаторское поведеніе. Депутатъ Консидеранъ предложилъ текстъ прокламаціи къ рабочимъ, выработанный имъ сообща съ Луи-Бланомъ и подписанный 60 депутатами. Она имѣла цѣлью нѣсколько успокоить рабочихъ и объявляла, что Собраніе твердо рѣшило всѣми соотвѣтствующими практическими мѣрами осуществить присущее каждому человѣку отъ рожденія право на трудъ и что оно намѣрено субсидіями и другой поддержкой поощрять ассоціаціи. Но собраніе отклонило неотложность обсужденія прокламаціи Консидерана. А когда депутатъ Коссидьеръ предложилъ вступить въ переговоры съ рабочими, ему отвѣтили: „Съ инсургентами не разговариваютъ — ихъ побѣждаютъ!“

Дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій на правомъ берегу Сены.

Между тѣмъ внѣшній видъ Парижа все болѣе омрачался. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ возстанію удалось одержать верхъ. На бульварахъ позади Сэнъ-Денисскихъ воротъ, на площади Шато Д'о генералъ Ламорисьеръ чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы оказывать возстанію успѣшное противодѣйствіе и задержать напоръ предмѣстій по направленію къ Ратушѣ. Въ своемъ затруднительномъ положеніи онъ требовалъ у Кавеньяка помощи, хотя тотъ до сихъ поръ въ ней всѣмъ отказывалъ. На этотъ разъ Кавеньякъ увидѣлъ себя вынужденнымъ сдѣлать исключеніе, т. к. было ясно, что, если генералъ Ламорисьеръ будетъ отброшенъ, то возстанію откроется широкій шлюзъ, черезъ который оно вольется стремительнымъ потокомъ. Поэтому въ 3 часа дня онъ самъ вскочилъ на коня и вмѣстѣ съ членомъ Исполнительной Коммиссіи Ламартиномъ и многими другими депутатами двинулся къ нему на выручку. Его планъ заключался въ томъ, чтобы съ помощью своихъ войскъ освободить Ламорисьера отъ тѣхъ баррикадъ, которыя угрожали его правому флангу,—поэтому онъ устремился на предмѣстье Тампль.

Достигнувъ того мѣста улицы этого предмѣстья, гдѣ главная улица его прорѣзывается улицами Пьера Леве, Биша и Фонтенъ-о-Руа, онъ увидѣлъ передъ собою цѣлую

сѣть мощныхъ баррикадъ. Онъ имѣлъ въ тотъ моментъ подъ рукою только мобили, вѣрности которыхъ онъ далеко не довѣрялъ. Во всякомъ случаѣ нужно было сдѣлать попытку, и онъ отдалъ приказъ 4-му батальону 20-го полка мобилей штурмовать баррикады.

Когда инсургенты увидѣли этихъ дѣтей народа, такъ часто сражавшихся раньше въ ихъ рядахъ, то они встрѣтили ихъ громкими радостными привѣтствіями, думая привлечь ихъ на свою сторону, но они ошиблись: передъ ними была перепившаяся ослѣпленная банда. Мобили ринулись на приступъ, но встрѣченные сильнымъ огнемъ, фронтовымъ и фланговымъ (изъ оконъ), они обратились въ бѣгство, оставивъ множество убитыхъ. Между тѣмъ подоспѣли отставшія регулярныя войска, и Кавеньякъ двинулъ ихъ на приступъ; однако семь послѣдовательныхъ аттакъ были одна за другою отражены. Также не удалась попытка обойти эти баррикады и напасть на инсургентовъ съ тылу. Повсюду войска натыкались на неприступныя баррикады. Пушечныя ядра, ударяясь о нихъ, раздробляли камни, но не могли ихъ разрушить.

Начатое военнымъ министромъ сраженіе длилось уже 4 часа, но результатъ былъ только тотъ, что Кавеньякъ, пришедшій выручать Ламорисьера, счелъ себя вынужденнымъ самому обратиться къ нему за помощью, чтобы выбраться изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ попалъ. Ламорисьеръ прислалъ ему цѣлый полкъ, и только тогда ему удалось взять баррикады и сдѣлаться хозяиномъ положенія. Но торжествовать по этому случаю было еще слишкомъ рано. О побѣдѣ не могло еще быть и рѣчи.

Въ кварталѣ Ратуши.

Въ этомъ кварталѣ колонна генерала Бедо была еще менѣе счастлива, чѣмъ Ламорисьеръ на бульварахъ. Возстаніе, какъ мы уже говорили, подвигалось къ Ратушѣ не только съ сѣвера, но и съ юга, со стороны квартала Пантеона. Генералъ Бедо принужденъ былъ пустить въ ходъ отчаянныя усилія, чтобы прорвать цѣпь баррикадъ, которыя все тѣснѣе и ближе подвигались къ Ратушѣ. Для этой цѣли онъ раздѣлилъ свои войска на 2 отряда: одинъ долженъ былъ продвинуться по острову Ситэ до находящагося на немъ Собора Парижской Богоматери, другой—направиться поперекъ острова черезъ мостъ на улицу св. Якова и добраться до Пантеона. Несмотря, однако, на сильнѣйшую канонаду, не удалось окончательно вырвать у инсургентовъ ни одной изъ болѣе важныхъ позицій. Баррикады при входѣ въ улицу св. Якова были дважды взяты и дважды отобраны назадъ. Только послѣ часовой рукопашной инсургенты оставили, наконецъ, это мѣсто.

Бой шелъ, между тѣмъ, по всему острову Ситэ; къ

смерти въ строю присоединилось еще убійство, простое убійство со всѣми своими ужасами.

Нѣкоторая часть инсургентовъ, спасаясь отъ преслѣдованій, забѣжала въ одинъ модный магазинъ, находившійся на островѣ. Ихъ предводитель Бельваль намѣревался обрубить нижнія ступеньки лѣстницы и защищаться въ верхнихъ этажахъ, покамѣстъ уцѣлѣетъ хоть одинъ человѣкъ. Но его товарищи рѣшили сдаться, видя, съ одной стороны, безцѣльность дальнѣйшаго сопротивленія и думая, съ другой стороны, что съ ними обойдутся, какъ съ военноплѣнными. Они сдѣлали, однако, свой разсчетъ безъ мобилей. Эти испорченные выходцы изъ народа были въ іюньскіе дни свирѣпой шайкой убійцъ. Они бросились въ магазинъ на сдавшихся и положившихъ оружіе инсургентовъ и стали безпощадно всѣхъ убивать. Съ кровожадными криками обѣгали они всѣ углы и, гдѣ только находили притаившагося плѣнника, приканчивали его своими штыками. Уцѣлѣлъ только одинъ, чтобы послужить свидѣтелемъ тѣхъ ужасовъ, которые происходили передъ его глазами.

Наступившая ночь положила конецъ кровопролитію этого дня. Генералъ Бедо былъ тяжело раненъ въ ляжку, другой генералъ Фоше былъ также раненъ.

Не было достигнуто никакого рѣшительнаго успѣха. Мало того, ночь заставила генераловъ оттянуть свои силы нѣсколько назадъ, тогда какъ инсургенты, напротивъ, использовали ночь, чтобы возстановить къ утру баррикады, которыя были разрушены въ тотъ день.

Суббота 24 іюня. День второй.

Наступилъ второй день возстанія. Что застало въ Парижѣ взошедшее солнце? Парижъ распался на 2 военныхъ лагеря: на одной сторонѣ были западные, богатые кварталы, на другой восточные, бѣдные рабочіе кварталы. Болѣе 414 баррикадъ прикрывали болѣе важные стратегическіе пункты, и хотя никто не вырабатывалъ общаго плана ихъ сооруженія, но, какъ мы уже видѣли, онѣ инстинктивно тянулись по направленію къ Ратушѣ. Никакое центральное управленіе не руководило защитою этой огромной баррикадной сѣти. Не было никого, кто заботился бы о доставкѣ подкрѣпленій съ менѣе угрожаемыхъ баррикадъ на тѣ, которыя подвергались усиленному нападенію. Это было большимъ несчастьемъ для іюньскаго возстанія. Но частныхъ, *мѣстныхъ* предводителей было много въ различныхъ пунктахъ. Обыкновенно это были наиболѣе уважаемые, пользующіеся вліяніемъ въ своихъ округахъ люди, которыхъ необходимость сдѣлала командирами. Такъ, напр., старый башмачникъ Боасомберь имѣлъ подъ своимъ начальствомъ улицу Планшъ Мильрей (Planche Milray), капитанъ національной гвардіи Legeuissel руководилъ за-

щитою площади Лафайета. Предводителями предмѣстья Сэнтъ-Антуана были морской лейтенантъ Курнэ и рабочій Маршъ. Около Пантеона командовалъ главнымъ образомъ извѣстный Рагинаръ. Такому имѣющему огромное значеніе для революціи притоку импровизированныхъ командировъ способствовали слѣдующія обстоятельства. Во 1-ыхъ, въ рабочихъ кварталахъ, гдѣ жизнь протекаетъ большею частью на улицахъ, люди знаютъ другъ друга вообще довольно хорошо; во 2-хъ, военная организація національныхъ мастерскихъ способствовала сформированію летучихъ колоннъ, и наконецъ, въ 3-хъ, не мало національныхъ гвардейцевъ присоединилось къ возставшимъ. Въ общемъ къ утру 2-го дня возстаніе имѣло еще болѣе грозный видъ, чѣмъ наканунѣ. Хотя и удавалось забирать отдѣльныя баррикады, но потери, которыя при этомъ испытывали нападающіе, были огромны. Уже съ трехъ сторонъ инсургенты настолько близко подошли къ Ратушѣ, что еще шагъ — и она очутится въ ихъ рукахъ.

Паническій страхъ напалъ тогда на Національное Собраніе. Послѣ разныхъ разговоровъ. предложеній, споровъ, оно приняло слѣдующія мѣры: 1) Парижъ объявляется въ осадномъ положеніи, 2) генералъ Кавеньякъ провозглашается диктаторомъ, жены и дѣти павшихъ за республику (т. е. сражавшихся на сторонѣ правительства) усыновляются нац[illegible]о.

Свѣжеиспеченный диктаторъ сейчасъ же выпустилъ три прокламаціи: къ солдатамъ, къ національной гвардіи и къ рабочимъ, не оказавшія никакого вліянія на ходъ возстанія. Уже въ 10 часовъ утра бой, не прекращавшійся въ сущности въ теченіе всей ночи, такъ какъ тамъ и сямъ происходили отдѣльныя кровавыя стычки — разыгрался со свѣжими силами, словно костеръ, въ который подбросили полѣньевъ. Какъ и наканунѣ, бой концентрировался въ трехъ пунктахъ: у Сэнъ-Денисскихъ воротъ, на островѣ Ситэ и въ кварталѣ Пантеона.

Правый берегъ Сены (первая колонна).

Генералъ Ламорисьеръ разбилъ, какъ мы видѣли, свою главную квартиру на площади Шато Д'о (Республики). Его задача состояла въ томъ, чтобы отбросить инсургентовъ въ предмѣстье Тампль (и въ направленіи къ кварталу Лявилетъ). Успѣхи его, однако, были ничтожны. Клочекъ улицы, который ему удалось завоевать наканунѣ, былъ ночью снова занятъ инсургентами и укрѣпленъ еще сильнѣе. Ламорисьеръ весь кипѣлъ отъ ярости, видя, что ничего не можетъ подѣлать. Онъ вопилъ объ измѣнѣ, безконечно бѣсновался и грозилъ разстрѣлять всю національную гвардію, которая, по его мнѣнію, не проявляла достаточно усердія. Съ безпощадною жестокостью велѣлъ онъ бомбар-

дировать дома, чтобы пробиться сквозь трещины въ тылъ инсургентамъ, но все, чего добился Ламорисьеръ такою яростною работою цѣлаго дня, было то, что онъ могъ прочно засѣсть въ одной городской таможнѣ по пути къ кварталу Лявилетъ.

Лѣвѣе отъ него, противъ предмѣстья Сэнъ-Дени, оперировалъ генералъ Кортъ, но ничего не успѣлъ. Раненный въ руку, онъ былъ замѣщенъ другимъ генераломъ, который тоже скоро былъ раненъ въ ляжку.

Недалеко отсюда, въ предмѣстьѣ Poissonière, въ продолженіе цѣлаго дня 2 ой легіонъ національной гвардіи употреблялъ самыя отчаянныя усилія, чтобы взять одну баррикаду. Только вечеромъ, когда къ нему подошли сильныя подкрѣпленія, удалось овладѣть ею, что дало возможность занять площадь Лафайета, отнятую наканунѣ у инсургентовъ и снова потерянную въ теченіе ночи.

Возстаніе имѣло крупный успѣхъ въ 8-омъ округѣ, гдѣ инсургенты завладѣли Вогезскою площадью, недалеко отъ площади Бастиліи, и захватили мерію этого округа, на которой водрузили красный флагъ, развѣвавшійся въ этотъ 2-ой день боя на всѣхъ баррикадахъ. Здѣсь сдались инсургентамъ 350 солдатъ. Отобравъ у нихъ оружіе, ихъ сейчасъ же отпустили. Инсургенты, эти якобы „воры и грабители“, распорядились сейчасъ же наложить печати на всѣ тѣ шкафы меріи, въ которыхъ хранились деньги. Извѣстный Lacollonge, редакторъ радикальной газеты „Организація труда“, былъ назначенъ инсургентами меромъ этого округа. Также коллежъ (училище) Генриха IV былъ ими занятъ. Хотя герои-борцы много часовъ ничего не ѣли, но они не захотѣли воспользоваться хлѣбомъ дѣтей. Въ другихъ округахъ этой мѣстности (6, 7 и 9) инсургенты съ большимъ успѣхомъ защищались противъ нападеній.

Вокругъ Ратуши (вторая колонна).

Вокругъ Ратуши цѣлый день кипѣлъ бой съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ. Здѣсь инсургенты весьма быстро завоевали обратно всѣ отнятыя у нихъ наканунѣ позиціи и даже нѣсколько подвинулись впередъ. Живая пушечная канонада не повредила баррикадамъ. Мѣстами артиллерія принуждена была даже поспѣшно отступить. Генералъ Дювивье, замѣнившій раненаго Бедо, казалось, совсѣмъ потерялъ голову. Національная гвардія разбѣжалась, не вынесши смертоноснаго огня. Баррикадная сѣть все тѣснѣе стягивалась вокругъ Ратуши, когда, наконецъ, вечеромъ, благодаря приходу полковника Шарра съ значительными подкрѣпленіями, удалось, по крайней мѣрѣ, задержать дальнѣйшее наступательное движеніе возстанія.

На лѣвомъ берегу Сены (третья колонна).

Гораздо хуже для рабочихъ пошли дѣла къ югу отъ Ратуши въ кварталѣ Пантеона. Здѣсь на лѣвомъ берегу Сены противъ квартала Пантеона стоялъ ген. Damesme. Наканунѣ въ этомъ мѣстѣ генералъ Бедо пытался взять тамошнія баррикады съ фронта, подвигаясь вверхъ по улицѣ св. Якова. Damesme сдѣлалъ теперь попытку взять ихъ съ тылу посредствомъ фланговаго движенія. Это ему удалось, и затѣмъ онъ двинулся еще дальше вверхъ по улицѣ св. Якова (т. е. прямо на югъ) съ цѣлью напасть на Пантеонъ. Тамъ рабочіе устроили свою главную квартиру, сильно укрѣпленную, и считали себя въ безопасности, словно въ крѣпости. Открывающуюся въ площадь Пантеона улицу Суффль запирала мощная баррикада. Первые батальоны мобилей, пытавшіеся штурмовать эту баррикаду, были немедленно отброшены обратно свинцовымъ градомъ. Къ несчастью, войска заняли Юридическую Академію, лежащую недалеко на углу площади Пантеона и улицы Суффль. Отсюда они могли открыть по инсургентамъ убійственный огонь, продолжавшійся битыхъ 2 часа. Затѣмъ Damesme велѣлъ батареѣ выѣхать на улицу Суффль и бомбардировать ворота Пантеона, которыя стали подаваться и, наконецъ, съ трескомъ разлетѣлись.

Тогда былъ данъ сигналъ къ штурму. Солдаты ворвались въ огромное зданіе и учинили здѣсь настоящую бойню. На глазахъ у женъ и матерей, молившихъ о пощадѣ, разстрѣляли тутъ же на мѣстѣ большое число захваченныхъ плѣнниковъ, въ числѣ ихъ и Рагинальда, руководившаго здѣсь военными дѣйствіями.

Ободренныя этимъ успѣхомъ войска аттаковали площадь l'Estrapade и улицу Fosses-St.-Iacques, лежащія сейчасъ же за Пантеономъ, къ югу отъ него. Онѣ были заняты послѣ 6-часоваго боя, 6 часовъ рѣзни. Здѣсь былъ смертельно раненъ генералъ Damesme. Начальство принялъ на себя генералъ Бреа.

Наконецъ, ночь набросила свой покровъ на эти ужасы классовой войны и на нѣсколько часовъ пріостановила борьбу. Никто еще не могъ съ увѣренностью сказать, каковъ будетъ ея исходъ. Если возстаніе потерпѣло пораженіе въ кварталѣ Пантеона, то оно оказалось несокрушимымъ во всемъ остальномъ Парижѣ. Во всякомъ случаѣ, каждый шагъ впередъ правительственныхъ войскъ оплачивался страшно дорогою цѣною. Въ теченіе этого дня возстаніе пыталось придать себѣ закономѣрную организованную форму. На баррикадахъ циркулировали списки, въ которыхъ внесены были имена будущихъ членовъ Временнаго Правительства. Тамъ значились имена Бланки, Барбеса, Кабе, Распайля, Пьера Леру, Альбера, Коссидьера,

Л. Бонапарта (!!). Возстаніе никоимъ образомъ не чувствовало себя побѣжденнымъ.

Воскресенье. Третій день (25 іюня).

Утромъ третьяго дня борьбы исходъ ея былъ настолько сомнителенъ, что не только у Національнаго Собранія, но и у самого диктатора Кавеньяка самоувѣренность значительно упала. Собраніе въ утреннемъ своемъ засѣданіи рѣшило бросить пролетаріату подачку въ формѣ кредита въ 3 милліона франковъ. Кавеньякъ со своей стороны выпустилъ новую прокламацію къ рабочимъ, написанную совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ первая. Вотъ что говорилось въ ней:

„Рабочіе и вы всѣ, поднявшіе оружіе противъ отечества и республики! Во имя всего того, что дорого и свято для человѣка, я заклинаю васъ въ послѣдній разъ: положите оружіе! Національное Собраніе, вся нація требуетъ этого отъ васъ. Васъ увѣряютъ, что васъ ожидаетъ страшная кара. Только враги ваши, которые одновременно и наши враги, могутъ такъ говорить вамъ... Придите къ намъ, придите же раскаивающимися братьями, подчинитесь закону, и республика приметъ васъ въ свои объятія!“

Эта прокламація, несмотря на всѣ „жалкія слова“, въ ней заключавшіяся, не могла, конечно, побудить рабочихъ бросить борьбу. Они отвергли это обращеніе съ насмѣшкой и презрѣніемъ. Впрочемъ, Кавеньякъ не долго ждалъ вліянія своей прокламаціи и подачки, сдѣланной Національнымъ Собраніемъ. Въ 9 часовъ утра онъ отдалъ приказъ возобновить нападеніе на всѣхъ пунктахъ.

Вокругъ Пантеона (третья колонна).

Какъ мы уже знаемъ, здѣсь наканунѣ генераломъ Damesme былъ произведенъ разгромъ инсургентскихъ позицій, взятъ Пантеонъ и окружающія баррикады къ югу отъ него. Такъ какъ этотъ генералъ былъ смертельно раненъ, то мѣсто его заступилъ генералъ Бреа. Ему оставалось только выбить возстаніе изъ послѣднихъ позицій въ этомъ районѣ. Генералъ Бреа былъ человѣкъ мягкій, добродушный. Прежде чѣмъ пустить въ ходъ оружіе, онъ хотѣлъ попробовать подѣйствовать на рабочихъ убѣжденіемъ. Съ немногими провожатыми направился онъ къ баррикадѣ и взывалъ о примиреніи. Онъ говорилъ о трехъ милліонахъ, ассигнованныхъ сегодня Національнымъ Собраніемъ, о благопріятномъ для рабочихъ настроеніи Собранія. Такимъ образомъ онъ прошелъ значительную часть пути, и многія баррикады были добровольно очищены. Однако, генералъ Бреа упустилъ изъ виду, что тамъ, гдѣ со стороны правительственныхъ вооруженныхъ силъ допу-

скались всякія невѣроятныя жестокости, такіе свирѣпые эксцессы, которые совершались наканунѣ въ Пантеонѣ, на островѣ Ситэ, на глазахъ женъ и матерей,—безразсудно ожидать отъ *всѣхъ* инсургентовъ такого великодушія и корректности, которыхъ совсѣмъ не проявляли ихъ враги. Въ этомъ ему пришлось скоро, но слишкомъ поздно убѣдиться.

Тамъ, гдѣ сливаются вмѣстѣ Госпитальный бульваръ, улица Муффетаръ и бульваръ Гобелиновъ, образуется площадь, которая нѣсколькими массивными баррикадами была превращена въ настоящую крѣпость. Особенно выдавалась своими размѣрами баррикада, воздвигнутая какъ разъ противъ воротъ городской таможни. Съ одной стороны, ея строители оставили узкую щель, не шире, чѣмъ нужно для прохода одного человѣка. Здѣсь царила полная тишина, какъ передъ бурей. Изрѣдка показывалась фигура рабочаго, чтобы бросить быстрый взоръ кругомъ на окружающую мѣстность, и такъ же стремительно исчезала за баррикадой. — Генералъ Бреа приблизился съ своими войсками и батареею и, слѣдуя своей прежней тактикѣ, выступилъ впередъ, чтобы открыть переговоры съ инсургентами. На баррикадѣ появилось нѣсколько рабочихъ, чтобы его выслушать. Бреа снова заговорилъ объ ассигнованныхъ трехъ милліонахъ и съ нимъ какъ будто соглашались. „Ступайте къ намъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ — вы легко столкуетесь съ нашими войсками.“ Генералъ, нисколько не задумываясь, хотѣлъ немедленно послѣдовать приглашенію, но командиръ 12 го легіона національной гвардіи его удержалъ, желая предварительно провѣрить настроеніе защитниковъ баррикады. Онъ отважился пройти первый узкій проходъ, но быстро вернулся, сказавъ генералу, что довѣриться этимъ людямъ будетъ безъ мѣмъ. Генералъ, однако, не обратилъ никакого вниманія на это предупрежденіе и хотѣлъ уже одинъ пройти за баррикаду; тогда нѣсколькимъ изъ окружающихъ его офицеровъ стало совѣстно пустить его одного и они нехотя послѣдовали за нимъ. Не успѣли они пройти нѣсколько шаговъ, какъ имъ стало ясно, что они попали въ ловушку и что дѣло идетъ о жизни и смерти. Позади нихъ спустилась рѣшетка, чтобы отрѣзать имъ путь къ отступленію; разъяренная толпа окружила ихъ, и суровые голоса выкрикивали: „Вотъ они! ихъ надо разстрѣлять, это Кавеньякъ—палачъ Кавеньякъ, смерть ему!“ — Въ противовѣсъ имъ, другіе восклицали: —Нѣтъ, нѣтъ, не надо крови! Не надо крови! Нѣсколько рабочихъ, желая спасти генерала, котораго они считали добрымъ человѣкомъ, увели плѣнныхъ въ сосѣдній домъ. Но разсвирѣпѣвшая толпа послѣдовала за ними и готовилась уже разломать двери, чтобы овладѣть своими жертвами. Поэтому ихъ поспѣшно провели въ садъ и заклинали перелѣзть черезъ стѣну и спастись бѣгствомъ. Лейтенантъ,

сопровождавшій генерала, не заставилъ себя долго просить и благополучно скрылся. Генералъ же колебался, а когда, наконецъ, рѣшился, то было уже слишкомъ поздно; двери дома были взломаны и людской потокъ разлился по саду. Генерала схватили и потащили въ комнату второго этажа, также и спутниковъ его, не успѣвшихъ спастись или не пожелавшихъ это сдѣлать безъ генерала. Здѣсь Бреа, чтобы умиротворить толпу, написалъ слѣдующее: „Мы, нижеподписавшіеся, ген. Бреа, полковникъ Томасъ, депутатъ де Людре, объявляемъ, что мы пошли къ баррикадѣ, чтобы объявить доброму народу Парижа и его предмѣстій, что Національное Собраніе ассигновало при возгласахъ „да здравствуетъ демократическая и соціальная республика!“ три милліона въ пользу терпящаго нужду рабочаго класса.“ Затѣмъ генералъ былъ вынужденъ приписать: „Я нашелъ на баррикадѣ Фонтенебло только храбрыхъ людей, республиканцевъ и демократическихъ соціалистовъ. Я приказываю войскамъ отступить тѣмъ же путемъ, какимъ они пришли.“ Люди, желавшіе съ самаго начала спасти генерала, увели его поспѣшно въ одинъ изъ ближайшихъ домовъ, служившій караулкой, считая его здѣсь въ безопасности. Но ярость народа между тѣмъ росла. Изъ Пантеона пришли женщины и рыдая разсказывали о жестокостяхъ, которыя совершали тамъ наканунѣ войска и мобили, о безпощадныхъ умерщвленіяхъ плѣнниковъ, несмотря на мольбы и отчаянье женъ; приходили рабочіе и изъ другихъ мѣстъ и снова передавали ужасы о звѣрскихъ расправахъ.

Можно представить себѣ возбужденіе, до котораго дошла толпа. Съ криками ярости пробралась она въ караулку, гдѣ помѣщались плѣнники. Имъ въ это время хотѣли снова дать возможность спастись проломомъ стѣны. Но вдругъ послышались чьи-то отчаянные крики: „Измѣна! Измѣна! Мобили идутъ!“ Смятеніе и озлобленіе дошли до высшей степени. Раздались одинъ за другимъ 6 выстрѣловъ, направленныхъ въ упоръ въ плѣнниковъ. Бреа былъ прострѣленъ въ голову, пошатнулся и упалъ. Также палъ мертвымъ капитанъ Могенъ. Остальные два офицера, которымъ удалось въ этотъ моментъ спрятаться, спаслись отъ смерти.

Смерть генерала Бреа была немедленно использована реакціонерами для того, чтобы довести ярость буржуазіи до самыхъ крайнихъ степеней. „Вина однихъ— пишетъ современница этихъ событій Даніэль Стэрнъ — вмѣнялась какъ преступленіе *всѣмъ* инсургентамъ.“ Съ этого момента пьяные солдаты считали, что имѣютъ полное основаніе не давать пощады ни одному инсургенту.

Когда полковникъ, оставшійся за уходомъ Бреа, командиромъ его войскъ, получилъ отъ него вышеприведенную записку, содержавшую приказъ отступить, онъ сейчасъ понялъ, что генералъ въ плѣну, и что приказъ вынужден-

ный. Однако, онъ не рѣшался аттаковать баррикаду, боясь вызвать этимъ гибель Бреа. Онъ запросилъ поэтому тотчасъ Кавеньяка о томъ, какъ ему поступить и получилъ въ отвѣтъ распоряженіе немедленно итти на приступъ. Артиллерія открыла огонь, и черезъ нѣкоторое время баррикада была взята. Изъ числа захваченныхъ защитниковъ ея девять были разстрѣляны, а трактирщикъ, укрывшій ихъ у себя, былъ убитъ ударомъ шашки.

Вокругъ Ратуши (вторая колонна).

Бой въ этомъ мѣстѣ достигъ къ полудню крайне ожесточенныхъ размѣровъ. Инсургенты шагъ за шагомъ теряли свои позиціи. Генералъ Дювивье, который, какъ мы знаемъ, командовалъ здѣсь, думалъ быстро положить конецъ возстанію, стремительно ударивъ по направленію къ площади Бастиліи. Онъ раздѣлилъ свои войска на два отряда: надъ однимъ онъ, принялъ начальство самъ, другой онъ поставилъ подъ команду полковника Реньоля. Первый отрядъ имѣлъ пройти вдоль набережной Сены, второй долженъ былъ очистить улицу Сэнтъ-Антуанъ и прилегающіе переулки. Реньолю удалось достигнуть большихъ успѣховъ, онъ добрался до Вогезской площади и вторично овладѣлъ ею. Сопровождавшій его бывшій членъ Временнаго Правительства Арманъ Марра пришелъ въ такое восхищеніе, что отправился къ Кавеньяку и выхлопоталъ у него для Реньоля генеральскіе эполеты и самолично вручилъ ихъ ему на полѣ битвы. Однако, генералу Реньолю не долго суждено было наслаждаться своимъ успѣхомъ и своимъ новымъ чиномъ: черезъ $^1/_4$ часа онъ палъ смертельно раненый при взятіи одной баррикады. Въ это же самое время генералъ Дювивье, который медленно, съ большимъ трудомъ продвигался по набережной, былъ тоже убитъ.

Главное командованіе вмѣсто Дювивье было поручено генералу Негріе, а начальство надъ отрядомъ Реньоля — генералу Перро. Обоимъ имъ удалось въ концѣ концовъ пройти намѣченный путь и соединиться у площади Бастиліи. Здѣсь же они нашли отрядъ генерала Бертрана (изъ колонны генерала Ламорисьера), назначеніемъ котораго было руководить операціями противъ предмѣстья Сэнтъ Антуанъ. Это предмѣстье, начинающееся съ задняго края площади Бастиліи, отдѣлялось отъ него и запиралось огромною баррикадою, длиною въ 700 футовъ, вышиною въ 3-этажный домъ, описанный нами словами В. Гюго въ главѣ „Баррикады“. Генералъ Бертранъ давно уже безъ устали громилъ эту баррикаду артиллерійскими снарядами, и вся площадь Бастиліи сотрясалась отъ ужасной канонады. Но на приступъ итти онъ не рѣшался. Не осмѣтивался также и генералъ Перро. За то генералъ Негріе отважно бросился въ

эту обширную, зловѣщую площадь, но за нимъ послѣдовала только горсть солдатъ, остальные, исполненные ужаса, остались позади. Генералъ Негріе успѣлъ сдѣлать только нѣсколько шаговъ, пуля поразила его на смерть. Депутата Шарбоннеля постигла та же участь. Большія войны не стоили регулярной арміи столько генераловъ и высшихъ офицеровъ, какъ уличная борьба іюньскихъ дней. Генералы падали одинъ за другимъ, какъ колосья во время жатвы, такъ какъ ихъ упорнѣе всего искали смертоносныя ружейныя дула инсургентовъ. Тутъ опять случилось трагическое событіе. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ смерти Негріе показался человѣкъ въ фіолетовой рясѣ съ крестомъ въ рукѣ и направился къ баррикадѣ. Это былъ архіепископъ парижскій Аффръ. Онъ попросилъ ген. Перро на время пріостановить пальбу. Тотъ согласился, а инсургенты тоже перестали стрѣлять и съ любопытствомъ ожидали дальнѣйшаго. Но вдругъ совершенно неожиданно со стороны солдатъ заиграли трубы. „Измѣна! на баррикады!“ — раздаются тревожные призывы инсургентовъ. Ружейный огонь возобновился. Архіепископъ Аффръ падаетъ мертвымъ. Пули ударили его въ *спину*.—поэтому онѣ были, по всей вѣроятности, со стороны солдатъ. Когда рабочіе увидѣли его упавшимъ, они немедленно прекратили стрѣльбу и бросились ему ан помощь, что не помѣшало, однако, врагамъ пролетаріата обвинить его въ убійствѣ Аффра и вызвать у набожныхъ католиковъ въ арміи еще большую жажду мести.

На сѣверѣ Парижа (первая колонна).

Въ сѣверной части Парижа дивизія Ламорисьера все еще стояла передъ задачею вытѣсненія инсуррекціи изъ обширной территоріи, начиная съ улицы предмѣстья Пуассоньеръ до вокзала сѣверной желѣзнодорожной линіи и отъ церкви св. Винсента-Павла до Пуассоньерскаго барьера. Мѣстность эта носила названіе монастыря св. Лазаря. Бой, продолжавшійся уже третій день, разыгрался здѣсь съ безпримѣрною жестокостью. Такъ какъ баррикады были взяты, то инсургенты укрывались за грудами камней, за корпусами строившихся домовъ. Послѣ обѣда положеніе возставшихъ сдѣлалось здѣсь настолько опаснымъ, словно они сидѣли на огнедышащемъ вулканѣ. Безпрерывно падали извергаемыя батареями чугунныя ядра. Въ концѣ концовъ сильно убавившіеся въ числѣ мужественные защитники принуждены были отступить. У здѣшняго предводителя Бенжамена Ларока осталось только 60 чел. Онъ продолжалъ бой, но число ихъ быстро таяло. Въ отчаяньѣ Ларокъ пошелъ одинъ впередъ на враговъ. „Куда ты?“ — окликнулъ его рабочій. — „Къ смерти“ — былъ отвѣтъ, и въ тотъ же моментъ онъ палъ мертвый, пораженный одной пулею въ грудь, другой въ голову.

Къ вечеру этого несчастнаго дня ген. Ламорисьеръ захватилъ весь кварталъ вплоть до предмѣстья Тампль. Бартелеми, руководившій возстаніемъ въ этомъ предмѣстьѣ*), пробовалъ было отъ имени инсургентовъ вступить въ переговоры и капитулировать на извѣстныхъ условіяхъ. Положить путемъ переговоровъ конецъ борьбѣ — несомнѣнно предупредило бы кровавую оргію, но это противорѣчило представленію африканскихъ генераловъ о воинской чести. Сподвижники Кавеньяка были непреклонны, хотя поведеніе инсургентовъ при отстаиваніи ихъ позицій было въ большинствѣ случаевъ такое примѣрное, что даже враги не могли имъ отказать въ уваженіи.

Закончился третій день борьбы, снова темная ночь распростерлась надъ Парижемъ и надъ совершаемыми въ немъ ужасами, но по сравненію съ тѣмъ, что было при наступленіи предыдущей ночи положеніе дѣлъ радикально измѣнилось. Совершался рѣзкій и безнадежный поворотъ въ сторону пораженія. Тѣшиться самообманомъ стало невозможно. Инсуррекція была побѣждена. — это былъ фактъ. Жизнь еще теплилась въ ней, но она висѣла только на волоскѣ. Еще одинъ напоръ войскъ,—и этотъ волосокъ будетъ перерѣзанъ. Къ концу 3-яго дня мятежъ былъ окончательно подавленъ во всей южной половинѣ Парижа (по лѣвому берегу Сены), а въ сѣверной онъ былъ загнанъ въ два предмѣстья: Тампль и Сэнтъ-Антуанъ. Доканать его тамъ, въ его послѣднемъ убѣжищѣ, было дѣломъ первой половины 4-го дня.

Понедѣльникъ. Четвертый день (26 іюня).

Каково было настроеніе рабочихъ обоихъ послѣднихъ, еще не завоеванныхъ предмѣстій? Вѣдь всякая надежда на побѣду исчезла. Продолжать борьбу — это значило только отсрочить моментъ окончательнаго пораженія на нѣсколько часовъ. Къ тому же, у инсургентовъ почти совершенно вышли боевые припасы, порохъ, пули, патроны. И не смотря на все это,—о томъ, чтобы бѣжать, скрыться, не было и рѣчи. Они предпочитали погибнуть за баррикадами. Одинъ писатель разсказываетъ: „Они приводили своихъ женъ и дѣтей къ баррикадамъ. „Такъ какъ мы не можемъ ихъ больше прокормить, то пусть лучше они погибнутъ вмѣстѣ съ нами!“ Женщины бросались на штыки съ отчаянными криками: „Вы убили нашихъ мужей и братьевъ, — убейте и насъ!“

Первые дали примѣръ фанатической рѣшимости инсургенты предмѣстья Сэнтъ-Антуанъ. Они выпустили и распространили слѣдующій плакатъ: „Къ оружію! Мы хотимъ соціальной и демократической республики. Мы хотимъ

*) См. главу „Баррикады“.

суверенитета (главенства) народа. Въ республикѣ всѣ должны и не могутъ не хотѣть ничего другого. Чтобы защитить республику, нужно содѣйствіе всѣхъ... Это святое дѣло насчитываетъ уже много жертвъ. Мы всѣ рѣшились отомстить за эти благородныя жертвы или умереть... Вставай, подымайся! Граждане! никто изъ васъ не долженъ отказаться отъ этого призыва! Защищая республику, мы защищаемъ собственность! Если послѣ такой массы пролитой крови вы останетесь равнодушными, то мы всѣ умремъ подъ развалинами пожарища Сэнтъ-Антуанскаго предмѣстья. Вспомните о вашихъ женахъ и дѣтяхъ и вы придете къ намъ!"

Съ вечера предыдущаго дня до 10 часовъ утра въ *этомъ* предмѣстьѣ было затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ отдѣльныя группы рабочихъ пробовали вступить въ переговоры съ Національнымъ Собраніемъ и Кавеньякомъ. Однако, эти переговоры ни къ чему не привели. Кавеньякъ чувствовалъ себя хозяиномъ положенія и требовалъ безусловной сдачи. Единственное, что онъ имъ далъ — отсрочку для размышленія до 10 час. утра.

Но противъ *предмѣстья Тампль* сраженіе возобновилось гораздо раньше. Какъ тигръ, сторожащій дичь, пролежалъ всю ночь Ламорисьеръ въ ожиданіи зари. Въ пять часовъ утра онъ двинулся двумя колоннами на предмѣстье. Одна пустилась по главной улицѣ, другая по Ангулемской. Артиллерія, помѣщенная на берегу канала, обтекающаго предмѣстье съ запада (и впадающаго впослѣдствіи въ Сену), съ разсвѣта начала бомбардировать Тампль. Отчаянье овладѣло защитниками. Лишенные всякой надежды на помощь, на побѣду, они стали покидать свои позиціи. Поэтому, когда лѣвая колонна продвинулась до средины предмѣстья, она нашла его покинутымъ и безмолвнымъ. Высилась лишь одна грозная, отвѣсная баррикада, описанная В. Гюго*), но она имѣла всего 80 защитниковъ и очень мало зарядовъ. Поэтому выстрѣлы раздавались рѣдко, но мѣтко и поражали главнымъ образомъ офицеровъ. Ее удалось взять благодаря тому, что пробивши брешь въ сосѣднихъ домахъ, пробрались по крышамъ ей въ тылъ. Ни одинъ изъ защитниковъ, кромѣ командира Бартелеми, не хотѣлъ спастись. Взять остальныя баррикады, гораздо менѣе грозныя, не составляло уже особыхъ затрудненій. Дольше остальныхъ держались баррикады улицы Ангулемъ. Къ 10 час. утра было завоевано все предмѣстье Тампль. И здѣсь, какъ и раньше въ другихъ мѣстахъ, совершались свирѣпые акты мести. Оставалось теперь покончить съ послѣднимъ очагомъ возстанія, Сэнтъ-Антуанскимъ предмѣстьемъ. Мы уже знаемъ, что Кавеньякъ грубо отвергъ всякіе переговоры съ представителями Сэнтъ-Антуана на иномъ основаніи, кромѣ безусловной сдачи, и что онъ

*) См. „Баррикады".

далъ имъ время для размышленія до 10 часовъ утра. Медленно возвращалась туда делегація, чтобы передать отвѣтъ Національнаго Собранія и Кавеньяка. Дойдя до извѣстной намъ 700 футовой огромной баррикады, запиравшей входъ въ предмѣстье, взобрались они съ трудомъ на ея гребень и оттуда объявили защитникамъ, приготовившимся къ послѣднему бою, что имъ не на что больше разсчитывать, не на что надѣяться, что имъ остается только выборъ между безусловной сдачей и всѣми ужасами истребленія.

Тогда грянулъ, подобно громовому раскату, ужасный крикъ негодованія и фанатическаго подъема, докатившійся до отдаленнѣйшихъ уголковъ Бастильской площади, гдѣ солдаты и мобили съ нетерпѣніемъ ждали сигнала къ послѣдней рѣзнѣ. А затѣмъ наступила тишина, спокойствіе холоднаго отчаянія и смертельной рѣшимости.

Было 10 часовъ. Назначенный срокъ пришелъ къ концу. Ген. Перро, не такая кровожадная гіена, какъ Ламорисьеръ, прождалъ еще 10 минутъ, и спуская глазъ съ баррикады, въ надеждѣ увидѣть тамъ знакъ сдачи. Онъ далъ сигналъ къ нападенію, но въ эту минуту послышался совсѣмъ вблизи пушечный выстрѣлъ: то Ламорисьеръ, покончивъ къ этому времени, какъ мы видѣли, съ Тамплемъ, шелъ на Сэнтъ-Антуанъ съ лѣваго фланга. Скоро обнаружилось, что третій ген. Лебретонъ двинулся на предмѣстье съ тылу, со стороны Сэнъ-Венсенской дороги, ведущей изъ Сэнтъ-Антуана на востокъ въ провинцію. Нападеніе было яростное, неудержимое. Баррикада была вся окутана пороховымъ дымомъ и пылью, вздымаемой пушечными ядрами. Нервы защитниковъ были ослаблены. Они знали, что предмѣстье подвергается нападенію со всѣхъ сторонъ, что имъ могутъ отрѣзать всякое отступленіе: къ тому же недостатокъ въ аммуниціи давалъ себя чувствовать съ каждою минутою все сильнѣе. Это заставило ихъ очистить сперва главную свою баррикаду, а затѣмъ постепенно покидать одну за другою всѣ 19 второстепенныхъ баррикадъ, составлявшихъ ихъ тыловыя позиціи.

Наконецъ, часть рабочихъ, оставивъ послѣднія баррикады, отступила на равнину, позади предмѣстья, чтобы тамъ оказать послѣднее сопротивленіе. Другіе, менѣе отчаянные, занялись уничтоженіемъ баррикадъ, въ чемъ имъ дѣятельно помогали женщины, надѣясь этимъ смягчить сердца побѣдителей и побудить щадить ихъ близкихъ. Но кое-гдѣ, именно въ тѣхъ кварталахъ, которые тогда составляли общину Лавилетъ, бой продолжался до вечера. При взятіи одной баррикады былъ тамъ раненъ генералъ Контижи. Въ 7 часовъ вечера было сломлено послѣднее сопротивленіе и возстаніе можно было объявить окончательно подавленнымъ. Бой былъ конченъ.

Да, бой былъ конченъ, но убійства продолжались. Пья-

ные солдаты, а въ особенности мобили давали полную волю своимъ кровожаднымъ инстинктамъ. Плѣнныхъ избивали, рубили, но главнымъ образомъ разстрѣливали. Подвальныя помѣщенія Ратуши, Тюльерійскаго сада были биткомъ набиты захваченными инсургентами. Ихъ уводили одного за другимъ и... разстрѣливали. Всю ночь раздавались ружейные выстрѣлы. Но описывать эти ужасы не входитъ въ нашу задачу.

VII.

НѢСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХЪ ЗАМѢЧАНІЙ.

1. Стихійный элементъ въ революціяхъ.

Возстаніе можетъ быть организованнымъ и стихійнымъ. Организованнымъ надо его назвать въ тѣхъ случаяхъ, когда какая-нибудь партія или тайное общество или другая какая-нибудь сильная организація, имѣющая вліяніе и связи въ имущихъ массахъ, задавшись цѣлью произвести революцію, дѣлаетъ заблаговременно всѣ необходимыя или возможныя приготовленія и въ заранѣе назначенный моментъ подымаетъ знамя возстанія. Стихійнымъ же возстаніе будетъ тогда, когда оно вспыхиваетъ внезапно безъ надлежащей подготовки, безъ руководителей, безъ заранѣе условленнаго срока или опредѣленнаго плана, подъ вліяніемъ какого-нибудь толчка извнѣ. Когда въ широкихъ массахъ накопилось достаточно недовольства и революціоннаго брожен я, то тогда какого-нибудь новаго реакціоннаго распоряженія правительства или выдающейся по звѣрству расправы или вѣсти о вспыхнувшей у сосѣдей революціи бываетъ достаточно для взрыва возстанія.

Всѣ грандіозныя, успѣшныя, т. е. не задавленныя въ корнѣ революціи Европы начинались стихійно, напр., всѣ французскія, нѣмецкія, вѣнская, часть итальянскихъ, великая англійская XVII вѣка и т. д. Наоборотъ, заговорщицкія попытки вызвать возстаніе и революцію обыкновенно сейчасъ же подавлялись. Понять, почему это такъ,— нетрудно. Всякое революціонное тайное общество непремѣнно весьма ограничено въ числѣ своихъ членовъ, такъ какъ иначе почти невозможно скрыться отъ правительственныхъ агентовъ; а разъ правительство своевременно узнаетъ о готовящейся революціи, то оно всегда постарается принять рядъ предохранительныхъ мѣропріятій, мѣръ пресѣченія и предупрежденія: арестъ всѣхъ подозрительныхъ людей, усиленіе карауловъ, войскъ, конфискацію частнаго оружія и т. д., однимъ словомъ, непремѣнно за-

душитъ возстаніе въ зародышѣ. Но если тайному обществу удастся избѣжать всѣхъ разставленныхъ сѣтей со стороны шпіоновъ, провокаторовъ, болтуновъ, измѣнниковъ и предателей, то и тогда ему грозитъ та опасность, что въ часъ, когда оно найдетъ своевременнымъ поднять знамя возстанія, массы, отъ которыхъ оно по необходимости отрѣзано китайской стѣной, за нимъ не пойдутъ, и все окончится позорнымъ фіаско. Для примѣра разскажемъ здѣсь судьбу одного изъ самыхъ знаменательныхъ заговорщицкихъ обществъ, какія знаетъ исторія, руководителями котораго были такіе знаменитые конспираторы, какъ Бланки и Барбесъ.

Тайное общество „Временъ года“ и заговоръ, устроенный имъ въ 1839 г.

Въ 1837 году во Франціи въ царствованіе Луи-Филиппа, послѣ разгрома тайнаго общества „Фамилія“, образовано было тѣми же вожаками Бланки и Барбесомъ новое тайное общество подъ названіемъ „Времена года“, принявшее соціалистическій характеръ и поставившее себѣ цѣлью, посредствомъ „соціальной и радикальной революціи, уничтожить господство денежной аристократіи, „золотого мѣшка“. Оно было составлено съ такой ловкостью и руководимо съ такимъ искусствомъ, что могло окончить все свое организаціонное дѣло безъ того, чтобъ полиція имѣла хоть малѣйшее представленіе объ его существованіи.

Организація была мастерская. Каждые 6 человѣкъ составляли „недѣлю“, во главѣ которой стояло „Воскресенье“; 28 человѣкъ т. е. 4 „недѣли“ составляли „мѣсяцъ“, которымъ командовалъ „Іюль“. 84 человѣка, т. е. три мѣсяца, образовывали „Время года“, подъ начальствомъ „Весны“, а 352 человѣка — „годъ“ или *батальонъ*, маіоръ котораго назывался „революціоннымъ агентомъ“. Каждый членъ зналъ только своего непосредственнаго начальника. Собственныя имена были замѣнены *нумерами*. Никакихъ именъ не существовало, все письменное было строжайше избѣгаемо. *Смотры* производились на открытой улицѣ и такимъ способомъ, что только вожди знали о присутствіи своихъ людей, которые оставались незнакомы другъ для друга. Отъ „Верховнаго Комитета“ зависѣло превратить такой смотръ въ послѣднюю минуту, посредствомъ раздачи оружія, въ *возстаніе*, безъ того, чтобы участники имѣли заранѣе объ этомъ малѣйшее представленіе. Въ началѣ 1839 года это общество насчитывало уже 10 „Временъ года“, т. е. 2½ „года“ или батальоновъ, всего 850 человѣкъ, находившихся подъ начальствомъ Барбеса, Бланки и бывшаго унтеръ-офицера Мартина Бернара. Это должно было составить ядро арміи, къ которому при возстаніи, по пред-

положеніи, должны были присоединиться тысячи добровольныхъ борцовъ.

12 мая 1839 года „смотръ“ дѣйствительно былъ превращенъ въ возстаніе, заговорщикамъ удалось захватить Ратушу и провозгласить Временное Правительство, но увы... массы за ними не послѣдовали... Къ вечеру возстаніе было задавлено, причемъ было арестовано много участниковъ, въ томъ числѣ всѣ три командира. Ихъ судили. Бланки и Барбесъ были осуждены на смерть, но этотъ приговоръ былъ замѣненъ для нихъ заключеніемъ въ тюрьму, откуда ихъ освободила лишь черезъ 10 лѣтъ *стихійная* февральская революція. Это было послѣднее заговорщицкое возстаніе во Франціи*); всѣ предшествовавшія тоже кончались неудачей.

Скорѣе всего возможно организовать возстаніе, если оно носитъ *національный* характеръ, т. е. имѣетъ цѣлью свергнуть господство иноземцевъ, чужого государства, чужого народа, напр. польскія возстанія 1831 и 1863 гг., возстаніе Ломбардіи противъ Австріи въ 1848 году и т. д., потому что здѣсь поднимающаяся масса (угнетаемая нація) отдѣлена отъ чуждаго во всѣхъ отношеніяхъ правительственнаго механизма такой непроходимой, глубокой пропастью, что тайна можетъ быть удачно сохранена даже въ томъ случаѣ, когда въ подготовляющееся предпріятіе посвящены широкія сферы.

Стихійность революціи есть несомнѣнно большой дефектъ, огромный недостатокъ, такъ какъ гдѣ нѣтъ предварительной подготовки, не можетъ быть планомѣрности въ борьбѣ, единства, стройности. За то она имѣетъ и положительную сторону, такъ какъ, съ одной стороны, на сцену выступаютъ *массы*, а съ другой, для правительствъ движеніе оказывается сюрпризомъ, застаетъ ихъ врасплохъ, когда не принято еще необходимыхъ мѣръ пресѣченія.

Какой характеръ приметъ надвигающаяся у насъ революція, — будетъ ли она организованнымъ всенароднымъ возстаніемъ или стихійнымъ?

Глубоко ошибаются тѣ, кто представляетъ себѣ грядущую россійскую революцію въ видѣ организованнаго всеобщаго возстанія. *Техническая* сторона подготовки возстанія должна быть подчинена *политической*, но именно потому, что техническая сторона очень „важна“, на нее должно быть обращено усиленное вниманіе, напряженная работа мысли. Да, мы не можемъ ни предвидѣть времени, когда вспыхнетъ настоящая сокрушительная, раздробительная революція, ни предугадать въ какую форму она выльется, но мы обязаны сдѣлать все, чтобы стихійно начавшаяся подъ вліяніемъ нашей организованной дѣятельности революція нашла и умѣлыхъ военныхъ руководителей, и знакомство

*) Если не считать *попытокъ* организовать таковыя.

съ сильными и уязвимыми сторонами нашего врага, и широкую освѣдомленность о методахъ оборонительной и наступательной войны. Нужно изучать топографію мѣстности, расположеніе важныхъ пунктовъ, состояніе военныхъ силъ. Надо широко знакомить съ исторіей и техникой европейскихъ революцій. Не надо забывать, что всѣ европейскія революціи XIX вѣка пользовались всегда опытомъ и традиціями предшествовавшихъ движеній, и эта наличность традицій компенсировала въ значительной степени вредныя стороны стихійности. У насъ же никакого собственнаго опыта нѣтъ. Чѣмъ больше мы будемъ распространять и разбрасывать сѣмена знанія и мысли, тѣмъ болѣе крупные ростки это дастъ во время революціи.

2. Руководительство во время революцій.

Отъ того, что почти всѣ революціи совершались стихійно, не могли онѣ имѣть общаго, всѣми признаннаго руководительства. Событія развиваются такъ быстро и такъ неожиданно, что тамъ, гдѣ и имѣлись революціонныя организаціи, онѣ не успѣвали во время осмыслить важность происходящаго и не имѣли настолько силы и авторитета, чтобы дать революціи опытныхъ вождей и военныхъ главнокомандующихъ. Руководители появлялись такъ же стихійно, какъ сама революція. Вспомнимъ отвѣтъ, данный Дюбургу во время іюльской революціи 1830 г. двумя французами: „Во время революціи каждый сапожникъ можетъ быть генераломъ... Достаточно для этого нарядиться въ генеральскій мундиръ“. Совѣтъ. какъ мы знаемъ, не пропалъ даромъ и „генералъ“ Дюбургъ нѣкоторое время дѣйствительно былъ главнокомандующимъ, по крайней мѣрѣ, въ одномъ районѣ. Инсургенты страшно нуждаются въ въ командирахъ и страстно ихъ жаждутъ. Подходящій, способный, съ военнымъ образованіемъ, а тѣмъ болѣе талантливый вожакъ, рекомендованный соціалдемократіей, былъ бы встрѣченъ съ восторгомъ и оказалъ бы неоцѣнимыя услуги возстанію, объединивъ его дѣйствія и удесятеривъ полезность его наступленія и обороны. Вспомнимъ, какъ во время іюньскаго возстанія 1848 г., которое нельзя назвать вполнѣ стихійнымъ, не было никакой организаціи, никакого высшаго руководительства, которое заботилось бы о поддержкѣ наиболѣе угрожаемыхъ пунктовъ путемъ своевременной посылки подкрѣпленій.

Въ своей страстной жаждѣ обрѣсти командира народъ нерѣдко ухватывается за популярныя имена либеральныхъ военныхъ чиновъ, какъ напр., въ іюльскую революцію, когда онъ отдалъ себя подъ начальство генерала Лафайета. Но такіе руководители приносятъ несравненно больше вреда, чѣмъ пользы революціи. Истые либералы, двуличные, какъ Янусъ, преданные цѣликомъ интересамъ буржуазіи, они

стараются использовать свое вліяніе, свою внезапно выросшую силу, чтобы направить движеніе на путь компромиссовъ и переговоровъ, чтобы притупить его энергію и помѣшать добиться рѣшительнаго, коренного переворота.

Большую роль въ революціяхъ, опять таки въ смыслѣ использованія ея результатовъ, играли *редакціи* оппозиціонныхъ газетъ. Редакція есть до извѣстной степени организованный міръ: редакторъ, сотрудники, близкіе знакомые, постоянные подписчики и единомышленники составляютъ довольно тѣсную компанію, обладающую притомъ всѣмъ извѣстнымъ сборнымъ пунктомъ — помѣщеніемъ редакціи; у нея кромѣ того въ рукахъ могучее средство въ лицѣ типографіи, органа, группы разносчиковъ. Неудивительно поэтому, что въ революціонные дни редакціи нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ газетъ становились своего рода муравейникомъ, куда безпрерывно стекались журналисты, суетились, совѣщались, волновались, кипятились, куда ежеминутно прилетали „курьеры" съ вѣстями о ходѣ развивающихся событій. Покуда на улицахъ народъ, главнымъ образомъ, пролетаріатъ, мужественно и самоотверженно проливаетъ потоками свою кровь, умные журналисты, сидя у себя въ комнатѣ, выслушиваютъ донесенія своихъ адъютантовъ и, сообразно съ ходомъ борьбы, придумываютъ различныя политическія комбинаціи, на чемъ сойтись съ королемъ, на какихъ реформахъ съ нимъ примириться, какого новаго короля посадить вмѣсто прежняго, изъ кого составить временное правительство. Такъ, въ іюльскую революцію въ редакціи газеты National придумывался и вырабатывался проектъ призванія на королевскій тронъ вмѣсто Карла X Бурбона — Луи Филиппа Орлеанскаго. Такъ, въ февральскую революцію 1848 года въ редакціяхъ газетъ National и Reforme составлялись списки кандидатовъ во Временное Правительство. Эти проекты имѣли тѣмъ больше значенія, что газеты эти являлись до извѣстной степени органами и выразителями опредѣленныхъ партій — буржуазно-конституціонной, республиканской, демократической.

Аналогичную роль играли въ тѣхъ странахъ, гдѣ до революціи существовала представительная форма правленія, *оппозиціонные члены парламента*. Они собираются на совѣщаніе и выдвигаютъ изъ своей среды комитеты, которые объявляютъ себя въ подходящій моментъ законной властью. Мы видѣли это въ іюльскую революцію. То же самое было и въ день государственнаго переворота Наполеона III.

Въ предстоящей намъ великой революціи такъ не должно быть. Соц.-демократическая партія обязана позаботиться о томъ, чтобы не выпускать изъ своихъ рукъ руководства движеніемъ и никоимъ образомъ не допустить, чтобы буржуазія и буржуазная интеллигенція использовали побѣду исключительно въ своихъ интересахъ. Крѣпчайшая связь

съ массами и вліяніе на нихъ тѣмъ болѣе необходимы, что пролетаріату въ революціонную эпоху грозитъ одна изъ самыхъ роковыхъ опасностей, могущая ослабить его революціонный энтузіазмъ. Эта опасность заключается въ томъ, что колеблющееся, не чувствующее подъ собой почвы правительство, изъ (олзни лишиться всего, соглашается на частичныя уступки. Отъ борющагося народа откалываются тогда значительныя массы. считающія возможнымъ удовольствоваться сдѣланными уступками и прекратить возстаніе. Между тѣмъ. каждая недодача, каждый невыполненный пунктъ въ наше программѣ есть ущербъ для пролетаріата и прямой выигрышъ для правительства и буржуазіи. Пролетаріатъ долженъ помнить, что успѣшную революцію нельзя производить ежедневно, что для нея требуется счастливое сочетаніе многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, что одно дѣло нанести массовый рѣшительный ударъ ненавистному для всѣхъ самодержавію при энергичной поддержкѣ одной части буржуазіи, при платоническомъ сочувствіи другой и равнодушіи или нейтралитетѣ третьей, и совсѣмъ иное дѣло впослѣдствіи дополучать недоданное путемъ новыхъ нападеній на установившійся послѣ революціи строй. При этой дополнительной борьбѣ (которая возникала, между прочимъ. при всякой революціи потому, что сторонники прежняго режима стремились вернуть его путемъ контръ-революціи, реакціонныхъ законодательныхъ актовъ или насильственныхъ переворотовъ) возможны два случая. Движенія обойденныхъ классовъ, главнымъ образомъ, пролетаріата, имѣютъ успѣхъ; это повторяется разъ, другой, третій, пока всѣ остальные классы, которые, при всѣхъ противорѣчіяхъ своихъ интересовъ, чувствуютъ себя по отношенію къ пролетаріату единымъ тѣломъ и единой душой, теряютъ терпѣніе и общими усиліями наносятъ ему такое пораженіе, которое на долго сводитъ его съ политической сцены. Такъ было во время Великой Французской Революціи, такъ было послѣ февральской революціи; нѣчто въ этомъ родѣ было во время Вѣнской революціи 1848 года. Второй случай еще хуже и проще. Пораженіе пролетаріата происходитъ при первой же попыткѣ „продолжить“ революцію, дополнить или довершить ее, потому что противъ него выступаютъ яростно всѣ его вчерашніе союзники, хотя ничѣмъ ему серьезно не помогавшіе, но за то, по крайней мѣрѣ, не становившіеся во время самой борьбы поперекъ; такъ было, напр., послѣ іюльской революціи въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ царствованія Луи Филиппа, такъ было во всей Германіи въ 1848 году. Поэтому горе соціалдемократіи, если она не используетъ полностью весь тотъ колоссальный подъемъ энергіи, которымъ будетъ сопровождаться наша революція.

3. Случайности въ революціи.

Гдѣ борьба возникаетъ и развивается стихійно, тамъ *случайности* по необходимости должны играть видную роль. И дѣйствительно, исторія многихъ революцій богата всякими случайностями, которыя имѣли однѣ — благопріятное значеніе для революціи, другія — весьма вредное. Какой-нибудь ложный слухъ, одиночный, неизвѣстно откуда раздавшійся выстрѣлъ, ошибка или недоразумѣніе со стороны правительства и войскъ, во время использованныя, производили нерѣдко поворотъ въ настроеніи, превращали мирную демонстрацію въ кровавое возстаніе, перемиріе въ войну, вызывали новую волну народнаго воодушевленія, которая иногда оказывается послѣднимъ девятымъ валомъ, смывающимъ ненавистное правительство. Приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ эпизодовъ.

Эпизодъ изъ мартовской революціи въ Берлинѣ.

Послѣ февральской революціи въ Парижѣ, — въ Берлинѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Германіи, началось сильное революціонное броженіе, которое выражалось въ обширныхъ митингахъ въ зоологическомъ саду (Тиргартенѣ), массовыхъ сборищахъ, посылкѣ депутацій, петицій и т. п.

Броженіе еще болѣе усилилось, когда пришло извѣстіе о вѣнской революціи 14 марта. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV, который раньше съ гордостью увѣрялъ, что онъ никогда не дастъ конституціи, что онъ никогда не допуститъ, чт бы между нимъ и его подданными сталъ писанный листъ бумаги, началъ колебаться, сталъ сговорчивѣе и, наконецъ, утромъ 18 марта появились печатныя объявленія короля о скоромъ созывѣ Соединеннаго Ландтага (т. е. соединенныхъ земскихъ собраній) и объ уничтоженіи цензуры. Радость населенія была неописуемая. Передъ дворцомъ собирались толпы народа и восторженно привѣтствовали короля, когда онъ выходилъ на балконъ и привѣтливо махалъ народу платкомъ. Едва король удалился съ балкона, какъ на площади передъ дворцомъ опять начался шумъ. Толпа потре овала, чтобы удалили отрядъ войска, стоявшій на караулѣ у дворца. Въ это время на площади появляется эскадронъ драгунъ, съ саблями на голо нападаетъ на толпу, а изъ внутренняго двора замка выступаетъ отрядъ пѣхоты и штыками разгоняетъ собравшихся. Раздаются два ружейныхъ выстрѣла и начинается побоище. Съ криками: „измѣна! къ оружію! мщеніе!“ народъ разбѣгается съ дворцовой площади и поднимаетъ чуть ли не все берлинское населеніе Вспыхиваетъ баррикадная борьба. Тщетно посланные изъ дворца пытаются увѣрить населеніе, что вышло какое-то прискорбное недо-

разумѣніе. Борьба разгорается, продолжается 13 часовъ и кончается только въ 6 часовъ утра 19 марта. Народъ овладѣлъ всѣми городскими воротами и оттѣснилъ утомленныя войска къ центру города. Испуганный король уступилъ и удовлетворилъ выставленныя требованія.

Случай изъ февральской революціи.

Февральская революція вспыхнула 22 февраля 1848 года, и уже на слѣдующій день борьба неожиданно приняла такой грозный характеръ, что король Луи Филиппъ счелъ себя вынужденнымъ уступить и, во исполненіе всеобщаго лозунга „долой Гизо! да здравствуетъ реформа!“, рѣшился наконецъ разстаться съ возлюбленнымъ министромъ своимъ Гизо. Въ военныхъ дѣйствіяхъ произошла остановка. Войска перестали нападать на баррикады. Инсургенты съ своей стороны полны были нерѣшительности. Чувствовалась въ ихъ средѣ полная неудовлетворенность и въ то же время они не знали, что дѣлать, ибо и въ эту революцію, какъ и въ прочія, не было организованной революціонной *партіи*, которая увѣренно руководила бы борьбой.

И вотъ въ это промежуточное время, полное неопредѣленности, случилось событіе, которое сразу подняло температуру до точки кипѣнія: борьба возобновилась и закончилась на слѣдующій день полнымъ изгнаніемъ Орлеанскаго дома и учрежденіемъ республики.

Было около 9 часовъ вечера, когда толпа народа, о составѣ которой никакихъ точныхъ данныхъ не имѣется, направилась съ площади Бастиліи вверхъ по бульварамъ. Во главѣ толпы шествовали національные гвардейцы и даже нѣсколько офицеровъ, позади множество рабочихъ. Въ рукахъ они держали факелы, которые тускло освѣщали развѣвающееся красное знамя. Демонстранты могли подвигаться лишь медленно, такъ какъ кругомъ толпилось множество любопытныхъ, привлеченныхъ зрѣлищемъ иллюминованнаго въ честь отставки Гизо Парижа. На бульварѣ Капуциновъ они наткнулись на неожиданное сопротивленіе. Батальонъ 14 линейнаго полка преграждалъ поперегъ всю улицу передъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы защитить Гизо отъ возможнаго нападенія. Между батальоннымъ командиромъ и вожакомъ колонны начались переговоры о свободномъ пропускѣ. Въ это время изъ толпы вдругъ раздались возгласы: „Долой Гизо! Да здравствуетъ реформа! Да здравствуютъ линейныя войска! Иллюминацію!“ Безъ всякой надобности полковникъ скрывается за рядами солдатъ и сухимъ, холоднымъ голосомъ командуетъ: „На руку!“ Щетина штыковъ направляется на демонстрантовъ, и немедленно затѣмъ раздается залпъ: шесть труповъ и масса раненыхъ устилаютъ улицы. Оторопѣвъ отъ неожиданности и ужаса, толпа разбѣгается въ разныя

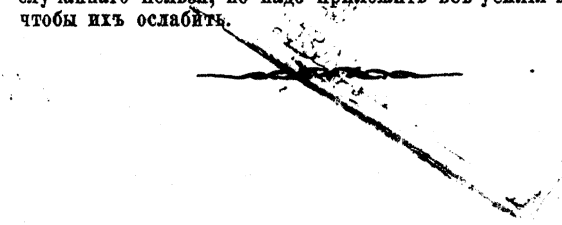
стороны, но и солдаты, вникнувъ въ смыслъ происшедшаго и охваченные паникой, исчезаютъ въ сосѣднихъ улицахъ.

Когда первый моментъ испуга прошелъ у народа, наружу немедленно вылилась неописуемая ярость, клокотавшая въ груди у каждаго. Изъ тысячи грудей вырвался дышащій местью крикъ: „Къ оружію! Къ баррикадамъ! Убиваютъ нашихъ братьевъ!“ Тщетно пытались офицеры злополучнаго 14-го полка оправдаться передъ народомъ, разъяснить, что тутъ случилось „прискорбное недоразумѣніе“. Народъ ни о чемъ и слышать не хотѣлъ. Остановили проѣзжавшій пустой фургонъ, взвалили на него трупы убитыхъ, и съ факелами въ рукахъ громадная толпа народа двинулась по улицамъ, повсюду призывая къ мести. Боевое настроеніе росло быстрымъ темпомъ, и борьба возобновилась. Полторы тысячи баррикадъ было построено за эту ночь. Блестящій успѣхъ этой борьбы намъ уже извѣстенъ.

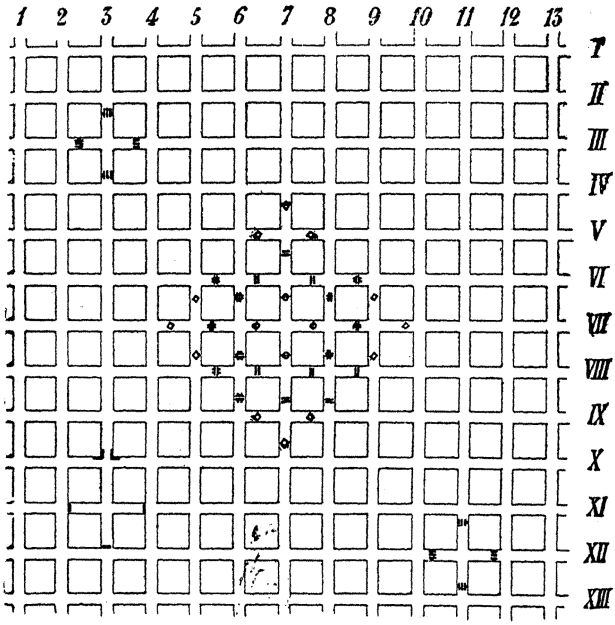
Случайная оплошность полковника Сали, защищавшаго во время іюльской революціи съ двумя швейцарскими батальонами Лувръ, отдала, какъ мы видѣли, въ руки народа безъ борьбы Лувръ, а затѣмъ и Тюльери.

Съ другой стороны, убійство парижскаго архіепископа Аффра во время іюньскаго возстанія было слѣдствіемъ какого-то недоразумѣнія, ложной тревоги. Аналогичная неосновательная сумятица, подъ вліяніемъ криковъ: „Измѣна! Мобили идутъ!“, способствовала умерщвленію плѣннаго генерала Бреа.

Во время баррикадной борьбы ложныя извѣстія могутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія, вызывая ненужную панику, заставляя безъ нужды очищать неугрожаемыя позиціи, внося деморализацію. Отсюда съ особенной яркостью выступаетъ необходимость хорошей организаціи сторожевой службы и критическаго отношенія къ доставляемымъ донесеніямъ. Совсѣмъ избѣжать вредныхъ сторонъ элемента случайнаго нельзя, но надо приложить всѣ усилія къ тому, чтобы ихъ ослабить.



Къ главѣ II „Барикади“ (стр. 19-21.)



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. *Откуда бралъ народъ оружіе и боевые припасы во время революціи.* Домашнее оружіе. Разгромъ желѣзныхъ и оружейныхъ лавокъ. Захватъ оружія частныхъ лицъ. Случайное оружіе. Захватъ казеннаго оружія. Артиллерія у инсургентовъ. Какіе изъ перечисленныхъ способовъ добыванія оружія примѣнимы теперь 3

Глава II. *Баррикады.* Описаніе двухъ баррикадъ въ Парижѣ въ іюнѣ 1848 г. Какимъ образомъ удавалось возводить многочисленныя и крѣпкія баррикады? Была ли планомѣрность въ сооруженіи баррикадъ? Примѣнимы ли и въ какой степени въ предстоящей у насъ революціи баррикады? 9

Глава III. *Революціонеры и солдаты.* Случай изъ Великой Французской Революціи. Случай изъ іюльской революціи. Случай изъ февральской революціи. Мѣры, предпринимаемыя правительствомъ для предупрежденія отпаденія войскъ. Инсургенты и національная гвардія 22

Глава IV. *Наступательная и оборонительная борьба* . 32

Глава V. *Іюльская революція.* Къ плану Парижа. Первый день революціи. Нѣсколько словъ о революціонныхъ эмблемахъ. Второй день революціи. Движеніе второй колонны. Движеніе третьей колонны. Вокругъ Ратуши. Конецъ второго дня борьбы. Третій день революціи. Занятіе Ратуши. Побѣдоносное наступленіе инсургентовъ на лѣвомъ берегу Сены. Взятіе инсургентами Лувра и Тюльери. Храбрая оппозиція находитъ, что пора приступить къ загребанію каштановъ 35

Глава VI. *Іюньское возстаніе въ Парижѣ.* Депутація рабочихъ во главѣ съ Пюжолемъ. Первый день возстанія. Начало военныхъ дѣйствій при входѣ въ улицу Сэнъ-Дени. Военныя дѣйствія вокругъ Пантеона. Въ Учредительномъ Собраніи. Дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій на правомъ берегу Сены. Въ кварталѣ Ратуши. Второй день возстанія. Правый берегъ Сены (первая колонна). Вокругъ Ратуши (вторая колонна). На лѣвомъ берегу Сены (третья колонна). Третій день возстанія. Вокругъ Пантеона (третья колонна). Вокругъ Ратуши (вторая колонна). На сѣверѣ Парижа (первая колонна). Четвертый день борьбы 56

Глава VII. *Нѣсколько заключительныхъ замѣчаній.* Стихійный элементъ въ революціи. Руководительство во время революціи. Случайность въ революціи. . . 80

Заграничныя изданія Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи (Бунда).

На еврейскомъ языкѣ:

Городской проповѣдникъ	фр.—.—
Сущность конституціи, Ф. Лассаля (2-е испр. изд.)	10
Какъ бельгійскіе рабочіе боролись за свободу	—
Предъ восходомъ солнца	15
Сказка о четырехъ братьяхъ	20
Сіонизмъ или соціализмъ	—
Манифестъ коммунистической партіи, К. Маркса и Фр. Энгельса	30
Что долженъ знать и помнить каждый рабочій	20
Чего хотятъ соціалдемократы въ Россіи	35
Заработная плата (2-ое изд.)	—
Агада (пасхальное сказаніе)	10
Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія	10
Въ борьбѣ	40
Кто чѣмъ живетъ, Дикштейна	20
Исторія англійскихъ рабочихъ союзовъ	40
Исторія еврейскаго рабочаго движенія въ Польшѣ и Россіи	30
Свобода (сборникъ революціонныхъ пѣсенъ)	30
Сущность соціализма	25
Парія среди пролетаріевъ (оттискъ изъ № 25 Arb. st.	10
Въ темную ночь (	
Взятіе Бастиліи	фр.—.10
Національное собраніе и ночь 4-го августа	10
Потребительныя товарищества, К. Каутскаго	20
Надгробное слово Александру II.	50
Женщина и работница, Клары Цеткиной (2-е изд.)	40
Итоги національнаго собранія.	10
Бомбардировка Благовѣщенска китайцами.	15
Софія Перовская (біографія).	15
Русскій ткачъ Петръ Алексѣевъ (біографія).	10
Александръ Михайловъ (біографія).	25
Андрей Ивановичъ Желябовъ (біографія).	25
Николай Ивановичъ Кибальчичъ (біографія).	10
Программа работниковъ, Ферд. Лассаля.	25
Разрушенный молъ.	10
Степанъ Халтуринъ (біографія).	10
оціальная реформа и соц. революція, К. Каутскаго.	30
На другой день послѣ соц. революціи, К. Каутскаго.	40
Эрфуртская программа съ предисловіемъ и исправленіями автора, К. Каутскаго.	1.25

По поводу закопопроекта г. Витте о стачкахъ и рабочихъ союзахъ. 5
„Благотворительность“, разск. Поля Эзи 5
Къ исторіи бельгійскаго рабочаго движенія. 25
„Въ домѣ умалишенныхъ“, разсказъ Д. П. . . 10
Религія и классовыя противорѣчія, М. А. 30
Кишиневская рѣзня. I. Матеріалы и документы. . . 25
Автономія или федерація? 10
Сіонизмъ, Лону. 25
Красное знамя, сборникъ разсказовъ и стихотвореній. 30
Пауки и мухи, В. Либкнехта 5
Классовые интересы, К. Каутскаго. 20
Резолюція V-го съѣзда о положеніи Бунда въ Партіи 10
Дѣятельность Бунда за послѣдніе два года 10
„Вѣрноподданные“, драма въ 1 актѣ, Синани . . . 15
Русскій рабочій въ революц. движеніи, Плеханова . 60
Фр. Энгельсъ (біографія), Каутскаго 30
Религія капитала, Лафарга 30
К. Марксъ, воспоминанія Лафарга. 20
Якутская драма 40
Докладъ Интераціональному соціалистическому конгрессу въ Амстердамѣ 10
Какъ мы забаррикадировались. 10
Политическіе процессы, А. Бундовца 50
Экономическіе перевороты и развитіе соціалдемократіи, М. Шиппеля 15
Сказка о четырехъ братьяхъ (2-ое изд.) 20
Семейство Цви, драма въ 4-хъ актахъ, Д. Пинскаго . 75
Исторія революц. движенія въ Россіи (часть I), Туна 50
„ „ „ „ (часть II), „ 50
Приложеніе къ № 39 „Арбейтерштимме“ 30
Разсказы изъ исторіи великой французской революціи 15
Какъ происходили революціи въ Западной Европѣ, П. Анмана. 50
Что такое учредительное собраніе, Б. Б—скаго . . 50
Конституція и наша программа, часть I: Политическій строй, Б. Б—скаго. 30
„Идишеръ Арбейтеръ“, №№ 1—17 . . . . . —
„Послѣднія событія“, №№ 1—12 . . . . . —

На русскомъ языкѣ:

Воззваніе къ еврейской интеллигенціи 20
IV съѣздъ Бунда 30
25-й № „Арбейтерштимме“ 75
Парія среди пролетаріевъ, Каутскаго (отд. оттискъ изъ № 25 „Арб. шт.“) 5
Въ темную ночь (отд. от. изъ № 25 „Арб. шт.“) . . 15
Гиршъ Лекертъ и его процессъ 10

Къ вопросу о національ. автономіи и преобразованіи Р. С.-Д. Р. Партіи на федеративныхъ началахъ.	30
Къ вопросу о терроризмѣ.	30
Наши ближайшія организаціонныя задачи . . .	10
П. П. С. о еврейскомъ рабочемъ движеніи . . .	15
Къ вопросу объ орган. демонстрацій и празд. 1 мая .	20
Автономія или федерація?	10
Сіонизмъ и интересы еврейскаго пролетаріата . .	40
Резолюція V съѣзда о положеніи Бунда въ Партіи передъ судомъ патріотовъ искровской фирмы . .	10
V-й съѣздъ Всеобщ. Евр. Рабоч. Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи	30
Дѣятельность Бунда за послѣдніе 2 года (отъ IV до V-го съѣзда).	20
Революціонные сысойки (листокъ).	10
II съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. (отчетъ делегаціи Бунда) .	50
VI-й сіонистическій конгрессъ въ Базелѣ	20
Домъ № 13, В. Короленко.	30
А .Вундовца Тайная докладная записка виленскаго губернатора о положеніи евреевъ въ Россіи. . .	40
Шифрованное письмо.	2.50
Правда о гомельскомъ погромѣ (переводъ съ евр. прокламаціи Ц. К. Бунда)	10
„Искра“ до и послѣ „реформы“ (отдѣльн. оттискъ изъ № 1-2 Вѣст. Бунда)	10
Докладъ делегаціи Бунда Интернац. Соц. Конгрессу въ Амстердамѣ	10
Якутская исторія, выпускъ 1-й	25
„ „ „ 2-й	30
„ „ „ 3-й	25
Якутскій процессъ, выпускъ 1-й	20
„ „ „ 2-й	25
„ „ „ 3-й	25
Вопросъ о представительствѣ на международномъ конгрессѣ въ Амстердамѣ	10
Заявленіе делегаціи Бунда на Амстердамскомъ конгрессѣ	—
Искризмъ (оттискъ изъ № 5 „В. Б.“)	10
Члены международнаго соціалистическаго бюро противъ Плеханова.	5
Вѣстникъ Бунда, №№ 1—5	—
Послѣднія Извѣстія, №№ 241, выходятъ еженедѣльно.	15
„ „ съ пересылкой	20

На польскомъ языкѣ:

„Арбейтерштимме“, № 25	75
Воззваніе къ еврейской интеллигенціи	20

IV съѣздъ Бунда 30
Исторія еврейскаго рабочаго движенія 75
Манифестъ союза кожевенниковъ 10
П. П. С. о еврейскомъ рабочемъ движеніи 20
Къ вопросу объ организаціи демонстрацій и празднованіи 1 мая 20
Положеніе Бунда въ Росс. С.-Д. Раб. Партіи. . . . 15
V-й съѣздъ Всеобщ. Евр. Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи. 30
Дѣятельность Бунда за посл. 2 года. 20
По поводу выхода Бунда изъ Росс. С.-Д. Р. Партіи (Воззваніе Ц. К. Бунда) 5
VI-й сіонистическій конгрессъ 30
Голосъ Бунда, №№ 1—3 . . . . . —
Новая страница изъ исторіи евреевъ въ Россіи . . 15
Докладъ интернаціон. конгрессу въ Амстердамѣ . . 10